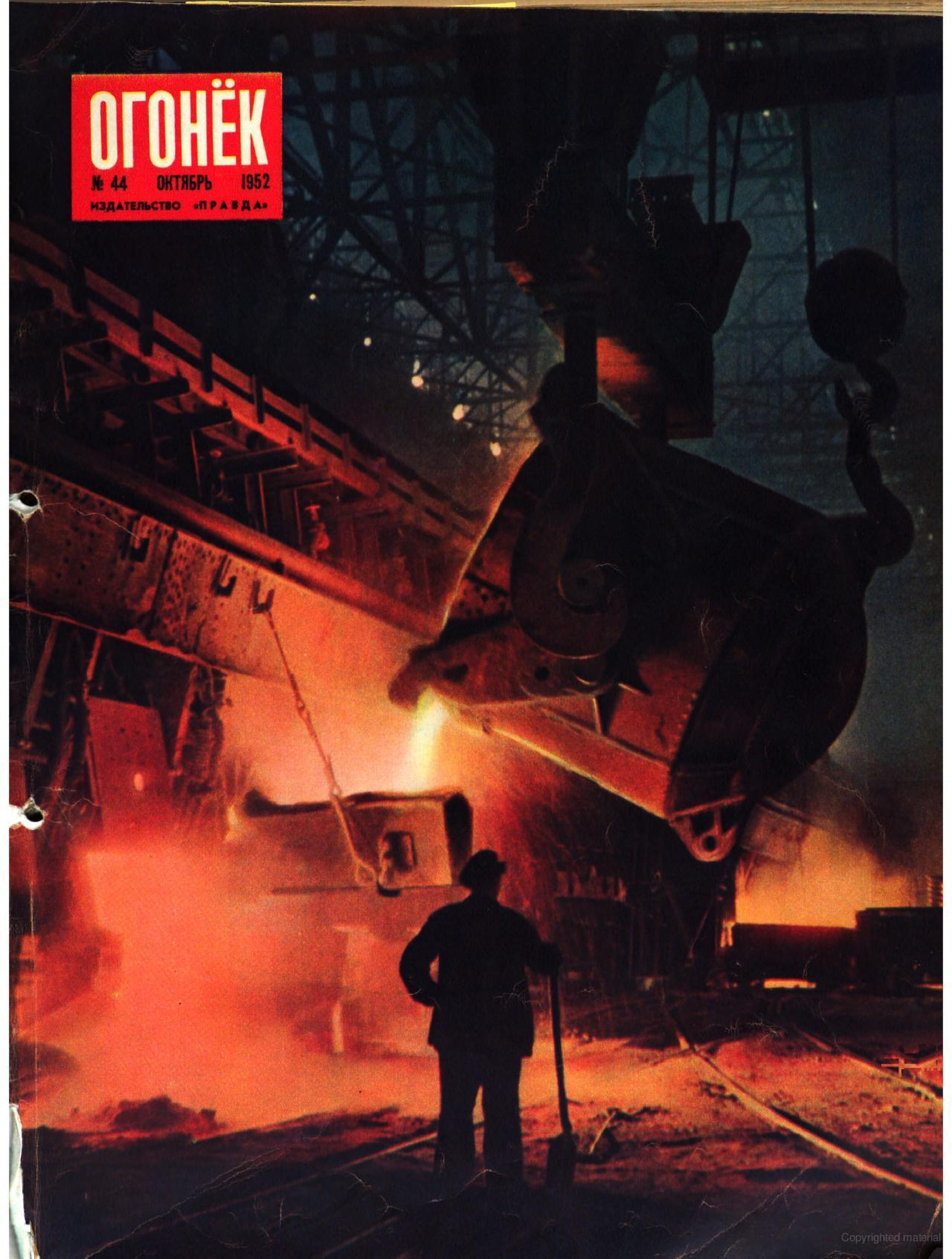

ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Когда советский народ по сталинскому замыслу предпринял в сибирской тайге строительство металлургического комбината, борзописцы Уолл-стрита иронизировали: «В этом диком крае на медведей охотиться, а не плавить металл. В сибирские морозы застынут домны и люди...»

Но вот прошли немногие годы, и в Кузнецке возник могучий комбинат. Мужественные советские люди достигли невиданных в мире скоростей плавки и проката металла. Они сумели подчинить себе и угрюмую сибирскую тайгу.

Из глубоких котлованов еще поднимались железобетонные фермы, а невдалеке садовники выращивали сеянцы тополя, клена и ясеня, декоративный кустарник, душистые цветы для клумб, аллей комбината и города металлургов. Так вместе с Кузнецким комбинатом возникло огромное по сибирским условиям садово-парковое хозяйство. Лишь фруктовые деревья занимают в нем 174 гектара да ягодники — 80.

Здесь выращивают преимущественно мичуринские гибридные сорта. В стелющейся форме под снегом они стойко переносят зимние невзгоды. Даже виноград кузнецкие садоводы сумели приспособить к жизни в открытом грунте.

Кузнецкие металлурги каждое лето получают сотни тысяч килограммов свежих фруктов и ягод из собственного хозяйства. Кроме того питомник ежегодно отпускает до 200 тысяч саженцев фруктовых и декоративных деревьев для озеленения поселков и городов Кузбасса.

На снимке: организатор садово-паркового хозяйства комбината садовод-агроном А. И. Воробьев.

Фото Г. Санько

На первой странице обложки: Ждановский металлургический завод «Азовсталь» имени Серго Орджоникидзе. Заливка чугуна в мартеновскую печь.

Фото Я. Рюмкина

На последней странице обложки: Осенним днем.

Фото М. Ананьина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1325)

30-й год издания

26 ОКТЯБРЯ 1952

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Великое воодушевление охватило советских людей в эти дни. Решения XIX съезда партии, историческая речь товарища И. В. Сталина вызывают новый прилив сил, горячее желание каждого советского человека работать лучше, плодотворнее, ускоряя наше движение вперед, к коммунизму.

В цехах заводов и фабрик, в колхозах и совхозах агитаторы знакомят рабочих, колхозников с материалами XIX съезда партии.

Агитатор Д. Немсадзе беседует с колхозниками сельхозартели имени Ленина Тержольского района (Грузия).

Председатель цехкома С. Н. Селютин (металлургический завод имени Сталина, город Сталино) читает материалы съезда рабочим доменного цеха

Внимательно слушают работницы Купавинской тонкосуконной фабрики рассказ делегата XIX съезда партии М. И. Рожневой (справа).

Фото П. Луценко, А. Батанова (ТАСС) и Я. Рюмкина

ТАМ, ГДЕ БЫЛА ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Н. СОЛОВЬЕВА

Фото И. РОМАНОВА

Серая, в мелких трещинах земля покрыта редкими кустиками пожелтевших неприхотливых растений. А над ними в белесом от зноя небе висит безжалостное солнце.

Голодною степью издавна прозвал народ обширный край от левого берега Сыр-Дарьи до оазисов Самарканда. Можно было проехать день, два и не встретить человека. Разве что, позванивая колокольцами, протянется караванной тропой цепочка медлительных верблюдов, и снова безмолвие воцарялось над унылой землей. Так было...

...1918 год. Только что закончился Седьмой съезд партии. Используя наступившую мирную передышку, большевики начали осуществлять ленинский план построения фундамента социалистической экономики. В этом плане не была забыта и Голодная степь. 17 мая 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об ассигновании средств на оросительные работы в Туркестане, декрет об орошении Голодной степи.

Волею партии в Голодную степь пришла жизнь.

Люди покорили природу. И в Голодной степи научились они выращивать высокий урожай. Появились тут замечательные мастера-хлопкоробы. И вот мы видим плоды их трудов. Зеленое хлопковое поле — богатство узбекского села.

Цветущей, плодоносной стала древняя земля, и ничем не оправдано сегодня старое название маленькой станции у города Мирзачуль.

— Не «Голодная степь», а «Гулистан» — «Страна цветов» — вот как должна она называться, — говорят здешние жители. Новый район так и назван — Гулистанским.

НА СНИМКАХ (сверху вниз): на хлопковом поле в Голодной степи; дорога в колхоз имени Молотова; секретарь парторганизации Ахматкул Давлятов проводит беседу.

Широкая, покрытая гравием дорога приводит нас в колхоз имени Молотова. По обеим ее сторонам тянутся белые домики. Глядя на них, на буйно поднявшуюся зелень садов, трудно поверить, что совсем недавно здесь была голая степь.

В полевой стан колхоза имени Фрунзе мы попали в середине дня. На высокой террасе, окруженной пестрым ковром цветов и аллеями тополей, собрались в обеденный час колхозники. Сегодня здесь проводит беседу Ахматкул Давлятов, секретарь партийной организации.

Слова лучше всего доходят до сердца, когда они подкреплены яркими примерами. А их у Давлятова много.

— В директивах по новому пятилетнему плану говорится об увеличении площади орошаемых земель, — говорит секретарь. — Посмотрите вокруг. Совсем недавно здесь росли бурьян и камыш. Наш колхоз освоил эти земли. Но ведь мы и дальше будем поднимать целину. Об этом и говорится в директивах.

— Мне не совсем понятно, Ахматкул,— перебил Давлятова Ганы Мирзаев. — В директивах записано, что к концу пятилетки надо довести урожайность хлопка до двадцати шести — двадцати семи центнеров. А мы уже в прошлом году собрали по двадцати восьми. Как же понимать этот пункт?

— Не все колхозы в Средней Азии собирают такие урожаи. Эти цифры касаются их. А нам по силам более трудные задачи...

— Это правильно,— кивнул головой бригадир.— Моя бригада борется за шестьдесят центнеров!

Звеньевой колхоза «Красная заря» Лолахон Ирбутаевой было всего 17 лет, когда ее имя узнала вся страна. Девушка вырастила невиданный урожай — больше ста центнеров хлопка на каждом гектаре. Сейчас Герой Социалистического Труда Лолахон Ирбутаева руководит уже бригадой.

Но повидать прославленного мастера нам не удалось. Пока еще не началась уборка. Лолахон отдыхает в одном из санаториев Крыма.

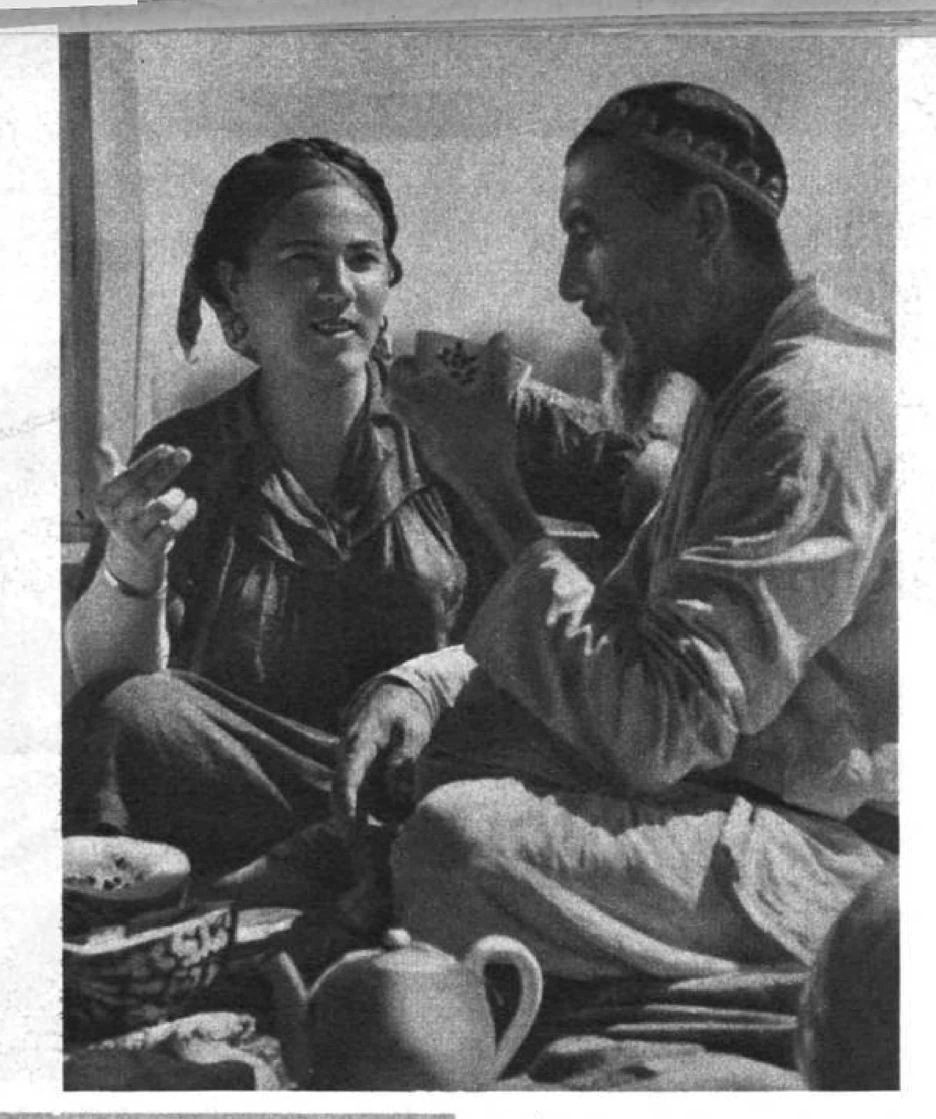
Девушки из ее бригады показали нам свои поля и тут же познакомили с Караматхон Умаровой.

— Ее бригада соревнуется с нашей,— сказала одна из девушек.

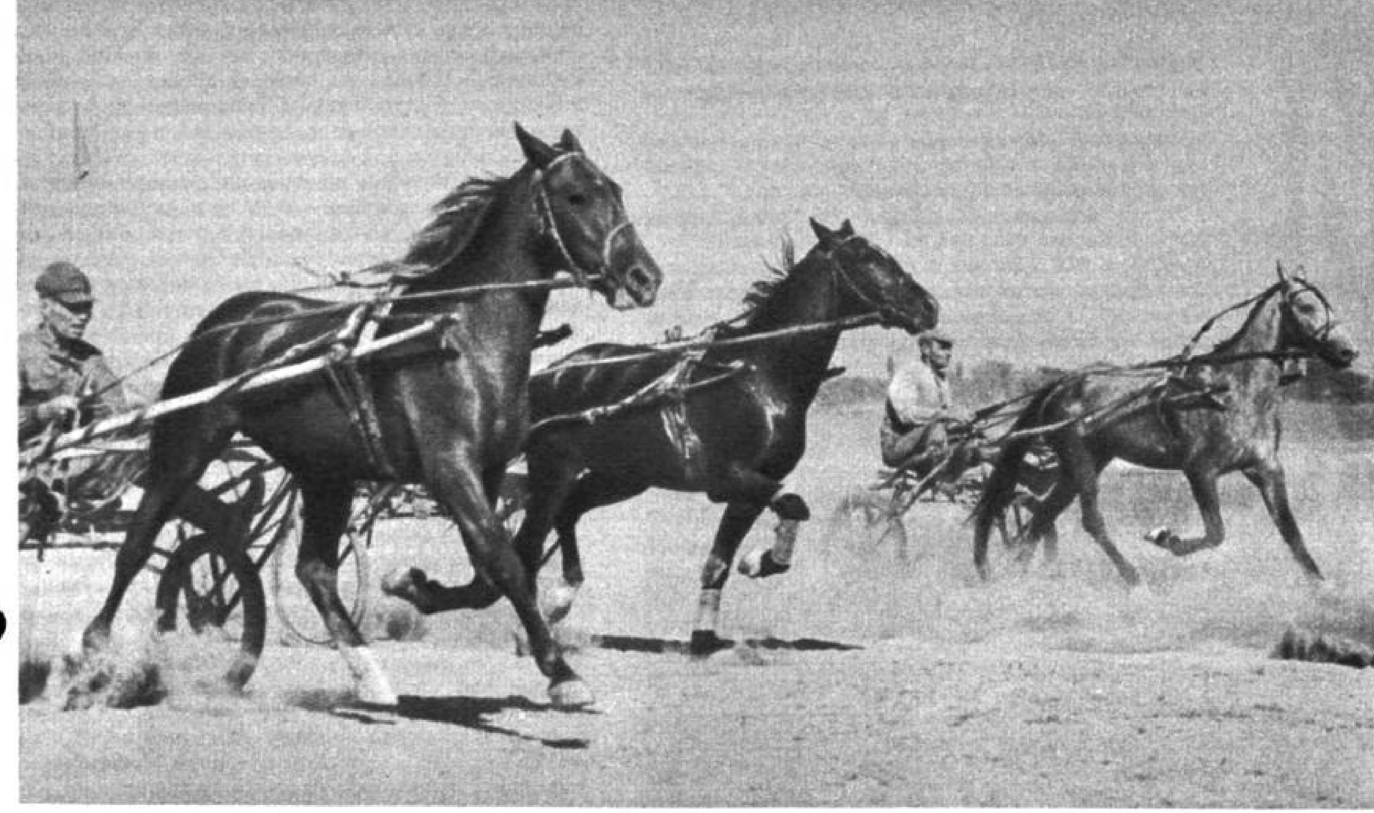
Высокая, с крутыми, сильными плечами, уверенными движениями, хозяйка дома Караматхон очень походит на своего отца — седобородого, но еще крепкого Хайдар-ата. Он, опытный звеньевой, был ее первым учителем. Но скоро ученица стала обгонять учителя. Караматхон доверили звено в бригаде Героя Социалистического Труда Абдурахмана Султанова. У молодого бригадира она научилась применять передовую агротехнику, умело организовывать работу. За два года урожай на ее участке значительно вырос.

Сейчас коммунистка Караматхон — уже сама бригадир. Но попрежнему она всегда советуется с отцом, хотя он так и остался звеньевым.

— Опыт у стариков очень богатый,— говорит бригадир.— А у нас обязательства большие: бригада решила собрать по восемьдесят пять центнеров хлопка с гектара. Отец всегда мудрый совет даст.

Караматхон Умарова и ее отец Хайдар-ата

Колхозные кони на Ташкентском ипподроме.

В Голодной степи нет пастбищ. Где же вырастил колхоз «Октябрь» таких статных рысаков-орловцев? Мы видели, как, красиво выбрасывая вперед точеные ноги, мчались кони по ипподрому в Ташкенте. Много призов завоевали они в этот день.

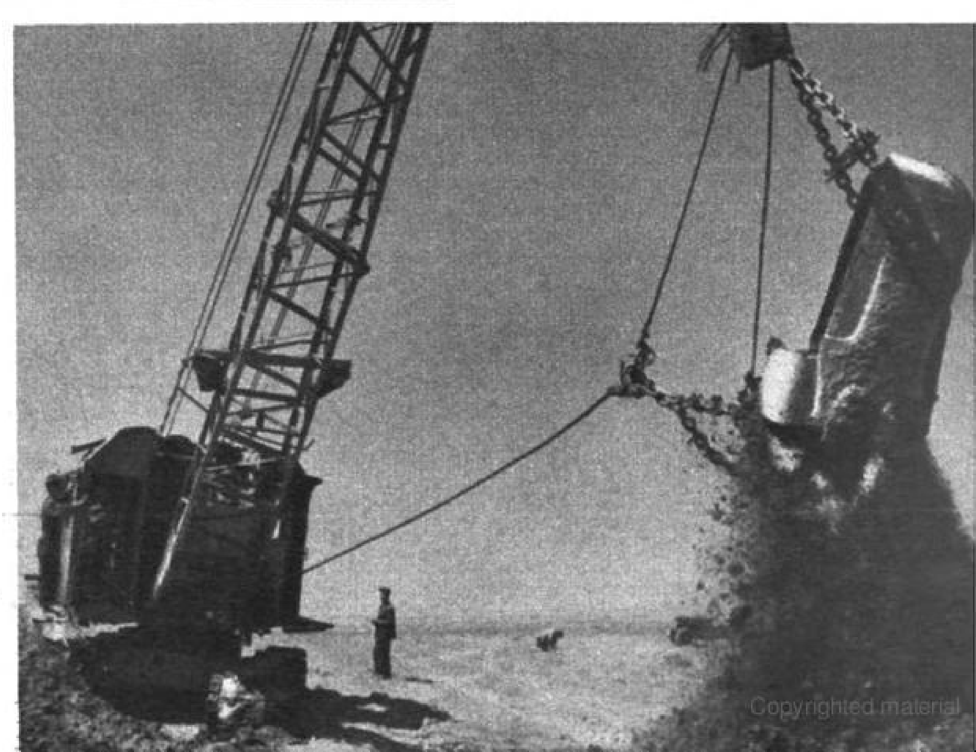
— Нет пастбищ, но есть травопольный севооборот,— говорят в колхозе.— Голодная степь теперь досыта кормит наши стада.

Мы едем по Голодной степи из села в село. И всюду, куда ни кинешь взгляд, видишь плоды человеческого созидательного труда, преобразующего суровую природу. Поднялись и щедро плодоносят молодые сады. Гнутся под тяжестью румяных плодов ветви персиковых деревьев, в зеленых туннелях виноградников наливается прозрачным соком сизочерный «чарас». От железнодорожных станций к Ташкенту идут вагоны, груженные ароматными дынями и большими полосатыми арбузами.

В Голодной степи появились десятки крупных ирригационных сооружений, тысячи каналов и коллекторов пересекают поля. Но совсем рядом еще простираются неосвоенные земли.

...Выжженная солнцем равнина. Трудно поверить, что только десяток километров отделяет ее от цветущих колхозных садов. Равнину прорезает глубокий ров — будущий коллектор, предназначенный для сбора грунтовых вод. Наступление на пустыню продолжается. У самой кромки рва стоит экскаватор. Механизаторы Мирзачульской машинно-экскаваторной станции первыми пришли на новые земли. Скоро сюда придут и колхозники. И близок уже день, когда на карте страны исчезнет самое название «Голодная степь».

На новые земли пришли экскаваторы.

Это тот самый хлопчик Микола, которого Блажевский грозился поставить часовым у поля.

НОВЫЙ РУБЕЖ

З. ХИРЕН

Фото Н. Козловского

1

— Рехнулся старик,— говорили многие в Любомирке, когда узнали, что Евгений Викторович Блажевский, построив себе хату, отдал ее безвозмездно каким-то чужим людям, а сам попросился к ним в квартиранты.

Тогда еще мало кто знал, что он не только отдал дом, но и все свои заработки предложил в общий котел семьи.

Весь век Блажевский прожил бобылем и особенной общительностью не отличался. К тому же огороды и парники, которые поручил ему колхоз, отнимали столько времени, что не всегда удавалось поговорить с людьми.

Недалеко от огорода стояла небольшая хата. Навстречу Блажевскому всегда выбегали из нее дети. Старик к ним так привык, что, когда они не появлялись, сам к ним спешил, расспрашивал о здоровье, нес гостинцы.

Как-то под вечер Блажевский у себя на приусадебном участке разговорился с соседом:

— Заработал я на трудодни восемнадцать центнеров хлеба, а куда мне столько? Не торговать же! Половину оставил колхозу. Много ли такому старому, как я, нужно? Что ни говори, а от седьмого десятка никуда не денешься!

Тогда же зародилась у него мысль поместить к себе в новый дом семью, с которой он познакомился на огороде.

Когда Блажевский сказал об этом, люди растерялись:

— Что вы! Где мы возьмем столько денег?

— Так я ж не продаю,— усмехнулся Блажевский.— Переезжайте и живите себе, а мне, старому, зачем такие хоромы?

— Но ведь вы сами недавно эту хату себе поставили?!

— Что ж, что поставил!

Так на старости лет Блажевский обрел семью. Больше всех полюбился ему в ней Микола, маленький хлопчик. Тогда ему и пяти лет еще не было, а он уже в трактористы собрался. Залезет, бывало, на самый верх трактора, очки на нос нацепит и машет руками, будто рычагами управляет.

Куда дядько Евген — так Микола называл Блажевского,— туда и малыш. Поднимет его к себе на плечи Блажевский и уносит в степь, а тот сидит, как казак в седле. На гору взойдут — весь мир перед ними лежит. Не то что Любомирка, но и Яр, Валентиновка, село Глыбочек, железнодорожная станция, слободка, лес большой и даже Красные Окна — все как на ладони.

Скажет Евгений Викторович:

— Тяжко мне, Микола, таскать тебя.

А тот отвечает:

— Вырасту и тебя на руках понесу, мне-то тяжелей будет. Ты вон какой большой, а я что? Я, как пуговичка.

Смеется старик:

— Замысловатый хлопчик!

Любомирка стоит на двух горах, а между ними течет речка Сухой Ягорлык. Сейчас это тихая, маленькая речка, а соберутся тучи, хлынут дожди — образуется целое море. В него текут ручейки. Около ручейков — озера, и корабли уже бороздят их воды. То это просто щепки, то консервные банки с флажками, то шлюпки, то фрегаты с парусами из тряпок.

Несется флотилия, а на берегу с восхищением следит за ней детвора. Но вот посреди улицы появился маленький хлопчик. В руках у него настоящий глиссер. Солнце блестит на красных отполированных бортах. Забыв о своей «флотилии», ребята бегут навстречу хлопчику.

— Микола, Микола! — слышится со всех сторон.

Каждому хочется потрогать красивый глиссер.

— То дядько Евген мне привез,— объявляет Микола.

— Давай спустим твой глиссер на воду,— предлагают товарищи.

— Нельзя,— отвечает Микола.— Дядько Евген сказал, что такому большому пароходу только в Ягорлыке плавать.

Но через несколько минут «большой пароход» уже следует флагманом в кильватерной колонне любомирской «флотилии». Да еще как сердито бурчит, как разбрызгивает воду!

Микола стоит, зачарованный, в кругу своих товарищей.

Неподалеку, возле вербы, остановился Блажевский. Микола его не замечает, но старик хорошо видит мальчугана. От теплого ли ветра, от солнца ли, но лицо старика раскраснелось, выглядит молодо, весело. Внимательно смотрит он на Миколу и все время большим и указательным пальцами поглаживает свои густые усы. Хоть и любит он сам подшучивать над собой, что он старый дед, что волосы у него, как белая конская грива, а усы от долголетия уже зеленеть стали, но разве, взглянув на него сейчас, скажешь, что это дед?

Вечером Блажевский, как только вошел в дом, скинул в передней сапоги, облепленные густой грязью и навозом, расстегнул косоворотку, поправил расческой намокшие, сбившиеся под шапкой волосы и первым долгом заглянул к Миколе.

Намаявшись за день со своим глиссером, мальчик теперь спал. Тут же на стуле лежал глиссер.

— Микола, ты спишь? — шепчет старик.— Ухожу — ты спишь, прихожу — ты спишь,— с этими словами подходит он на цыпочках к ребенку. Щеки у того шершавые, глаза зажмурил, будто больше не думает их открывать. Но вот, словно ветерок, по лицу пробежала улыбка.

— Ну и плут же ты, Микола! Только притворяешься, что спишь, а сам все слушаешь да на ус мотаешь,— усмехается Блажевский и подает хлопчику большущий бублик.

Еще холодновато, и Евгений Викторович не всегда берет с собой малыша, но вот потеплеет, и оба станут неразлучны. До позднего вечера Микола будет вместе с Блажевским. К этому все настолько привыкли, что когда летом Евгений Викторович появляется где-нибудь без Миколы, сразу спрашивают:

— А где ж ваш хлопчик?

— Мой главный ученик,— шутя называет Евгений Викторович Миколу.

Не раз, склонившись над молоденькими растениями, старик объясняет малышу:

— Бачишь? Теперь они маленькие-маленькие, каким и ты был, но вырастут,— до самого неба доставать будут.

Микола слушает своего дядько Евгена и, когда тот пересаживает густо разросшиеся растения, поливает их из детского ведерка.

А с парниками малыш так освоился, что свободно по ним карабкается, объясняет девчатам, какую раму выше поднять, какую ниже, чтоб не было сквозняков.

Теперь в Любомирке уже не говорят, что старик рехнулся, отдав чужим людям свою хату. Поняли, что значит для этого человека семья, дети.

2

Вскоре, однако, в Любомирке опять все заговорили о Блажевском, и опять многим его поведение показалось по меньшей мере странным.

Прибегает он в правление колхоза и просит, чтоб его бригаде отрезали еще гектар земли. Другие жалуются, что у них людей не хватает, а вот Блажевскому не хватило земли.

Старик рассказал, что утром к нему на огород пришли представители района. Он решил, что они хотят ознакомиться с его полями. Но те сказали, что их прислали подыскать площадь под гектар высокоурожайной кукурузы, и вот лучше той земли, на которой Блажевский вырастил свои помидоры, они нигде не нашли.

— Ничего, ничего, старина, придется немножко потесниться...

Это его мало устраивало, но все же, услы-

шав, что люди заботятся о высоких урожаях, он сказал:

— Ладно, пусть будет по-вашему, только для кукурузы этот участок не годится, можно подобрать получше.

— Но ведь помидоры-то, смотрите, какие у вас хорошие! — перебили они его.

— Помидоры — другое дело,— ответил он,— а вам бы лучше повыше, там более подходящее местечко.

Поднялись наверх.

— Нет, земля эта не годится,— сказали они.— Мы к вам по серьезному делу, а вы просто не по-партийному поступаете, стараетесь подсунуть то, что вам не гоже.

Не знали эти люди, как больно ранят их слова сердце старого крестьянина.

Вспоминая обо всем этом уже в правлении колхоза, Блажевский так и сказал:

— Кольнули они меня в самое сердце. Поступайте, как знаете! — разгневался потом старик.— Одно скажу вам, еще такого не бывало, чтобы к новому приходили по проторенной дорожке.

И вот Блажевский решил заняться кукурузой на той самой земле, которую забраковали его гости.

Председателю колхоза не очень-то понравилось, что Блажевский ввязался, как ему показалось, не в свое дело.

— Что ж это вы, Евгений Викторович, к старому клоните,— начал председатель,— люди пришли нам помочь, а вы за свои помидоры испугались.

Совсем иначе ко всей этой истории отнесся секретарь партийной организации. Ему тоже было известно, что у них в колхозе решено выделить один гектар для высокоурожайной кукурузы, но то, что Блажевский сам, по своей инициативе, хотел за это дело взяться, его обрадовало. Секретарю было стыдно за тех людей, которые обидели своим упреком Блажевского на огороде, а теперь председатель повторил почти то же самое.

— Знаешь,— обратился он к нему,— по-моему, будет очень хорошо, если Евгений Викторович возьмется за это дело. Человек он опытный, хорошо знает агротехнику. Посмотри, какие у него помидоры, огурцы! Что ж, ты думаешь, он не справится с кукурузой? Справится, да еще как!

— Слушайте, слушайте,— пытался несколько раз вставить свое слово Блажевский, но так ничего и не сказал.

Со стороны могло показаться, что в истории с кукурузой ничего особенного нет. Но для самого Блажевского она значила много. Ровесники Блажевского за эти годы стали государственными, партийными работниками, достигли больших успехов в колхозных делах, в новаторстве; значит, Блажевского в этом отношении можно считать просто юношей, десятым — двадцатым поколением колхозных активистов.

Но зато каким смелым делом начиналась эта «юность»! С какой удесятеренной энергией и силой ввязался Блажевский в бой за высокие урожаи!

Любомирка никогда не славилась высокими урожаями кукурузы. О том знали все, но обидно было, что с этим все как-то свыклись. И вот нашелся человек, который взялся положить конец рутине, застою.

По тому, как Блажевский готовил семена, удобрения, заботился о почве, делился с помощницами своими планами, запасался книгами, нетрудно было понять, как дорожит он осуществлением задуманного.

Всю зиму початки висели у него в доме под потолком.

— Так им будет потеплее,— говорил он.

Пришло время, и Евгений Викторович забрался наверх, стал отвязывать их. Некоторые попадали на пол, и Микола, запыхавшись, бегал по хате, подбирал початки и складывал их ровными рядочками возле печки.

— Сильное мы теперь с тобой имеем оружие,— смеялся Блажевский, усаживаясь на низенькую скамеечку, которую Микола уже успел принести ему из соседней комнаты. — Возьми хотя бы этот початок — вон какой большой!..

Верхушку и нижнюю часть Блажевский обламывал, на семена вылущивал только середину, где расположены наиболее крупные зерна. Торбочка, стоявшая у ног старика, постепенно наполнялась зерном. За окном лежали поля, очистившиеся от снега. Небо посветлело. Большое солнце не переставало глядеть к ним в хату. Вся природа ликовала, будто перед большим праздником. То Микола, то дядько Евген смешно жмурились от яркого света.

Начиналась весна, принесшая затем столько счастья этому старому крестьянину. Он достиг того, чего не знала Любомирка со дня своего существования: снял урожай в десять — пятнадцать раз больший, чем обычно снимали: с одного гектара убрал почти 115 центнеров кукурузы.

— Але це ще мало,— уверял он всех, когда его поздравляли.— Один гектар для нас — капля в море. На таком клочке земли и технике негде развернуться, а ее у нас, как вы знаете, хватает.

На следующий год он попросил дать ему десять гектаров.

3

Нашлись между тем люди, которые сомневались: сумеет ли Блажевский на такой большой площади углядеть за всеми растениями? Хотя Блажевский и уверял, что не намерен заглядывать в каждую луночку, на самом-то деле он знал все до одного растения и ухаживал за каждым с прежней любовью.

Особенно это почувствовали трактористы. Приходят они к нему на междурядную обработку, а Блажевский говорит:

— Глядите, ни одного моего растения не заденьте, у меня на счету каждое.

Трактористы подумали, что Блажевский шутит. На гектаре у него сорок тысяч стеблей, на всей площади — чуть ли не полмиллиона, как же тут упомнить каждый стебелек, тем более, что были они к тому времени еще очень крошечные, еле-еле из земли выглядывали!

— Не велика беда, если парочку помнем,— усмехнулись трактористы.

— Это как же? — распалился Блажевский.

— Да так, очень просто.

— Нет, этого я не допущу! — И, подняв руку, преградил им путь.— Езжайте себе, голуби, до дому!

Это была не единственная стычка с трактористами.

— Лютый старик,— стали говорить многие о Блажевском.

Посылают к нему трактористов, а те первым делом спрашивают:

— Перерасход горючего за чей счет отнести?

— А зачем перерасход допускать?

— Как же, ведь мы к Блажевскому!

В других бригадах проверяют лишь законченную работу, а Блажевский ходит за трактористами, как тень. Можно подумать, что старик боится, как бы ребята не унесли у него грудку земли. Уже это не всем по душе, а тут еще старик критику наводит.

...То, что сравнительно легко удалось на одном гектаре, оказалось невыносимо трудным на десяти. Да еще буря в начале июля пронеслась, и такая, что тополи повырывало. За окном две груши росли, так и их на дорогу выбросило. Что ж тут сказать о кукурузе?

Труднее же всего Блажевскому пришлось с людьми, которые жили по старинке, «на задах». И все-таки он стал душой большого дела. К Блажевскому стали приезжать со всего района, им заинтересовались ученые.

Прибыли как-то на его поля районные работники и председатели других колхозов. Секретарь райкома партии, потрясая высоким стеблем, с которого попадали на землю здоровенные початки, сказал с упреком одному из председателей:

— Повези к себе домой хоть парочку вот таких, покажи людям, как нужно работать!

Гости срывали с початков зеленые обертки, и те скрипели под руками, как упругий шелк. Ветер разносил тонкие волоски русых косичек, выбившихся из растений наружу.

Но вот из чащи, раздвигая перед собой шуршащие заросли, показался Блажевский. В руках он держал початок таких огромных размеров, что и свет не видывал. Булава Богдана Хмельницкого на памятнике в Киеве — и та меньше.

— Але це ще мало,— усмехнулся Евгений Викторович.— Надо трохи-трохи подождать. Была бы справная кукуруза, да ломают, чертяки, не терпится им, на пню ломают. Миколу с ружьем выставить, что ли,— и Блажевский показал на хлопчика, который все это время топтался среди гостей, заглядывая с любопытством каждому в лицо. Между прочим, здесь было несколько соток земли, за которыми ухаживал Микола.

— Пусть учится,— смеялся Блажевский,— быть ему агрономом.

Часть поля Блажевского граничила со ста-

На открытом партийном собрании Е. В. Блажевский рассказывает о своих дальнейших планах.

рой, заброшенной дорогой. Бывало, ни души не встретишь там. Но с тех пор, как стало известно об урожаях Блажевского, все вдруг зачастили — кто на бидарках, кто на грузовиках, кто на «победах».

— Что они носятся! — сердился старик.— Что они тут оставили! Знаю, что не для еды берут — на семена. Но мой-то урожай от этого уменьшается!

По правде говоря, был в том виноват и сам Блажевский. За последнее время он несколько раз выступал по радио и советовал отбирать на семена початки, что еще на корню.

— Так легче обнаружить самое здоровое растение,— уверял он слушателей.

Позднее вышла из печати его книжечка «Мой опыт выращивания высоких урожаев». В ней давал он тот же совет. И получилось так, что люди слушали его лекции, читали его книжечку, следовали его советам, а страдал от этого сам лектор, сам автор, потому что кукуруза-то эта принадлежала ему.

Впрочем, сердился он больше для вида. В душе был доволен, что народ уверовал в его сорт. Потери же, которые он понес от этого внимания, были настолько незначительны, что повлиять на урожай не могли.

Как-то в воскресенье Блажевский возился над грядками у себя на участке. Как и всегда, рядом с ним можно было увидеть и Миколу. Участок этот молодежь в Любомирке давно прозвала «колхозной академией». Здесь старик производил множество интереснейших опытов.

Прислал ему один ученый три килограмма рису и попросил, чтоб он посеял его у себя. Блажевский охотно взялся за дело. Набил колышки, исправно поливал землю, перекучивал и к сентябрю сжал пятнадцать снопиков. Рис вышел хороший.

Вскоре после этого случилось ему побывать в Одессе, и там, на областном совещании, подходит к нему пожилой человек и спрашивает:

— Не вы ли Блажевский?

— Я,— ответил он.

— А я вас разыскиваю, даже собирался в Любомирку к вам! Скажите, как у вас с моим рисом?

Блажевский все рассказал, а ученый попросил на следующий год проделать другой опыт: часть посева поливать, а часть пусть растет без полива.

Только с одним поговорили — подходит другой ученый, интересуется, как привилась пшеница, которую он послал в Любомирку. Никогда Блажевский не думал, что у него столько друзей.

Прибыла новая кукурузосажалка.

Выходило так, что не зря участок Евгения Викторовича в Любомирке переименовали в «академию».

...И вот в воскресенье подъезжает к его «академии» несколько легковых машин: приехали вручать Евгению Викторовичу Золотую звезду. Гостей вышла встречать вся семья. Был тут и Микола.

— А мы никогда не думали, что Любомирка даст первого Героя Социалистического Труда в Котовском районе,— пошутил один из гостей.

— А вот мы с Евгением Викторовичем в том и не сомневались,— засмеялся секретарь райкома и обнял старика.

Когда спустя некоторое время Блажевского принимали в кандидаты партии, один из коммунистов сказал:

— Блажевского я знаю давно. Вместе с ним сидели мы в одном окопе в первую мировую войну, но я никогда не думал, что в этом человеке скрыта такая большая сила, а главное,— об этом всем нам известно — свои силы он пробует на самых смелых делах, берет от земли все, чего хочет народ, чего хочет партия.

4

— Разве это дело,— сказал Блажевский на одном из партийных собраний,— когда у нас людей, приехавших впервые в Любомирку, стараются возить мимо колхозных полей на третьей или уже не знаю там на какой скорости, а подъедут к высокоурожайной ланке, дают тихий ход, а то и совсем остановятся: «Смотрите, люди добрые, какой замечательный урожай вырастил у нас Блажевский»!

Евгений Викторович, конечно, шутил, преувеличивал, но мысль его понятна была всем. Он ненавидит все показное. К слову пришлось, и он вспомнил колхозницу, которую недавно повстречал в Киеве на совещании.

— Посмотрели бы вы, как она там в президиуме среди больших людей сидит,— сказал Блажевский.— Одному шепнет что-то на ухо, другому. Репликами, как орешками, щелкает. Какого хотите оратора в жар бросит. Сама всегда выступает красиво, а голос у нее, как звоночек.

Но вот в последний раз беда с той жинкой случилась. И такая, что не спрашивайте. То она всем реплики направо и налево кидала, а тут ей одну отщелкали, на вид маленькую, совсем в горошинку, а ударило больно. Что там долго говорить! Стоит наша приятелька в президиуме и докладывает про свое звено. Столько-то центнеров сняли, столько-то удобрений внесли. Словом, все как следует. Но тут-то и раздалась реплика: «Это известно, что у тебя, Анна, в звене все хорошо. А ты нам скажи, какой урожай в колхозе, как там дела?» И тут-то, не поверите, все слова у нее поперек горла стали, а руки так и запрыгали. Всем стало ясно, что в колхозе у нашей уважаемой дела не такие веселые, и получился вареник без сыру.

Больше всего Блажевский боялся, чтобы подобное не произошло у них в Любомирке. Не раз говорил он своим девчатам:

— Мы плохо работаем.

— Почему же плохо? — недоумевали они.— Ведь у нас самые высокие урожаи!

— А во всем колхозе? — спрашивал у них Блажевский.

И вот стал он всем звеном отбирать лучшие початки на семена не только своему колхозу, а всему району.

Одного Блажевский не терпел, когда люди на словах во всем с ним соглашались, а сами норовили все по старинке делать.

— Что ты все «да» и «да»,— скажет он такому человеку,— хоть бы раз один сказал «нет», а то не поймешь тебя, живешь ты или умираешь, только и знаешь поддакивать...

Вызвали недавно Блажевского в Москву. До этого он там был дважды — и оба раза делегатом Всесоюзных конференций сторонников мира.

Теперь Блажевского пригласил к себе Всесоюзный институт механизации сельского хозяйства. Институт в Москве был озабочен тем же, чем Блажевский у себя в Любомирке. Евгений Викторович стремился к тому, чтобы опыт его звена стал достоянием всего колхоза, а институт заботился о том же в масштабах целой державы.

— Я вижу,— сказал Блажевский,— что ученые и простые люди идут одной дорогой, уважают друг друга и помогают друг другу.

Показали старику испытание новых сельскохозяйственных машин. Познакомился он с механизированной посадкой картофеля и кукурузы.

Блажевский до того пользовался ручной кукурузосажалкой. У него было почти полмиллиона растений. Приходилось почти полмиллиона раз нагибаться к земле, чтобы сделать гнездо и положить в него семена. А тут всю работу выполняет машина. Блажевский не утерпел и сказал:

— Нам бы такую!

И подумал о рисе, которым можно будет заняться в более широких масштабах, о пшенице — царице колхозных полей, о картофеле.

Когда же он попытался затем представить себе все увиденные машины в работе, в степи, перед глазами встала гигантская фабрика зерна. Сердце старого крестьянина наполнилось огромной радостью. Вскоре после возвращения в Любомирку на имя Блажевского прибыла та самая машина, о которой он в Москве с восхищением сказал: «Нам бы такую!»

Блажевский построил для нее навес. Одна беда: забыли москвичи прислать инструкцию, и старику пришлось много повозиться, пока он хоть сколько-нибудь освоил новинку.

* * *

Вечер. За большим столом, накрытым белой скатертью, сидят друг против друга два ученика. Перед каждым раскрыта книга. Оба готовятся к занятиям. Перед одним — букварь, перед другим — история Коммунистической партии. Время от времени то один, то другой поднимает голову и украдкой смотрит. Иногда их глаза встречаются. Но вот один из них — тот, что сидел за букварем,— улучил момент и сидит уже на коленях другого, теребит его за белые, как молоко, усы:

— Дядько Евген, когда ты мне мотор на мотоциклете починишь?

Это Микола, тот самый хлопчик, которого Блажевский однажды летом грозился выставить часовым к своей кукурузе. Теперь он уже ходит в школу и каждый раз, возвращаясь домой, показывает Блажевскому свою пятерню. Это значит, что сегодня он получил еще одну пятерку.

Некоторое время тому назад произошло самое крупное событие у Блажевского: он вступил на новый жизненный рубеж. Секретарь райкома партии вручил ему партийный билет.

Я БЫЛ НА ПЕКИНСКОМ КОНГРЕССЕ

Профессор Генрих БРАНДВЕЙНЕР,
член Всемирного Совета Мира

Профессор Генрих Брандвейнер.

Мне выпала честь получить личное приглашение на Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана. Благодаря этому я второй раз в течение этого года побывал в Пекине.

В первый раз я увидел столицу нового Китая, возвращаясь из поездки в Корею, где участвовал в расследовании военных преступлений американцев в качестве председателя Международной комиссии юристов. И вот я снова очутился в этом изумительном городе. По случаю национального праздника 1 октября — дня провозглашения Китайской Народной Республики — Пекин оделся в яркие, праздничные одежды. Стояло теплое позднее лето. Солнце ласково грело город, и жители его с радостным нетерпением ждали традиционного празднества.

Но еще в канун юбилейного дня народным правительством был устроен прием для героев труда, для особо отличившихся добровольцев Корейского фронта и многочисленных иностранных гостей, съехавшихся на Конгресс сторонников мира. На этом приеме мне выпало счастье быть лично представленным председателю народного правительства Мао Цзэ-дуну. Этой минуты я не забуду никогда. Я видел так близко его массивную и сильную фигуру, простой коричневый костюм без какого-либо знака отличия, большую голову с черными, зачесанными назад волосами. Простой и величавый облик вождя многомиллионного китайского народа произвел на меня неизгладимое впечатление.

На следующий день я увидел председателя Мао Цзэ-дуна в другой обстановке — он снова был овеян могучим ветром энтузиазма народных масс. Он стоял на трибуне площади Тяньаньмынь вместе с другими членами Центрального народного правительства, принимая военный парад и приветствуя торжественное народное шествие. Трудно представить себе более убедительную и живую картину неразрывной близости китайского народа к своему народному правительству, чем эти народные празднества, которые я видел собственными глазами!

Только что закончился парад войск. Огромная площадь, находящаяся у входа в некогда «запрещенный город» — бывшую императорскую резиденцию,— несколько минут лежала перед нами пустая. И вдруг ее наводнила неисчислимая масса детей и взрослых, поющих, кричащих, торжествующих, с цветами в руках — целое море людей, прибой которого докатился до красных стен огромных ворот, над которыми расположились на трибуне члены народного правительства. Это была волнующая минута, одна из тех, которые надолго остаются жить в памяти человека.

Вечером на площади был весь Пекин. Сотни тысяч людей танцевали под музыку, провозглашали здравицы в честь Мао Цзэ-дуна, подымали вверх детей, смеялись и шутили. Только видя это зрелище, можно по-настоящему ощутить, какое огромное значение имеет для китайского народа эта свобода, обретенная впервые после веков угнетения!

И еще одно увидел я с полной отчетливостью в эти дни: в сознании каждого гражданина нового Китая гордость за завоеванную свободу неразрывно связана с пониманием того, что фундаментом этой свободы должен быть мир. Слишком долго страдал китайский народ от тяжелых бедствий, которые несли ему бесконечные захватнические войны милитаристов! Поэтому с таким мужеством и решимостью отстаивает он дело мира и готов бороться за мир до конца. Вот почему весь многомиллионный Китай с такой теплотой и сердечностью приветствовал собравшихся на его территории делегатов Конгресса сторонников мира стран Азии и Тихого океана.

Пекинский мирный конгресс состоялся как нельзя более своевременно. Вопрос о мире — это отнюдь не академический вопрос для народов Азии и в особенности для Китая. В этой части земного шара мир — самое настоятельное, самое кровное дело для каждого человека. Война в Корее все еще длится...

Но и для стран Западного полушария, расположенных на побережье Тихого океана, в особенности для малых латиноамериканских стран, угроза войны становится все более острой. Соединенные Штаты все больше опутывают эти страны цепями вассальной зависимости, все настойчивее втягивают их в военные авантюры. Примером может служить Колумбия, которую заставили послать свои войска в Корею.

Японская делегация на конгрессе была многочисленной, хотя делегаты не получили виз от своего правительства и прибыли в Пекин, преодолев серьезные трудности. Японских делегатов приветствовали тепло и сердечно. В них участники конгресса видели представителей миролюбивого японского народа, который извлек уроки из прошлого и не желает, чтобы его судьбой снова распоряжались милитаристы. Речи японских делегатов еще и еще раз показали, что японский народ против сан-францисского договора и против так называемого американо-японского «договора безопасности». Оба эти договора увековечивают оккупацию Японии и мешают покончить с состоянием войны между Японией и другими странами.

Из выступлений японской делегации отчетливо выявилась картина сговора между американскими фабрикантами оружия и японскими милитаристами. Японские милитаристы уже снова охвачены старой завоевательской лихорадкой, они мечтают вновь о так называемом «великоазиатском сопроцветании». Во имя этого американские монополии все крепче прибирают к рукам высокоразвитую японскую индустрию. Во имя этого создаются в Японии стратегические базы и подготовляется новое пушечное мясо. Но растет сопротивление японского народа всем этим планам. Борьба за мир становится всенародным делом в Японии наших дней. В движении участвуют профсоюзы, крестьянские организации, массы студентов. И это крупнейший фактор в борьбе за сохранение мира в Азии.

Большое место занял, естественно, на конгрессе корейский вопрос. Американская интервенция в Корее продолжается уже третий год. Переговоры о перемирии недавно были вновь прерваны американской стороной. Между тем только вопрос о репатриации военнопленных оставался еще открытым, так как американская сторона продолжает настаивать на так называемой «добровольной» репатриации. Это показывает, что она не заинтересована всерьез в перемирии в Корее. Американцы явно не сводят в этом деле концы с концами. На переговорах о перемирии американцы заявили, что якобы более 100 тысяч военнопленных «приняли» их «принцип добровольной репатриации» и отказываются возвратиться на родину. Возникает вопрос: если действительно такое огромное число пленных отказывается от репатриации, к полному удовольствию американских генералов, почему же американцы вынуждены были пустить в ход против пленных на острове Кочжедо танки и даже огнеметы? Этот остров, как известно, не является полем сражения, это лагерь для военнопленных, а военнопленные, как известно, бывают безоружны. Все это изобличает так называемую «добровольную репатриацию» как сплошную беспардонную ложь.

В Корее были применены американские средства химической и бактериологической войны. Это установлено беспристрастными обследованиями, произведенными на месте Международной комиссией юристов и Международной комиссией ученых. Во имя интересов человечества надо требовать, чтобы все государства и прежде всего США, которые еще не ратифицировали Женевскую конвенцию, запрещающую бактериологическое и химическое оружие, ратифицировали ее. Человечество уже сказало ясно и отчетливо: применение химического и бактериологического оружия есть военное преступление, а если оно направляется против мирного населения,— преступление против человечности.

На конгрессе в Пекине стояло много других вопросов: вопрос о национальной независимости, о защите прав матери и ребенка, о культурном обмене между народами, о международных экономических связях. Конгресс обсудил также жгучий для всего человечества вопрос — о заключении Пакта Мира между пятью державами. На все эти вопросы конгресс дал ответ, отражающий волю и стремление миллиарда шестисот миллионов простых миролюбивых людей, населяющих страны Азии и бассейн Тихого океана.

Конгресс явился серьезным шагом вперед на пути сохранения и упрочения мира для стран Азии, а тем самым и для всего человечества.

ПРОЙДЕМСЯ ПО МИНСКУ...

В. ПОНОМАРЕВ **Фото М. САВИНА**

Ранним утром, как и ежедневно, в Минск прибывает курьерский поезд из Москвы. Пассажиры выходят на малолюдные еще улицы, направляясь по своим делам.

И если есть среди них человек, который не бывал в Минске несколько лет, он остановится на первом же перекрестке и долго будет оглядываться вокруг, узнавая и не узнавая знакомый город.

— Как пройти на Комсомольскую улицу? — спросит он.

— Это и есть Комсомольская.

— Вот как! Глазам своим не верю!..

Всего семь лет назад над Минском засветилась заря первого мирного дня после Великой Отечественной войны. Но как вырос и преобразился город партизанской славы, какой полнокровной, интересной жизнью живет он теперь!

Одно за другим вступают в строй новые предприятия, научные учреждения, вузы. Первоклассные заводы и фабрики выпускают новые образцы продукции. Поднимаются жилые кварталы. На бывших пепелищах и пустырях шумят листвой новые тенистые парки и скверы. Новые, новые, новые... Когда говоришь о Минске, слово это повторяешь бесконечно, так как, куда ни глянешь, повсюду все новое, молодое.

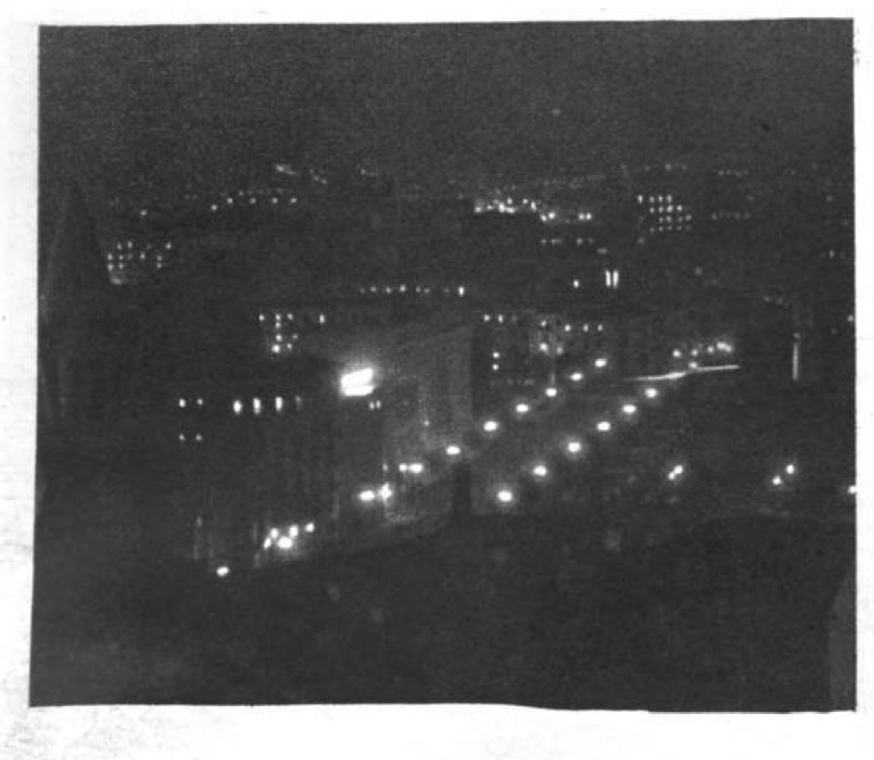
Наши снимки рассказывают о том, что́ мы увидели в Минске в один из погожих дней нынешней осени.

Перемены в городе начинаются с Привокзальной площади. Здесь воздвигнут высокий дом, радующий глаз светлой отделкой. Он уже заселен. А неподалеку вырастает «двойник» этого дома, верхние этажи которого пока еще оплетены лесами. В тот день, когда производилась фотосъемка, площадь было переходить нелегко: шли работы по благоустройству. Минчане мирились с временными неудобствами, зная, что скоро эта большая площадь будет залита асфальтом.

Строители Минска перенимают опыт восстановления Сталинграда, соревнуются с градостроителями героического города на Волге. Несколько раз сталинградцы приезжали в Минск, минчане посещали волжан. Вот и в начале нынешней осени в столице Белоруссии побывала очередная делегация сталинградских строителей.

Приезжий человек, ранее знавший Минск, обратит внимание не только на новые улицы и дома, но и на другие перемены в облике города. Недавно вступила в строй первая троллейбусная линия, соединившая вокзал с Круглой площадью.

На снимке вверху: Привокзальная площадь. На снимках внизу: слева — Минск вечером, справа — сталинградские строители в гостях у минчан. Бывший командир партизанского отряда, ныне знатный бригадир штукатуров И. Николаев (крайний справа) рассказывает гостям о новом методе облицовки фасадов. С особым интересом слушает его сталинградский бригадир молодежной бригады штукатуров Н. Сафронов (второй справа).

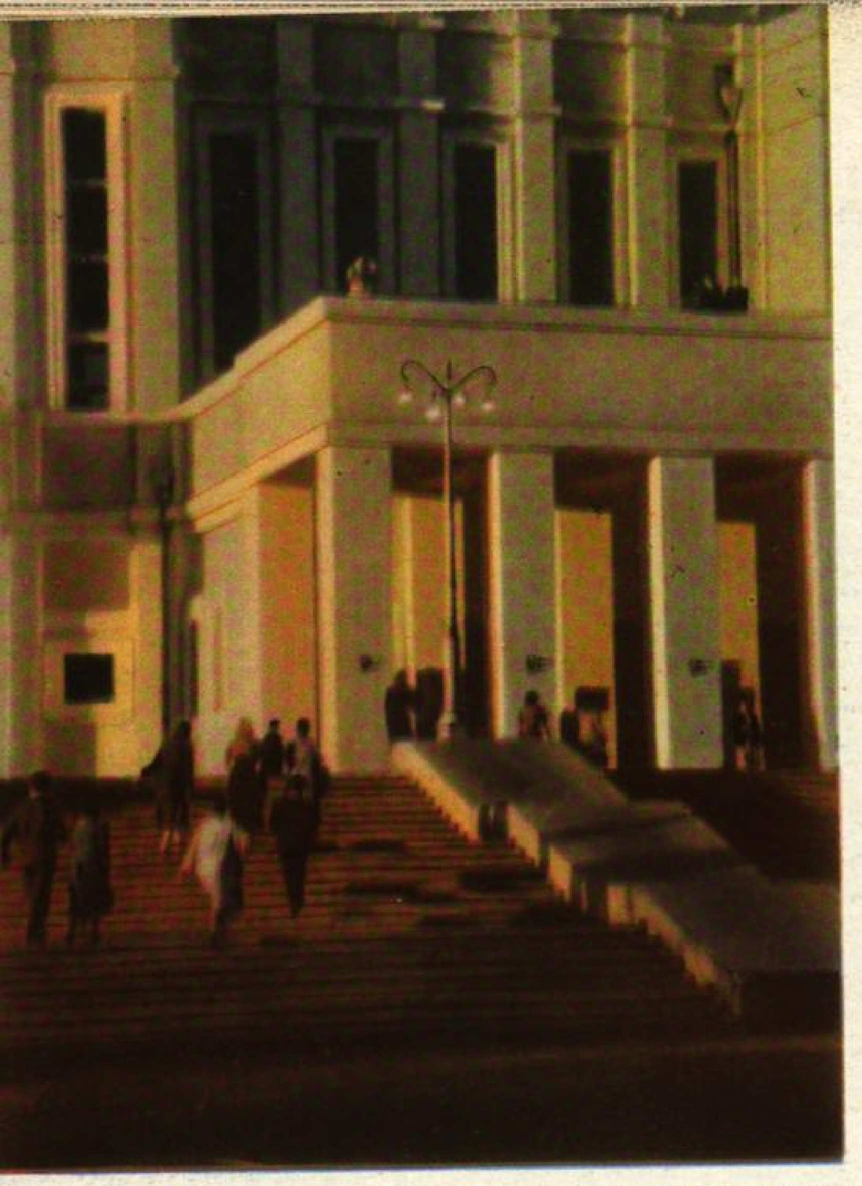

Утреннее солнце заглянуло на одиннадцатый этаж самого высокого в Минске дома, построенного на Привокзальной площади. Здесь помещается общежитие работниц Управления Минской железной дороги. На балкон вышли полюбоваться городом инженер Таисия Рязанцева и оператор грузовой службы Нина Симакова.

Самая красивая минская магистраль — проспект имени И. В. Сталина.

Одно из лучших зданий нового Минска — Белорусский государственный театр оперы и балета.

Кончился трудовой день. Из ворот автомобильного завода хлынул людской поток. Людей обгоняет колонна мощных грузовиков, во главе которой движется 25-тонный самосвал.

Улица Кирова. Гостиница «Беларусь».

Из колхоза прибыла новая группа отдыхающих.

Здравница кубанского колхоза

На прославленном курорте Анапа, где расположены многочисленные дома отдыха, в нынешнем году появился еще один. Само по себе это событие ничем не примечательно — сколько в нашей стране ежегодно открывается здравниц! Но к дому отдыха, о котором идет речь, не случайно привлечено внимание местной общественности. Прочтем вывеску: «Дом отдыха колхоза «Память Ильича» Марьянского района Краснодарского края».

Вот еще одна радостная примета колхозной нови, свидетельство могучей силы колхозного строя. Хозяева анапской здравницы — члены крепкой, богатой артели, кассе взаимопомощи которой под силу израсходовать значительную сумму денег на отдых колхозников. Годовой доход колхоза уже превысил 4,5 миллиона рублей. На его землях раскинулись богатые сады и виноградники, на полях выращиваются не только зерновые культуры, но и подсолнечник, хлопчатник, табак...

Уже нынешним летом на берегу Черного моря отдохнуло свыше 300 колхозников. Побывали тут помощник тракториста Мария Литош и доярка Анастасия Белогуб, огородница Мария Фомина и старик, колхозный плотник Иван Петрович Черторыжский.

Путевки в дом отдыха колхозники получают бесплатно в артельной кассе взаимопомощи.

В. ДАРМОДЕХИН

После завтрака они направляются на морские купания. Слева направо: старшая доярка О. А. Литош, тракторист И. В. Коршак, плотник С. П. Науменко, колхозница Ф. И. Горленко и свинарка Р. П. Лебединец.

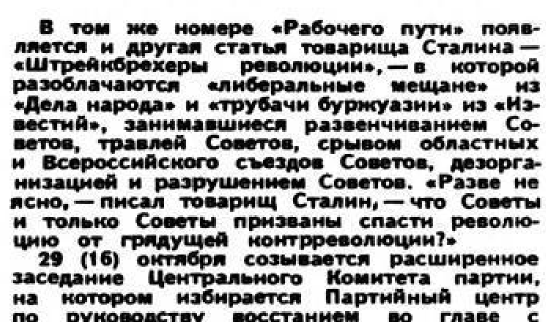
Фото Н. Максимова.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

26 (13) октября 1917 года товарищ Сталин в передовой статье газеты «Рабочий путь» писал о том, что настал момент, когда лозунг «Вся власть Советам!» должен быть, наконец, осуществлен. Товарищ Сталин указывал, что страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства и теперь ясно для всех, что «власть Советов» не только популярный лозунг, но и единственно верное средство в борьбе за победу революции.

Партия большевиков, возглавляемая Лениным и Сталиным, вела трудовой народ России к социалистической революции. Вооруженное восстание было не за горами. Центральный Комитет большевистской партии рассылает в решающие районы страны своих уполномоченных для организации восстания. Представители ЦК едут в Донбасс, на Урал, в Гельсингфорс, Кронштадт, на юго-западный фронт. Товарищи Ворошилов, Молотов, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Каганович, Куйбышев, Фрунзе, Ярославский и другие получают специальные задания партии по руководству восстанием на местах. На Урале среди военных вел работу товарищ Жданов. Всюду большевики готовят народ к восстанию, к осуществлению лозунга «Вся власть Советам!».

Но спешила собрать свои силы и контрреволюция. Срочно формировались ударные батальоны. Правительство Керенского, чтобы предотвратить восстание в Петрограде, подготавливало сдачу столицы немцам, поставило вопрос о переезде в Москву. 28 (15) октября товарищ Сталин в передовой статье газеты «Рабочий путь» под заглавием «Экзамен наглости», разоблачая Керенского и его прихвостней, писал: «Припертое к стене натиском революции правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу».

В том же номере «Рабочего пути» появляется и другая статья товарища Сталина — «Штрейкбрехеры революции», — в которой разоблачаются «либеральные мещане» из «Дела народа» и «трубачи буржуазии» из «Известий», занимавшиеся развенчиванием Советов, травлей Советов, срывом областных и Всероссийского съездов Советов, дезорганизацией и разрушением Советов. «Разве не ясно, — писал товарищ Сталин, — что Советы и только Советы призваны спасти революцию от грядущей контрреволюции?»

29 (16) октября созывается расширенное заседание Центрального Комитета партии, на котором избирается Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным. Этот Партийный центр стал руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием.

30 (17) октября В. И. Ленин пишет свое знаменитое «Письмо к товарищам». В этом «Письме» вождь большевистской партии, находившийся тогда на нелегальном положении в Петрограде, разоблачает предательское поведение Каменева и Зиновьева, выступивших против вооруженного восстания, зло высмеивает этих капитулянтов и изменников.

В «Письме к товарищам» В. И. Ленин дал глубокий анализ обстановки, царившей в стране накануне Октябрьской революции, и указал, что «мы не вправе ждать, пока буржуазия задушит революцию».

В. И. Ленин призывал партию действовать так, как это было намечено решениями ЦК. «Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учредительное собрание, пока Родзянко и К° сдадут Питер и задушат революцию, — либо восстание. Середины нет».

Получив отпор, Каменев и Зиновьев выступили в меньшевистской газете «Новая жизнь» против восстания, против партии, раскрыли врагам решение ЦК партии о восстании.

Когда великий вождь революции В. И. Ленин узнал об этом новом предательстве Каменева и Зиновьева, он написал 31 (18) октября «Письмо к членам партии большевиков» и 1 ноября (19 октября) «Письмо в Центральный Комитет РСДРП», в которых заклеймил штрейкбрехеров, предателей и изменников. «Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании», — писал В. И. Ленин и ставил перед ЦК вопрос об исключении из партии Зиновьева и Каменева.

Получив от предателей сообщение о восстании, враги революции стали немедленно принимать меры к тому, чтобы предупредить его, разгромить руководящий штаб революции — партию большевиков. 1 ноября (19 октября) буржуазные временщики на секретном заседании разрабатывают срочные меры борьбы с большевиками. Контрреволюционное правительство решило за день до открытия II съезда Советов захватить Смольный, где находился ЦК большевиков, и разгромить руководящий центр партии. С фронта в Петроград стягивались войска, на верность которых рассчитывало Временное правительство. Большие силы контрреволюция сосредоточила в Москве.

Но час социалистической революции пробил. Никакие силы не могли уже остановить ее победного шествия. ЦК партии, чтобы не дать правительству Керенского сорвать вооруженное восстание, решил начать и провести его раньше намеченного срока — за день до открытия II съезда Советов. К восстанию все было подготовлено. Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным вел гигантскую практическую работу.

«Нас не пугает предстоящая близкая борьба, — писали в своих резолюциях петроградские рабочие. — Мы твердо верим, что из нее выйдем победителями. Да здравствует власть в руках Совета рабочих и солдатских депутатов!»

В ЭТОМ ДОМЕ 29 (16) ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ СОВМЕСТНО С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕТРОГРАДСКИХ ПАРТИЙНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ В. И. ЛЕНИНА и И. В. СТАЛИНА ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ О СРОКЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ И СОЗДАЛ ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ РУКОВОДСТВУ ВОССТАНИЕМ ВО ГЛАВЕ С И. В. СТАЛИНЫМ.

Дом по Болотной улице в Ленинграде. Здесь 29 (16) октября 1917 года под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина состоялось историческое заседание Центрального Комитета большевистской партии, на котором было принято решение о сроке вооруженного восстания и создан Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным.

У входа во Дворец культуры имени Горбунова. Фото О. Кнорринга

250 литературных «пятниц»

Первая афиша литературной «пятницы» появилась у входа во Дворец культуры имени Горбунова семь лет назад. Она сообщала, что в лекционном зале будет прочтена литературная композиция по поэме Гоголя «Мертвые души». Так было положено начало еженедельным встречам артистов — чтецов художественной литературы — с постоянными посетителями Дворца культуры. Инициатива организации таких «пятниц» принадлежала народному артисту Армянской ССР, лауреату Сталинской премии С. А. Кочаряну. Он стал художественным руководителем литературных вечеров — подбирал репертуар, состав исполнителей.

Литературные «пятницы» вызвали живой интерес слушателей. Их становилось все больше и больше. Если на первые вечера приходили десятки людей, то через несколько недель многие старались придти задолго до начала, чтобы занять ближние места в большом лекционном зале.

Чтец художественной литературы — это живая книга. Искусство его своеобразно и сложно. Без партнеров, декораций, грима и театрального костюма актер овладевает вниманием аудитории, воскрешая образы, созданные писателем. Он как бы ведет вас по картинной галерее, заставляя проникать в глубину замысла автора, ощущать прелесть и музыкальность великого русского языка.

Выступавшие на литературных «пятницах» выдающиеся мастера художественного чтения Игорь Ильинский; Рубен Симонов, Сурен Кочарян, Антон Шварц, Дмитрий Журавлев, Всеволод Аксенов, Эммануил Каминка и многие другие прививали слушателям любовь к художественной литературе. Резко увеличился приток читателей в библиотеку.

Хорошо оправдавший себя опыт Дворца культуры имени Горбунова был перенесен во многие клубы, высшие учебные заведения и школы столицы. Литературные «понедельники» и «вторники», «четверги» и «пятницы» проводятся во дворцах культуры и клубах — автомобильного завода имени И. В. Сталина, «Калибра», «Динамо», Метростроя, в Доме культуры транспортных втузов, Госбанка, Моссовета, в Доме учителя. Почти в ста постоянных аудиториях проводятся циклы литературных вечеров, создано 70 музыкальных лекториев.

На днях во Дворце культуры имени Горбунова состоялась двухсотпятидесятая литературная «пятница». Торжественно отмечался этот юбилей. В большом зале театра Дворца культуры собралось более тысячи человек. Горячо приветствовали они своих друзей-артистов.

За минувшие семь лет свыше ста тысяч человек прослушали литературно-художественные композиции по произведениям русских классиков, советских и прогрессивных писателей западных стран, писателей братских республик и стран народной демократии. С. А. Кочарян рассказал о дальнейших планах Московской филармонии по организации литературных и музыкальных вечеров.

Духовные запросы советских людей растут с каждым днем. Состоявшийся юбилей литературных «пятниц» во Дворце культуры — яркий тому пример.

В. ЛЕБЕДИНСКАЯ

Серовская сталь

На 60-й параллели, недалеко от отрогов Уральского хребта, раскинулся город, носящий имя летчика-героя Анатолия Серова.

Этот город называют воротами в северные просторы Урала.

Серов знаменит прежде всего металлургическим заводом. Здешние доменщики плавят высококачественные чугуны. Мартеновцы варят сталь самых различных марок.

Много замечательных трудовых побед вписали серовцы в историю своего завода. Они из месяца в месяц, из квартала в квартал перевыполняют государственные планы, неизменно завоевывая первые места во всесоюзном социалистическом соревновании.

0, 661 за восемь последних месяцев, 0.632 в августе — таков коэффициент использования полезного объема коксовых доменных печей на серовском заводе. Ни один доменный цех в нашей стране, а тем более за рубежом, не имеет таких рекордных показателей. Лучшие новаторы завода перекрывают и этот стахановский коэффициент. Например, старший горновой, бывший воспитанник ремесленного училища Петр Филиппович Лопатин достиг невиданного коэффициента — 0,628. Новатор удерживает его в течение всего года!

В честь XIX съезда партии доменщики, сталевары, прокатчики досрочно выполнили девятимесячный план, сэкономили много кокса, электроэнергии.

В свое время великий русский ученый Д. И. Менделеев предсказывал «новую славу русской стали — не для мечей, а для зубил, резцов и сверл, которыми надо буравить скалы и обделывать металл всюду, а у нас тем паче».

Высоко держат эту славу серовские металлурги!

О. МАРКОВА

«Алеут» совершает юбилейный рейс

Двадцать лет назад в Тихом океане по пути из Ленинграда во Владивосток первая советская китобойная флотилия «Алеут» начала охоту на морских великанов. Первый кит был добыт 25 октября 1932 года. Спустя некоторое время моряки парохода «Алеут» и судов «Трудфронт», «Энтузиаст» и «Авангард» начали регулярный промысел на китов в дальневосточных водах.

Славный путь прошла флотилия «Алеут» — первенец советской китобойной промышленности. За двадцать лет своего существования флотилия дала стране десятки тысяч тонн пищевого и технического жира, большое количество сырья для витаминных концентратов и различных медицинских препаратов. Опыт моряков «Алеута», сумевших только за послевоенные годы вдвое увеличить добычу китов, использован при создании наших новых китобойных флотилий, ведущих промысел на Тихом океане и в Антарктике.

Сейчас флотилия «Алеут» совершает в дальневосточных морях двадцатый промысловый рейс, объявленный моряками стахановским. Китобои значительно перевыполнили годовое задание по добыче китов и выработке жира.

Первым капитаном советского китобойного судна и гарпунером был штурман дальнего плавания Петр Андреевич Зарва, в прошлом керченский рыбак. Как только организовалась флотилия «Алеут», он стал капитаном промыслового судна «Трудфронт» и с той поры посвятил свою жизнь охоте за китами. Теперь Петр Андреевич плавает на одном из кораблей советской антарктической китобойной флотилии «Слава».

Вспоминая о первых рейсах флотилии, П. Зарва рассказывает:

— Вместе со мною к гарпунной пушке встал и Афанасий Николаевич Пургин, который командовал на флотилии «Алеут» промысловым судном «Авангард». Позже к нам присоединились меткие стрелки Ф. Прокопенко и Г. Панов. Теперь А. Пургин, Ф. Прокопенко и Г. Панов — Герои Социалистического Труда; каждый из них имеет на своем счету сотни добытых китов.

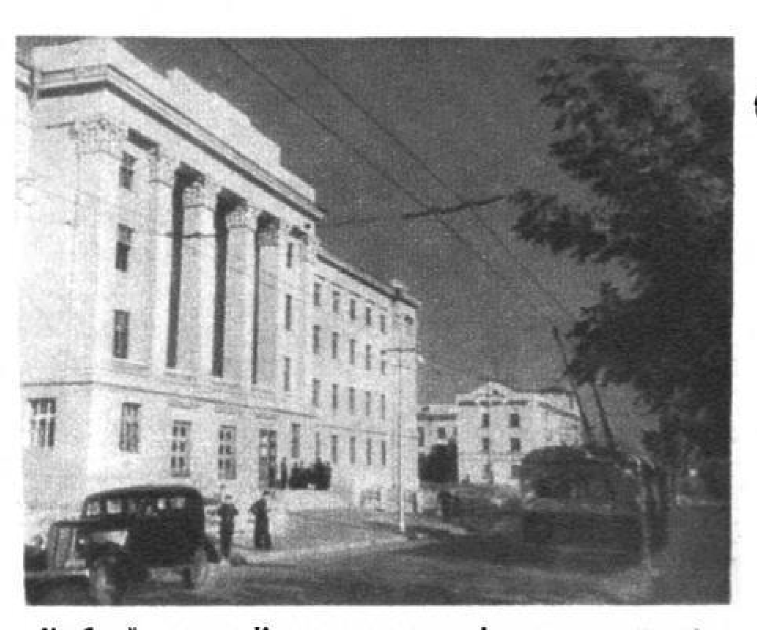
Первый капитан советского китобойного судна и гарпунер П. А. Зарва.
Фото И. Родионова

* * *

Сейчас, когда в дальневосточных морях флотилия «Алеут» завершает свой юбилейный, двадцатый, промысловый рейс, корабли другой нашей китобойной экспедиции, «Слава», держат курс в Антарктику. Они начали седьмой поход в высокие южные широты. На охоту за китами с этой экспедицией отправились славные питомцы «Алеута» — гарпунеры А. Пургин, Ф. Прокопенко, Г. Панов, В. Тупиков, А. Золотов, электронавигатор В. Захаров, машинист-жировар А. Ташкенов, главный механик А. Проценко и другие советские моряки.

В. ГЕОРГИЕВ

ДЛЯ СТУДЕНТОВ-НЕФТЯНИКОВ

Учебный корпус Краснодарского нефтяного техникума.
Фото А. Галаганова

Студенты Краснодарского нефтяного техникума в нынешнем году получили замечательный подарок: на одной из лучших магистралей города — на улице Мира — для них выстроены новое здание и жилой городок.

В учебном корпусе размещены актовый, спортивный и читальный залы, лаборатории, механические мастерские, кабинеты бурения, геологии и 40 аудиторий.

За годы новой сталинской пятилетки техникум даст для нефтяной промышленности Кубани и других районов нашей страны свыше 2 тысяч специалистов.

В. ВОЛОДИН

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ШАХМАТИСТОВ

А. КОТОВ.

Т. ПЕТРОСЯН.

М. ТАЙМАНОВ.

Е. ГЕЛЛЕР.

Ю. АВЕРБАХ.

Самый напряженный этап шахматного турнира — финиш. Но в этом соревновании финиш, начавшийся в семнадцатом туре, проходит сравнительно спокойно. Отличился в этом туре Авербах, который в очень важной для него партии с югославским гроссмейстером Глигоричем убедительно переиграл своего противника.

В восемнадцатом туре лидер турнира Котов оказался в трудном положении, играя с Сабо. Нашлись уже иностранные обозреватели, которые поспешили сообщить своим редакциям, что Котов проигрывает, что он получит мат. Но эти корреспонденты явно «поспешили и людей насмешили». Котов хладнокровно и цепко защищался в течение пяти часов. После сорока ходов советский гроссмейстер эвакуировал своего короля из угрожаемой зоны и... выиграл партию! В результате — еще одна победа Котова, а венгерский гроссмейстер очень расстроен, так как он находится под угрозой не попасть в «заветную» пятерку победителей.

Котов обогнал ближайшего «конкурента» уже на три очка! Одна газета написала, что Котов имеет так много очков, что может теперь делать что угодно и даже... уехать домой.

В девятнадцатом туре Котов снова (в который уже раз!) блеснул великолепной игрой в партии с Барца. После трех с половиной часов позиция Барца была разгромлена. Способ, каким советский гроссмейстер добился победы, напоминает лучшие достижения корифеев шахматного искусства. Эта партия имеет хорошие шансы быть отмеченной призом за красоту.

Как только партия окончилась, президент ФИДЕ Рогард объявил, что советский гроссмейстер Котов стал уже недосягаемым для всех остальных участников состязания, и поздравил его с победой. Победителя тепло приветствовали зрители и участники турнира. Представитель Колумбии Санчес не знает ни одного языка, кроме испанского. Он обнимает Котова и говорит: «Котов, ле гранде браво!» («Котов, вы большой молодец!»).

Наш гроссмейстер не всегда помнил точно, сколько у него очков. Знал только, что «хватает». А у некоторых других участников явно не хватает очков. Так, например, у голландского мастера Принса были основания волноваться, как бы не остаться на последнем месте. Такие «пострадавшие» участники обращаются с просьбой к Котову: «Зачем вам столько очков? Уступите нам хотя бы парочку!»

Как только официально было объявлено о победе Котова, стокгольмский телеграф стал работать с перегрузкой. Через тридцать минут после того, как Барца сдался, на имя Котова начали поступать поздравительные телеграммы из Советского Союза. Успехам наших шахматистов горячо радуется и колония советских граждан в самом Стокгольме. Советские люди из соседних с Стокгольмом городов — Осло, Копенгагена, Хельсинки — часто звонят: «Как дела?», «Молодец Котов, молодцы наши шахматисты!»

После девятнадцатого тура шведские газеты вышли с портретом Котова. «Блестящая победа!», «Феноменальный результат!», «Сенсация!» — гласят заголовки.

Все наши представители весь турнир также играли великолепно. Первым закончил состязания Петросян, который после победы над Штальбергом набрал 13½ очков.

Если до начала турнира самым молодым гроссмейстером был Геллер, то после его окончания это звание перешло к 23-летнему Петросяну. Дело в том, что решением ФИДЕ звание гроссмейстера присваивается всем участникам этого международного турнира, занявшим место в первой пятерке.

В последнем туре Геллер не предпринял никаких попыток догнать Петросяна и предложил ничью Штольцу. Этим Геллер обеспечил себе четвертое место.

Чемпион Ленинграда Тайманов в последнем туре энергично играл с Барца и, победив его, догнал Петросяна, также завоевав звание международного гроссмейстера. Тайманов был весьма популярен в Стокгольме. В газетах часто задавали вопрос: играет ли он лучше в шахматы или на рояле? По радио шведы слышали его прекрасную игру. Но если Тайманов в таком сильнейшем турнире разделил второе и третье места, то это значит, что и в шахматы он играет здорово.

Очень острая борьба разгорелась за пятое место. Авербах в последнем туре сыграл вничью, и его по очкам догнали Сабо, Штальберг и Глигорич, но по таблице коэффициентов наилучшие результаты у Авербаха. Ему присуждено пятое место и звание международного гроссмейстера.

В целом советские шахматисты добились феноменального результата: они заняли первые пять мест. Из 80 встреч с иностранными участниками турнира наша «пятерка» выиграла 41 партию и проиграла всего три. Котов, Тайманов и Петросян вообще не проиграли ни одной партии.

Сегодня, когда турнир заканчивается, можно слышать от некоторых иностранных шахматистов, что в предстоящем в будущем году турнире претендентов на первенство мира будет скучно: среди его участников слишком много советских шахматистов. (Кроме победителей Стокгольмского турнира там будут играть также советские гроссмейстеры Керес, Смыслов, Бронштейн и Болеславский.) Кое-кому это кажется «скучным».

Наши представители в турнире пользовались большим вниманием зрителей и печати. В газетах писалось чуть ли не о каждом шаге советских шахматистов, печатались многие их партии.

Грандиозное состязание окончено. Оно снова убедительно показало всему шахматному миру, какими громадными ресурсами, какими талантами богато советское шахматное движение. Молодые, еще не имеющие опыта международных соревнований шахматисты добились замечательных успехов. Новая победа советской шахматной школы достигнута на этот раз в основном нашей талантливой молодежью. Шахматный мир получил новых первоклассных гроссмейстеров, воспитанных передовой советской шахматной школой.

В радостном настроении возвращается советская делегация в родную, любимую Москву.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Стокгольм,
21 октября 1952 года.

Лауреат Сталинской премии С. Н. Моисеенко и младший научный сотрудник Е. Ф. Лубенская на плантации бересклета.
Фото В. Байдалова (ТАСС)

Плантации в тайге

Недалеко от Хабаровска начинаются Хехцирские горы. На их склонах заповедные леса, непролазные заросли. Тут представительница севера пихта соседствует с южанкой аралией, маньчжурский орех сплетает свои листья с узорчатой листвой уссурийского винограда.

В заповедных лесах заложены первые опытные плантации дальневосточного гуттаперченоса — бересклета Маака. Наши ученые, открыв гутту в отечественном бересклете, давно освободили страну от иностранной зависимости. В начале сороковых годов гутта была обнаружена и в дальневосточном бересклете Маака.

Новой культурой занялся Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства. В 1946 году, тогда еще молодой, ученый С. Н. Моисеенко, только что вернувшийся из армии, горячо взялся за изучение биологии и агротехники выращивания бересклета в самых разнообразных условиях. Он объехал и обошел огромную территорию — от Сахалина до низовий Амура, от южного Приморья до Амурской области. И везде, где произрастал бересклет Маака, Моисеенко проводил тысячи опытов. Ему, жителю Сучанской долины Приморья, еще в юные годы запомнился неказистый кустарник с буйными и крупными, то ярко-красными, то светломалиновыми, то светлооранжевыми плодами.

Исследования ученого показали, что бересклет Маака не уступает по содержанию гутты своим европейским соперникам, например, самому ценному бересклету — бородавчатому, а кое в чем он и перещеголял европейского собрата. Моисеенко узнал, что бересклет Маака — большой светолюб, ему нужен воздух и простор.

Ученый пошел дальше. Он решил заставить растение отдавать гутту, скажем, не на пятый — шестой год своей жизни, а на третий—четвертый. Надо было подобрать для своенравного растения определенные почвы под плантации, найти методы борьбы с сорняками, создать высокогуттоносные семенные хозяйства.

Уже нынешней осенью в Приморье и в тайге Хабаровского края будет заложена первая тысяча гектаров гуттаперченоса.

С. РОСЛЫЙ

ТЭЦ в колхозе

Много перемен произошло за последний год в селах Белоруссии: зажглись огни новых колхозных электростанций, вступили в строй хорошо оборудованные животноводческие фермы, новые ветряные двигатели. Села украсились красивыми зданиями клубов, школ, детских садов, больниц, жилых домов. А в колхозе «Перамога», Логойского района, построили первую в белорусских селах ТЭЦ.

Минувшим летом сюда приезжали ученые из Минска. Они объяснили хлеборобам, что обыкновенный локомобиль может быть использован не только для получения электроэнергии: отработанный в двигателе пар также принесет большую пользу в хозяйстве.

Разработали проект и принялись за теплофикацию колхоза. Прежде всего решили использовать отработанный пар для подогрева воздуха в животноводческих помещениях и на универсальной зерносушилке. Затем горячая вода будет направлена туда, где готовят корма, пастеризуют молоко, моют посуду, а также в парники.

Значительная часть проекта колхозной ТЭЦ уже претворена в жизнь. Станция позволит сберечь много тысяч трудодней, сэкономить за год 880 тонн торфа.

В. ПОНОМАРЕВ

МИРОВОЙ РЕКОРД НИНЫ ДУМБАДЗЕ

На легкоатлетических соревнованиях в Тбилиси Нина Думбадзе бросила диск на 57 метров 4 сантиметра. Как известно, мировой рекорд в этом виде спорта долгое время принадлежал ей и равнялся 53 метрам 37 сантиметрам. Однако в этом году олимпийская чемпионка Н. Ромашкова тотчас же по возвращении с олимпийских игр бросила диск на 53 метра 61 сантиметр и установила новый рекорд мира.

Нынешнее достижение Нины Думбадзе значительно перекрывает мировой рекорд.

Фото Л. Доренского

На старте сельская молодежь

Делегация колхоза «Бируинца» несет корзины с виноградом в подарок сельским спортсменам.

...Выстрел стартера, и начинается бег. Их четверо на дорожке. Первые метры они идут ровно, шаг в шаг. Затем вперед вырывается спортсмен в алой майке. Бег его легок, на редкость красив точной слаженностью движений. Бегуна хорошо знают на трибунах:

— Вперед, Ардальон!..

Молодой темноглазый Расcых Бикчурин, колхозник из Чувашии, чемпион сельской молодежи, говорит соседям:

— Это мой земляк! Слышали, наверное, о нем? Мастер спорта!

Соседи знают Ардальона. Пусть они приехали сюда совсем из других уголков огромной страны — с хлопковых полей Узбекистана или с берегов Балтики, — они слышали о простом сельском учителе из чувашского села Тейдеряново, чемпионе и рекордсмене страны, участнике мировых олимпийских игр Ардальоне Игнатьеве.

Заканчивается бег. Да, мастер спорта впереди, он первым касается ленточки финиша. Дистанция в 200 метров пройдена за 22,2 секунды. Хорошее время. Однако Ардальон Игнатьев недоволен: «Трудная дорожка — мягкая...»

Он дружески поздравляет с новым личным достижением своего ближайшего соперника на дистанции Бориса Нищева.

— Заставил же ты меня поволноваться. Думаю: вот теперь-то оторвался! Слышу, опять рядом...

Борис Нищев, комсомолец из кубанского колхоза имени Молотова, был вторым за рекордсменом на трех дистанциях — сто, двести, четыреста метров. Проигрывал, но упрямо держался рядом. Да разве он один?

Вот подходят к финишу участники бега на 5 000 метров. Впереди чемпион и рекордсмен СССР по марафонскому бегу Василий Давыдов, колхозный столяр из Харьковской области, а вслед за ним Николай Фокин, молодой колхозник, сталинградец. И оба улучшают прежнее достижение колхозных спортсменов.

Со всех концов страны прибыли в южный теплый Кишинев колхозные физкультурники — агрономы, сельские учителя, доярки и трактористы.

Это вошло в традицию. Глубокой осенью, после того как убраны колхозные поля и сдан родному государству урожай, съезжаются сельские спортсмены, чтобы подвести итоги минувшего спортивного лета на селе.

Молоды еще колхозные физкультурные общества: год, два от роду, — но силы в них неисчерпаемы.

Сельские физкультурники и физкультурницы Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Узбекистана, Латвии, Эстонии, Литвы, Туркмении и Молдавии соревновались на беговой дорожке, в секторах для прыжков и метаний. В таблице достижений мало осталось неисправленных секунд, метров, сантиметров.

Вот соревнуются метатели копья. Этот вид легкой атлетики требует точной координации движений, сочетания быстроты, разбега, силы и своевременности броска, правильности полета копья. Прежнее достижение спортсменов села было равно 59 метрам 74 сантиметрам. Оно принадлежало грозненскому сельскому физкультурнику, мастеру спорта Ивану Большакову. Но вот в одной из попыток копье, посланное эстонским сельским спортсменом А. Майсте, вонзается в землю за голубым флажком. Зрители дружно приветствуют успех эстонского товарища. 61 метр 27 сантиметров! И эта цифра, наверняка, не продержится долго. Обновила достижение в этом виде спорта и двадцатилетняя комсомолка из Чувашии Г. Юрьева.

Дискобол из Воронежской области, сельский учитель Александр Малявин старательно вытирает перед броском диск. Нелегко быть первым в соревновании равных! Вот уже сделали последние попытки Эдуард Шведе, чемпион Латвийской ССР по десятиборью, и краснодарский физкультурник Вячеслав Бондаренко. У обоих результат за 41 метр. В прошлом году первым был Шведе. Удастся ли Александру Малявину добиться на этот раз первенства? Ведь он, в сущности, совсем недавно, меньше года, по-настоящему стал тренироваться в метании. Атлетически сложенный, воронежский физкультурник стремительным, сильным броском посылает диск за сорокадвухметровую отметку. Победа! Но огорчен Малявин. Сказалось волнение, и не достиг спортсмен своего настоящего результата: за 45 метров...

Первое место, как и прошлым летом, осталось в соревнованиях за командой сельских физкультурников РСФСР. На втором месте колхозные спортсмены Эстонии, на третьем — Латвии.

Недавно закончились эти интересные, богатые событиями соревнования. Тепло простились друг с другом молодые труженики колхозного села — рядовые колхозные физкультурники, могучий резерв советского спортивного движения.

М. КВАРЦЕВ

Кишинев.

Фото А. Бурдукова

Старт Ардальона Игнатьева.

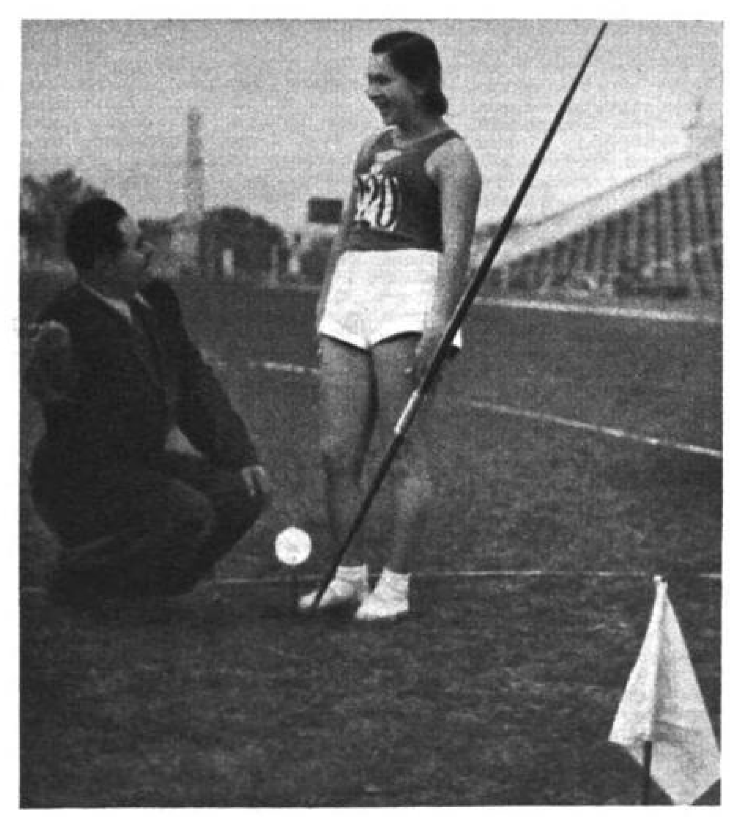

Чемпион и рекордсмен СССР Василий Давыдов беседует с молодым колхозным спортсменом Николаем Фокиным.

Колхозник С. Ф. Минчун преподносит корзину с виноградом литовской спортсменке Юлии Римкуте.

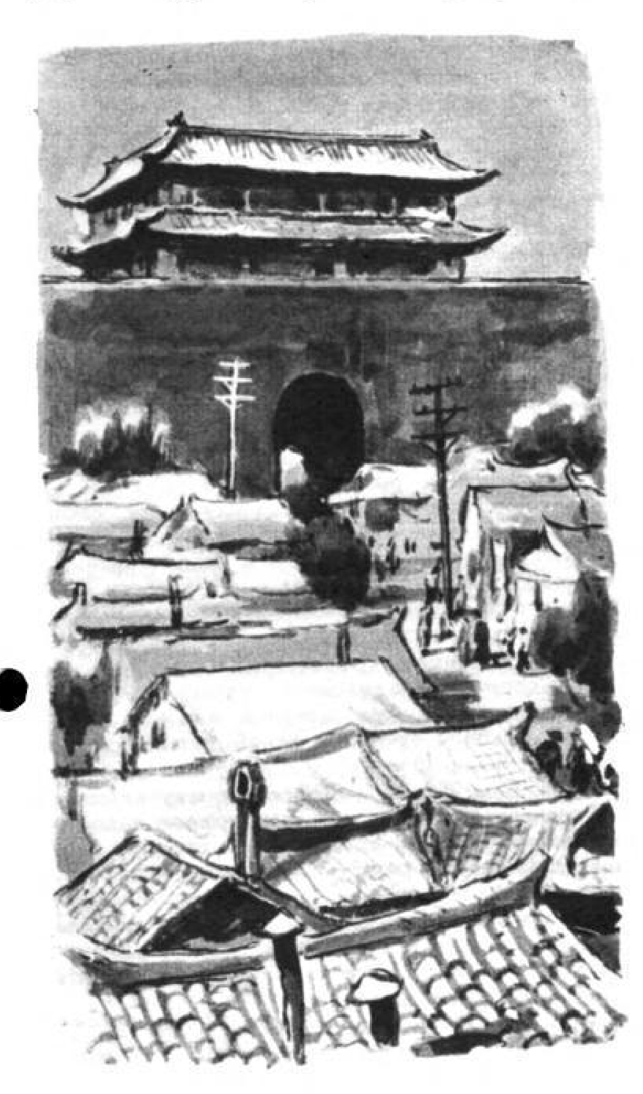
Преподаватель семилетней школы в колхозе имени Молотова, Воронежской области, Александр Малявин в момент метания диска.

Тренер В. Быстров фиксирует новое достижение колхозной спортсменки Генриэты Юрьевой.

У СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

ИНЧЖОУ

В. КОЖЕВНИКОВ

Рисунки В. Высоцкого

Это был старинный, очень маленький уездный городок, стиснутый со всех сторон толстой серой древней стеной, сложенной более тысячи лет тому назад.

Стена возвышалась над кровлями зданий, как горный хребет над песчаными сопками. Казалось, городок заключен в каменный ящик.

Ветер сдувал тонкую едкую пыль с обветшавшего хребта стены, и она матовым покровом налипала на дома, и от этого они приобрели серый цвет камня.

Когда утром солнце заливало светом всю долину, над городком еще лежала тень от стены, и сумрак наступал здесь раньше, потому что древняя стена закрывала солнце.

Наш путь лежал к Хуайхе, на народную стройку. Через этот городок проходили тысячи крестьян, людей, движимых патриотическим желанием принять участие в народном созидании. Они шли с кетменями, с корзинами на бамбуковых коромыслах, в которых переносят землю, а некоторые везли тачки на высоких колесах, сделанных из тяжелого, как медь, пальмового дерева.

Был полдень. Солнечные лучи, падая отвесно, жгли землю. Узкая, кривая уличка с глинобитными домами источала жар, словно туннельная печь керамического завода. Под стволами жаростойких акаций, под горячей кружевной тенью их мелкой листвы отдыхали те, кто шел на стройку.

Продавцы чая зазывно гудели в медные рожки, разносчики пельменей стучали трещотками, цырульники били обушками бритв в медные чаши, а уличный писец, важный и торжественный, в потрепанном сером халате, меланхолично постукивал палочками кистей для туши в крохотный, как блюдечко, гонг.

Возле другого такого же писца стоял, опираясь на кетмень, пожилой высокий костистый крестьянин и сурово и озабоченно диктовал ему. Диктуя, он все время оглядывался на своих спутников, сидевших вокруг на корточках с тревожно-напряженными лицами. После каждой фразы старый крестьянин выжидал, когда спутники или одобрительно кивнут головой или глубокомысленно произнесут: «Хао».

— Мы прошли много ли,— диктовал крестьянин,— и всюду видели богатый урожай. Мы встретили много людей, и многие предлагали нам бесплатный кров и пищу, после того как узнавали, что мы идем на великую стройку. Ван Ши-шань в день заучивает по пяти иероглифов, как он обещал партии. Высокоуважаемый наш староста, Ли Мин-шен-тунчжы! В пути мы запоминаем все полезное для нашего кооператива. В деревне Трех синих камней мы слушали лекцию о сокровенном способе вырастить высокий урожай кукурузы. Это способ советского человека по имени от слова «озеро». Но мы не хотим затруднять писца описанием этого метода, потому что не знаем, не исказит ли писец наших слов. Мы должны быть бдительны, как учит этому наша народная власть...

Писец, сидя на круглом табурете, обтянутом кожей, как барабан, виртуозно чертил иероглифы на узкой полоске бумаги, и лицо его было невозмутимым.

Закончив послание и получив деньги, писец указал узким желтым пальцем место, куда крестьянин должен был поставить печать со своим именем. Но крестьянин уклонился от этого. Он подошел к милиционеру, стоявшему на возвышении с медным рупором в руках, и попросил его прочесть письмо. Приложив ладонь к уху, крестьянин напряженно слушал, как милиционер читал ему письмо. И только после того, как письмо было прочитано, он вернулся к писцу и поставил в указанном месте свою печать.

— Вас, наверно, много обижали в жизни, что вы стали таким осторожным? — осведомился писец. Тонкие и подвижные пальцы его вздрагивали от обиды, перебирая стопки тонкой, полупрозрачной бумаги.

— Вы хотите сказать,— улыбнулся крестьянин,— лучше идущему к цели любоваться звездами, чем смотреть себе под ноги и обходить камни? Только богатые люди не знают никогда покоя, говорил мой дед, отдавая помещику последнюю горсть зерна. Совсем спокоен тот, у кого нет желаний. У меня их столько же, сколько воды в Хуайхе.

— Я вижу, вы образованный человек,— иронически произнес писец.

— Помнить дорогу жизни, по которой прошел, полезно, но от этого не становишься просвещенным.

— О, вы, наверно, были монахом! — сказал писец.

Крестьянин протянул к писцу свои руки, повернутые ладонями вверх, и торжествующе заявил:

— Если бы у монахов были такие мозоли, я считал бы их святыми людьми... Нет, мы не похожи на монахов. В нашем селе был помещик Пен Чжу, злая и хитрая собака. В годы засухи он продавал нам воду из своего водоема, и все у него были в кабале. Накануне земельной реформы у него умер старик-отец. Пен Чжу приказал батракам засыпать водоем землей и в этой земле похоронил своего отца. Когда мы стали проводить реформу, мы вынуждены были оставить ему ту землю, где похоронен прах его предка.

— Почитать предков — первая добродетель,— нравоучительно заметил писец.

— Тот, кто долго нес тяжелую ношу, еще долго ходит согбенным. Поэтому мы и отдали Пен Чжу водоем,— со вздохом согласился крестьянин.

— Значит, мудрость помещика превзошла вашу жадность. — И писец откинулся на своем бамбуковом барабане, потирая руки.

— Э, нет! — улыбнулся крестьянин.— Мы собрали денег, купили новый, хороший гроб и организовали торжественное погребение праха отца нашего помещика на новом месте.

— Приличие — это только подобие правды, оно лицемерно скрывает злое начало,— мрачно произнес писец.

— Красивые слова подобны накрашенным женщинам. Они нравятся только легкомысленным людям,— сурово ответил крестьянин.— Мы отрезали бы языки тем, кто захотел бы распространять контрреволюционные слухи о том, что мы больше беспокоим предков наших помещиков, чем живых стяжателей...

Вернувшись к своим спутникам, крестьянин сказал, кивая головой в сторону писца:

— Я разгадал этого человека: он не заслуживает доверия, хотя и стоит высоко, владея искусством письма,— и, обернувшись к молодому пареньку, с напряженным упорством разглядывавшему вывеску на стене магазина, строго и требовательно произнес: — Ши-шань, ты должен взять новое обязательство перед партией и заучивать теперь в день по пятнадцати иероглифов. Трудно перевоспитывать людей, которые смотрят на жизнь по старым книгам. Я не стал спорить с ним, потому что тот, кто способен побеждать, не бывает злобен...

Тропический ливень возник внезапно. Теплая вода хлестала с неба толстыми серыми струями. Накаленная земля не остывала: она курилась паром. Как ни жаждала она влаги, обожженный глиняный панцырь не давал ей напитаться вволю. Вода катилась по земле, как по черепичной кровле.

Когда ливень разразился, никто на улице не обнаружил признаков суматохи. Над лотками продавцов раскрылись большие зонтики

из желтой промасленной бумаги. Крестьяне набросили себе на плечи коричневые плащи, сделанные из волокна, обвивающего стволы пальмы, и привязали себе на пояс соломенные сандалии.

Ливень громко и грозно бил водяными палками по крышам зданий. Желтая пенистая вода с ворчаньем мчалась по улице, как по дну канала. Темные тучи, толкаясь, низко ползли над городом, и синие молнии шарахались между туч.

Крестьяне столпились у дома с деревянной террасой. Оттуда неслись звуки боевой песни, исполняемой молодыми, звонкими голосами. Крестьяне стояли по щиколотку в воде. Потоки ливня падали с их широких соломенных шляп на огромные плечи пальмовых бурок, а на лицах блуждала упоенная улыбка. И когда песня кончилась, они пошли к городским воротам, шагая в ногу, словно песня сопровождала их.

...Ливень кончился так же внезапно, как и начался. Разъяренное своим коротким изгнанием, солнце стало палить еще более нещадно. Лужи высыхали на глазах. Торговцы убирали корзины с овощами внутрь лавок. Стали гаснуть краски на омытых дождем деревянных колоннах, которые держали террасу дома — клуба молодежи. От горячих испарений воздух терял прозрачность. Душная влажность незримой тяжестью повисла над городом.

Но бодрая жизнь этой улички шла своим чередом. Тощий человек, с лицом морщинистым и желтым, как табачный лист, в обветшавшей, когда-то черной фетровой шляпе, в больших очках с железной оправой, привязанных к ушам веревочками, выкрикивал пронзительно и повелительно в красный бумажный рупор:

— Кто хочет насытить свои головы знаниями, сердца — любовью к новому Китаю, увидеть подвиги героев освобожденного Китая, стать мудрым, бдительным, осведомленным, идите сюда!

К стволу банановой пальмы, возле которой стоял этот человек, прислонен решетчатый щит, сколоченный из бамбуковых планок, на нем лежат ряды книг в выгоревших от солнца обложках.

— Кто хочет уметь отличать ложь от правды, тот должен увидеть правду! Кто хочет верно служить своему народному правительству, тот должен увидеть высокие примеры патриотизма, чтобы следовать им! Идите сюда! Пусть не смущает вас отсутствие грамотности! Эти книги рассказывают каждому, кто имеет глаза, столько же, сколько может прочесть ученый. Идите сюда!

Двое прохожих крестьян идут на зов рупора, смущенно и недоверчиво усмехаясь. Человек в черной фетровой шляпе улыбается им, сливает воду из глиняного чайника им на руки, протягивает бумажные салфетки, подводит к щиту с книгами. Он жестикулирует, советует, объясняет.

Крестьяне садятся на травяную цыновку, которую человек в шляпе развернул, как свиток, и склоняются над книгой.

Библиотекарь, смирив пронзительный голос, чтобы не мешать своим читателям, произносит в рупор медленно, раздельно и очень значительно:

— Сегодня получена новая книга. В ней раскрыто величие законов природы: как можно вырастить невиданный урожай. Ее написал великий ученый Ли Сен-хо. Кто хочет стать отличником в своей деревне, идите сюда!

Солнце выжгло испаренья. Сухой воздух обжигает, как спиртовое пламя. Кажется, что серые камни мостовой дымятся пылью.

Огромные обвислые зеленые языки листвы банановой пальмы потеряли свою яркозеленую глянцевитую окраску: они стали шершавыми, как оберточная бумага. Но на читателей уличной библиотеки солнечный пожар не производил никакого впечатления. Они сидели на солнцепеке, и на лицах можно было увидеть только выражение полного отрешения от всего окружающего.

Прохожие вежливо переставали шаркать соломенными сандалиями. Милиционер приказал разносчику, бряцающему жестяной посудой, перейти на другую сторону улицы.

Библиотекарь обходил ряды своих читателей, обмахиваясь большим черным веером, и, склоняясь, шепотом давал объяснения или предлагал бумажную салфетку, чтобы вытереть пот с лица.

В Китае сейчас изданы миллионы книг для неграмотных — это книги-картинки. Все содержание книги изложено с помощью сотен картинок, нарисованных с блеском, с удивительным искусством подробностей и деталей.

В книгах-картинках запечатлена в изображениях история героической Коммунистической партии Китая, история освободительной борьбы китайского народа; языком иллюстраций рассказаны произведения выдающихся китайских, а также советских писателей, содержание лучших фильмов, пьес; воссозданы в рисунках повести о патриотических подвигах героев. Созданы увлекательные изобразительные рассказы о методах отличников труда, о преобразованиях в стране, осуществленных народным правительством Китая.

Какой великой заботой о народе освещено это столь необходимое огромное дело и сколько талантливого труда вложили в него тысячи китайских художников!

И эти книги-картинки лежали сейчас на коленях читателей, погруженных в созерцание с такой глубиной, что никакие уличные шумы и происшествия не могли потревожить их напряженной сосредоточенности.

«Бам-дзень, бам-дзень!» — прозвучал большой гонг, подвешенный на красной резной колонне клуба молодежи.

На террасе в деревянном кресле сидел человек с усталым лицом, в синей одежде, с вытянутыми на коленях руками. Лицо его было неподвижно, глаза полуприкрыты веками.

Лиловые сумерки опустились на город, хотя небо еще горело ярким зеленоватым светом, как вода океана.

Прохожие, услышав звук этого гонга, спешили к террасе дома. Вскоре вокруг нее образовалась тесная, почтительно молчавшая толпа.

«Бам!» — коротко звякнул гонг.

Человек в кресле вздрогнул, словно просыпаясь, поднял голову и медленно произнес:

— Она была прекрасна, как цветок лотоса, и родилась в стране счастья для счастья. В городе, в котором она жила, все принадлежало ей, как и всем людям этого города: дворцы, которые стояли на земле и которые были под землей, парки, в которых все было для веселья человека. Все люди этой страны назывались строителями. И достоинство человека определялось не его одеждой, а мерой труда, совершенного им. Там были углекопы, каменщики, ткачи, землепашцы, слава которых была так же бессмертна, как бессмертна слава Бо Цзюй-и.

«Бам!» — прозвучал торжественно гонг.

Рассказчик протянул руку и, медленно, ритмично поднимая ее, продолжал:

— Она поднималась по ступеням совершенства, по которым поднимался весь народ. И душа ее становилась все прекрасней, как и лицо.

И вдруг гонг стал звучать непрерывно, тревожно и грозно. Рассказчик приподнялся, на лице его напряглись скулы, прищуренные глаза глядели в упор.

— Черной ночью внезапно, коварно на страну строителей напали железные полчища людоедов — черных фашистов, которые захотели всех людей сделать рабами, а всю землю пустыней.

Гонг завыл протяжно и тоскливо, трепеща под ударами.

— Смерть и опустошение пришли на цветущие поля, кровью окрасились реки. Черной кровью врагов и красной строителей. И она, юная, как только что омытая дождем луна, взяла в свои тонкие руки оружие и пошла туда, где враги губили все живое. Враги поймали ее и стали пытать. Они раздели ее и, связанную, водили по глубокому снегу, сами одетые в теплые шубы. Палачи принесли виселицу, сделанную из железа, и хотели казнить ее. Но она смотрела на них с презрением, потому что знала, что, пока жив хоть один человек из страны строителей, она бессмертна.

Торжествующе и грозно гудел гонг.

— Строители, одевшись сталью, перелив свои плуги в оружие, могучие, как все люди труда, разбили врагов и освободили народы, которые были повергнуты в рабство...

«Бам, бам, бам!» — коротко прозвучал гонг.

Рассказчик отступил на шаг, провел ладонями по лицу, потом сделал шаг в сторону слушателей, переступил с ноги на ногу и деловито сказал:

— А сейчас учитель Чень Лин будет рассказывать о том, как необходимо делать прививки детям от эпидемических болезней, и давать всякие советы родителям.

«Бам, бам!» — прозвучал гонг.

И в кресло уселся пожилой человек, стриженный ежиком, и, положив себе на колени шляпу, осторожно поглаживая ее поля, стал говорить строго и пронзительно:

— Первая обязанность родителей — это воспитать ребенка здоровым и жизнерадостным.

И хотя лекция учителя была лишена какой-либо увлекательности, толпа слушателей не поредела.

Спустились сумерки. Желтая луна всползала над стеной города, свет ее был теплым. На лотках разносчиков зажглись крохотные фонарики.

Идущие на стройку через город, сидя на корточках возле продавца со снедью, неторопливо ужинали, изящно орудуя палочками для еды. Крестьянин, у которого на куртке висела бронзовая медаль за участие в строительстве, покуривая трубку с длинным тростниковым чубуком, снисходительно говорил:

— Э, это разве рассказчики! На строительстве выступают каждый вечер по два, по три человека. Они приезжают даже из Шанхая и умеют говорить разными голосами. Они рассказывают целые книги, и так, что, кажется, после их рассказов ты познакомился сразу со ста человеками и стал умнее на сто голов...

Но все-таки, когда с веранды клуба прозвучали слова о том, что сейчас будет рассказывать отличник труда о том, как он вырастил рекордный урожай хлопка, крестьянин поспешно заткнул трубку за пояс и пошел к толпе слушателей, важно выпятив грудь. На ней мерцала бронзовая медаль за участие в народной стройке с выгравированными на ней пламенными словами вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна.

В КОЛЬЦЕ

Из романа «Товарищи по оружию»

Константин СИМОНОВ

Рисунки В. Климашина

«Товарищи по оружию» — первый из нескольких задуманных автором романов, посвященных изображению людей Советской Армии. Эти романы будут связаны друг с другом единой цепью событий 1939—1945 годов. Судьбы некоторых главных героев первого романа будут прослежены на протяжении всех этих лет.

Публикуемый отрывок по времени действия относится к августу 1939 года, к дням, когда на реке Халхин-гол советские и монгольские войска завершали разгром вторгшихся на территорию Монголии войск 6-й японской армии.

Роман печатается в журнале «Новый мир».

С гребня Ремизовской сопки, которую японцы называли Такай — Высокая,— было хорошо видно, как по всему огромному полукольцу, опоясывавшему японские позиции с запада, севера и юга, в ночной темноте вспыхивают и гаснут желтые столбы разрывов и крошечные светлячки винтовочных выстрелов.

В тылу, у озера Узур-Нур, в небе все шире расплывалось громадное зарево; находившийся там армейский склад горючего и боеприпасов был два часа назад подожжен русской танковой разведкой; снаряды все еще продолжали рваться с такой силой, что казалось, возле Узур-Нура идет сражение.

Телефонная связь с тылами, находившимися по ту сторону маньчжурской границы, в городке Джинджин-Сумэ, была прервана. Из трех броневиков, которые генерал Камацубара один за другим послал после этого по разным дорогам, два возвратились, наткнувшись на русские танки, а третий сгорел.

Только сейчас, на исходе третьих суток не затихавшего ни днем, ни ночью сражения, получив эти донесения, японский командующий впервые до конца понял, чтó произошло. Советские и монгольские войска замкнули его части в семидесятикилометровое кольцо. И это, конечно, было их целью с самого начала, с первой минуты утренней артиллерийской подготовки 20 августа, а он не понял этого ни в первый день, ни во второй, ни даже в третий.

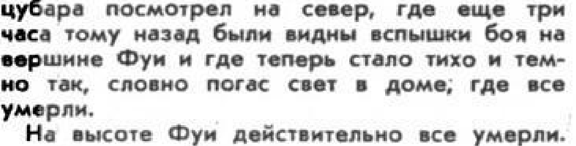
Два первых дня он считал, что главный удар наносится с севера, и бросал свои резервы к высоте Фуи (которую русские называли высотой Палец), а русские наносили главный удар на юге. Исходя из оценки их сил, он считал, что они, самое большее, стремятся захватить район Фуи и нависнуть над его флангом, а их танки прорвались и пошли на восток еще до того, как окончательно пала высота Фуи.

Он считал, что русские на второй же день боев уже исчерпали свои резервы и что на третий день наступит пауза, а они только шесть часов назад ввели эти резервы в дело и, сокрушив высоту Фуи, бросили в прорыв вслед за танками свежие, ни одной из его разведок не отмеченные бронечасти.

Камацубара стоял на самом гребне высоты Такай рядом с круглой, обложенной мешками с песком и прикрытой маскировочной сеткой площадкой наблюдательного пункта. Сильный ветер раздувал полы его широкой, длинной шинели. Зрелище зарева над Узур-Нуром притягивало и угнетало его. Мысль о поражении и надвигавшемся разгроме все еще не проникала до конца в его самоуверенную душу; эта мысль находилась в слишком большом противоречии с тупой и сладкой уверенностью в непогрешимости императорской армии, с которой жил Камацубара все тридцать четыре года своей военной службы, начиная с той незабываемой минуты, когда на выпуск их дворянской школы — первый выпуск после русско-японской войны — приехал маршал Ойяма, победитель при Мукдене и Ляояне, и, обходя строй, мельком скользнул взглядом по лицу воспитанника Камацубары.

Мысль о разгроме еще не овладела Камацубарой, хотя, казалось бы, вся логика событий подсказывала ее. Однако, не допуская этой мысли, он со все возрастающим раздражением испытывал гнетущую власть чужой, навязанной ему и его войскам воли. Вошедшее в его плоть и кровь бессмысленное презрение к противнику делало для него загадкой то, что на самом деле было закономерностью.

Он стоял на своем наблюдательном пункте, смотрел на зарево пожара и недоумевал, почему все это происходит; недоумевал, как несколько лет спустя недоумевали отброшенные от Москвы немецкие генералы, как недоумевал окруженный в Сталинграде Паулюс; как недоумевали все те, которые не хотели, да и не были в состоянии понять ни силы страны социализма, ни характера ее народа, ни сталинской стратегии ее армии.

С усилием оторвав взгляд от зарева, Камацубара посмотрел на север, где еще три часа тому назад были видны вспышки боя на вершине Фуи и где теперь стало тихо и темно так, словно погас свет в доме, где все умерли.

На высоте Фуи действительно все умерли.

Приказ не сдаваться до последнего человека был выполнен. Единственным оставшимся в живых из окруженного гарнизона был солдат, приползший полчаса назад с последним донесением и прощальным письмом от командира полка, оборонявшего Фуи. Костенея от ночной прохлады и от потери крови после двух ранений, он стоял в положении «смирно» на площадке наблюдательного пункта и не знал, что ему делать. Взяв у него донесение и письмо, Камацубара так и забыл его стоящим в положении «смирно».

Спрыгнув с гребня при помощи поддержав-

шего его под руку денщика, Камацубара заметил солдата, вспомнил о нем и сказал адъютанту, чтобы тот занес его фамилию в записную книжку для будущего награждения.

Проходя мимо, Камацубара вскинул голову — он был низкого роста — и снизу вверх взглянул в лицо солдата. В темноте бледное от потери крови лицо солдата казалось высеченным из белого камня, его мундир и брюки были сплошь измазаны грязью, от обмундирования шел тяжелый, тухлый запах солончакового болота, через которое солдату пришлось ползти, чтобы добраться к своим.

Камацубара поморщился, но, преодолев желание сразу же отодвинуться, еще несколько секунд продолжал смотреть в лицо солдату.

«Да, высота Фуи пала, и русские танки оказались в тылу занятых императорскими войсками позиций, но двадцать пять тысяч таких солдат, как этот, храбрых, преданных, готовых, не задумываясь, умереть по первому слову своих офицеров, еще занимают позиции, которые неприступны, пока хоть один из них жив»,— без всякой логики, но с охватывающим его внутренним волнением подумал Камацубара. Инстинктивным, заученным еще с дворянской школы движением напружинив диафрагму и выпятив грудь, он прошел мимо солдата в ход сообщения, снова забыв его стоящим в положении «смирно».

Если бы японский командующий мог действительно прочесть то, что было написано на лице солдата, он прочел бы на его неподвижном лице не преданность, а выражение окаменевшего недоумения перед всем уже трое суток происходившим вокруг него, и печать смертельной усталости, и до конца не осознанной, но тоже смертельной обиды за то, что о нем, единственном живом с высоты Фуи, дважды забыли.

Постояв еще минуту, солдат, как подкошенный, упал на землю от изнеможения. Двое солдат подошли и за руки и за ноги оттащили его в сторону. Потом, сочувствуя ему, но не смея выразить вслух своего сочувствия, один из них молча раздвинул ему зубы, а другой, отстегнув от пояса фляжку, стал вливать в рот сакэ.

Камацубара спустился по склону сопки и вошел в свой большой, крытый бревнами и броневым листом блиндаж.

В блиндаже его ждал начальник штаба полковник Иноуэ, на столе лежала карта с последней обстановкой.

У Иноуэ было мрачное, расстроенное лицо, и Камацубара, взглянув на него, недовольно усмехнулся. Уже два дня это мрачное выражение не сходило с лица Иноуэ. Вчера вечером и сегодня утром он дважды сдержанно намекал Камацубаре на возможность окружения, и Камацубара оба раза высмеял его.

Сейчас, когда окружение стало совершившимся фактом, выражение лица начальника штаба уже не смешило, а раздражало Камацубару. Они с Иноуэ были однокашниками по военному училищу. Иноуэ был даже на год старше Камацубары, но Камацубару уже давно произвели в генерал-лейтенанты, а Иноуэ в свои пятьдесят три года все еще оставался полковником. В предыдущие дни Камацубара склонен был рассматривать страх своего начальника штаба перед русскими как преувеличенные опасения неудачника, которому вообще не везло в жизни, но сейчас можно было подумать, что Иноуэ оказался предусмотрительнее его, и самая возможность такой мысли, которая могла прийти в голову кому-нибудь в штабе Квантунской армии, раздражала Камацубару.

Отстегнув привычным движением и, не глядя, швырнув меч подхватившему его в воздухе денщику, Камацубара сел и с минуту просидел молча, глубоко дыша и медленно выпуская воздух сквозь сжатые губы. Он старел и толстел. Быстрый спуск по крутому склону вызвал у него одышку, но он не хотел показывать этого своему сверстнику Иноуэ.

В ответ на вопрос, что нового произошло за последний час, начальник штаба с мрачным видом доложил, что севернее Номун-хан Бурд Обо на сторону противника перешел с оружием в руках четвертый батальон маньчжурской пехотной бригады.

Камацубара встал, гневным жестом бросил левую руку на рукоять меча, не нашел его и сжал руку в кулак:

— Проклятые китайцы!

Иноуэ пожал плечами, показывая этим, что он никогда и не ожидал от китайцев ничего хорошего.

— Сколько всех китайцев осталось в бригаде, в остальных батальонах? — спросил Камацубара.

Иноуэ ответил то, что прекрасно знал и сам Камацубара: в других батальонах, всех вместе взятых, в строю оставалось не больше двухсот человек. Сегодня утром командир 7-й японской дивизии, поставив позади китайцев пулеметы, трижды бросал эти батальоны в кровавые и бессмысленные контратаки против русских.

— Двести китайцев? — повторил Камацубара напряженным и звонким голосом, который у него в минуты гнева делался тоньше, чем обыкновенно.— Передайте командиру седьмой дивизии мое приказание — построить и расстрелять их.

— Всех? — спросил Иноуэ.

— Всех! — тем же тонким голосом сказал Камацубара, подошел к столу, на котором была разложена карта, и уже другим, обыкновенным голосом стал уточнять вместе с Иноуэ обстановку.

Обстановка выглядела на карте намного благополучней, чем она к этому времени сложилась в действительности на поле боя. Это была одна большая ложь, сложившаяся из бесчисленных мелких и мельчайших обманов, высокомерия и самодовольного презрения к противнику, в которой десятилетиями воспитывались целые поколения японского офицерского корпуса.

Считая, что советско-монгольские войска исчерпали свои резервы на второй день боев, Камацубара ошибался не только потому, что был упрям и готов к самообману, не только потому, что сосредоточение советско-монгольских войск происходило скрытно и разведка японцев давала преуменьшенные данные, но и потому, что все японские командиры, от мала до велика, донося о громадной убыли в людях, наряду с этим ради самоудовлетворения и охраны престижа императорской армии считали необходимым сообщать совершенно невероятные цифры потерь русских и монголов, якобы во много раз превышавшие их собственные потери.

В стихии самоуверенности и лжи тонули и здравый смысл, и военный опыт, и робкие попытки посмотреть правде в глаза, и это отражалось на карте, лежавшей перед Камацубарой. Все отрезанные сопки и барханы с их по большей части давно погибшими гарнизонами обозначались как еще занятые японскими войсками. Все самые неблагоприятные донесения трактовались в наиболее оптимистическом духе. Карта выглядела так, как будто все старались уверить друг друга, что ничего не произошло, и опасались высказать тревогу перед истинными размерами опасности из боязни заслужить упрек в недостатке традиционного самурайского духа.

И, однако, при взгляде даже на эту карту Камацубара застыл на целых пять минут, тяжело опершись на стол пухлыми, сжатыми в кулаки руками. Кольцо, пока еще тонкое, но уже кольцо, которое в действительности образовалось вокруг японских войск два часа назад, не было показано на карте. Но подкова, хотя и нанесенная на карту с не существовавшими на деле разрывами, обозначилась настолько явно, что уже никакая самоуверенность не позволяла ее игнорировать.

— А что здесь?

Камацубара ткнул пальцем в тот пункт на карте, где посланные им в тыл броневики встретились с русскими танками.

— Пока не известно, господин генерал-лейтенант,— сказал Иноуэ.

— Но были сведения, что там появились русские танки,— проговорил Камацубара.

— Но пока новых сведений об этом нет, господин генерал-лейтенант,— уклончиво сказал Иноуэ.

Они оба играли в прятки друг с другом, и оба знали это. Стоя друг против друга по обеим сторонам карты, они думали сейчас об одном и том же: пожертвовав частью войск, безнадежно завязших на переднем крае, надо было попытаться вывести остальные из боя и, пока не поздно, пробиться с ними на восток.

Но, думая об этом, они оба в то же время понимали, что не скажут этого друг другу,— Иноуэ, зная, что Камацубара все равно не примет его предложения и лишь ославит его в штабе Квантунской армии трусом, предложившим отступить войскам императорской армии, а Камацубара — потому, что, проиграв Баин-Цаганское сражение, он с трудом удержался на своем посту и, готовя на 24 августа генеральное наступление, надменно заявил, что с имеющимися у него силами пройдет без подкреплений всю Восточную Монголию. Он считал, что ему теперь скорее простят гибель всех войск в бою (в неизбежность чего он к тому же в глубине души все еще не верил), чем откровенное бегство из Монголии.

Продолжая стоять над картой, они молча встретились взглядами. Камацубара хотел, чтобы Иноуэ на всякий случай все-таки высказал вслух свое предложение отступить, а Иноуэ понимал это и молчал.

Отойдя от стола, Камацубара прошелся взад и вперед по блиндажу, думая о четырнадцатой пехотной бригаде — своем единственном серьезном резерве, который еще не был введен в дело и находился за пределами русского кольца в Джинджин-Сумэ. Эти шесть тысяч свежей пехоты еще не поздно было бросить сюда на выручку.

За дверью блиндажа послышались шум и возня. Камацубара повернулся и вопросительно посмотрел сначала на Иноуэ, потом на дверь. Дверь открылась, и в блиндаж вошел майор Ногато, начальник разведывательного отдела штаба 23-й пехотной дивизии. Его офицерская каскетка была сдвинута набок, одно стекло очков было разбито, а дужка сломана. Отдавая правой рукой честь, он одновременно левой придерживал очки.

— Что с вами? — резко спросил Камацубара.

Ногато доложил, что в расположение 368-го батальона их дивизии, который сегодня вечером, когда наметилось окружение, повернули фронтом на восток, неожиданно заехал русский танк и провалился в прикрытую сеткой, вырытую под конюшню яму. Русские танкисты, сняв пулемет, пытались выбраться из танка, но их окружили: двоих убили, а офицера — командира танка — взяли живым.

Ногато говорил все это, продолжая придерживать подрагивавшей рукой сломанную дужку очков и радуясь тому, что, захватив пленного, он получил повод лично явиться к командующему.

— Что с вами? — повторил Камацубара свой вопрос, заметив, что вся щека и надбровье у Ногато были багрово-синими.

— Он ударил меня головой,— сказал Ногато.

— Введите его и вызовите переводчика!

Ногато вышел, и через несколько минут двое солдат ввели пленного. Он был связан, но солдаты крепко держали его под локти, а Ногато подталкивал его сзади длинной лакированной рукояткой своего меча. Последним вошел унтер-офицер — переводчик.

Камацубара, стоя в противоположном конце блиндажа, с интересом смотрел на этого первого русского офицера, взятого в плен за все три дня боев. Пленный был высокий блондин в короткой кожаной куртке и разодранной сверху донизу гимнастерке. Его руки были прикручены к телу крепкой тонкой веревкой. Его лицо, кажется, было красивым, а впрочем, об этом трудно было судить. Вместо одного глаза у него была большая красная лепешка, а из разбитого носа продолжала сочиться кровь. Она падала на подбородок и тонкой струйкой текла по голой груди и животу.

Сейчас избитое лицо русского имело жалкий вид. Он стоял, ни на кого не глядя, бессильно уронив на грудь голову со слипшимся, окровавленным чубом светлых волос. Камацубаре даже показалось, что плечи русского вздрагивают от рыданий или страха, и он подумал, что такой пленный может многое рассказать.

— Допросите его. Я думаю, он скажет, где в действительности сейчас находятся русские

Театр едет в горы

Фото И. Тункеля

В четыре часа утра тихо и безлюдно в городе Фрунзе. Только легкое журчанье арыков, что текут вдоль тротуаров, нарушает устоявшуюся за ночь тишину. Утонувший в зелени город еще спит.

Лишь у одного из зданий, несмотря на ранний час, было оживленно. Несколько грузовых машин и автобус выстроились около подъезда. Между машинами и входом в здание сновали люди.

— Все ли кольчуги положили? — слышались голоса. — На какую машину класть щиты и копья? Осторожнее с контрабасом!

Наконец все было уложено, и караван тронулся в путь.

Киргизский Государственный ордена Ленина театр оперы и балета выехал на очередные гастроли в горы, к животноводам. Сегодня он вез с собой оперный спектакль «Ай-Чурек», что значит «лунная красавица».

Долго выбирали место для спектакля. Зрителей собирается столько, что можно испортить пять-шесть гектаров пастбищной земли. Остановились на долине Чон-Кемин.

По глубокой щели к берегам бурной реки мчались машины. Они везли сцену, декорации, музыкальные инструменты и девяносто пять работников театра.

Вскоре караван начал обгонять то одиночных всадников, то целые группы их. Колхозники съезжались к месту представления. Ехали старики и дети. Было и так, что сидит в седле аксакал, а сзади и спереди седла — по внучку.

Чон-Кеминскую долину разрезает вдоль горная река. По ту сторону реки «зритель-

НА СНИМКАХ (сверху вниз):
Едут!..
С самого утра собирались зрители в долину Чон-Кемин.
Нетерпеливая детвора спешит в «зрительный зал».

Сооружают сцену.

Народная артистка Киргизской ССР М. Мустаева (Ай-Чурек) гримируется в кабине машины.

Артист Кадырбек Чодронов в роли Семетея.

ный зал». Вход по билетам — через мостик. Тысячи конников прошли через этот мостик в день спектакля, превратившегося в большой праздник. Зеленая долина покрылась яркими цветами национальных костюмов.

Как только театр прибыл на место, сразу же начали ставить сцену. Колхозники между тем рассаживались по склону горы, стреножив и пустив пастись лошадей. Некоторые предпочитали смотреть, не слезая с седла. Настраивали инструменты оркестранты; «за кулисами» — в кабинах машин или просто у грузовика — гримировались артисты.

Наконец зазвучала лирическая увертюра, и занавес поднялся. Жалуется Ай-Чурек, оплакивая свою печальную судьбу:

«...Почему я не дочь луны,
Почему я не дочь волны?!
Я спала б на сырой земле,
Мне бы месяц светил
во мгле.
Я летала б, как лунный луч,
Освещая гремучий ключ.
Я бежала бы вдаль волной
По широкой земле
родной...»

Внимательно слушают колхозники рассказ о судьбе дочери Ахун-хана.

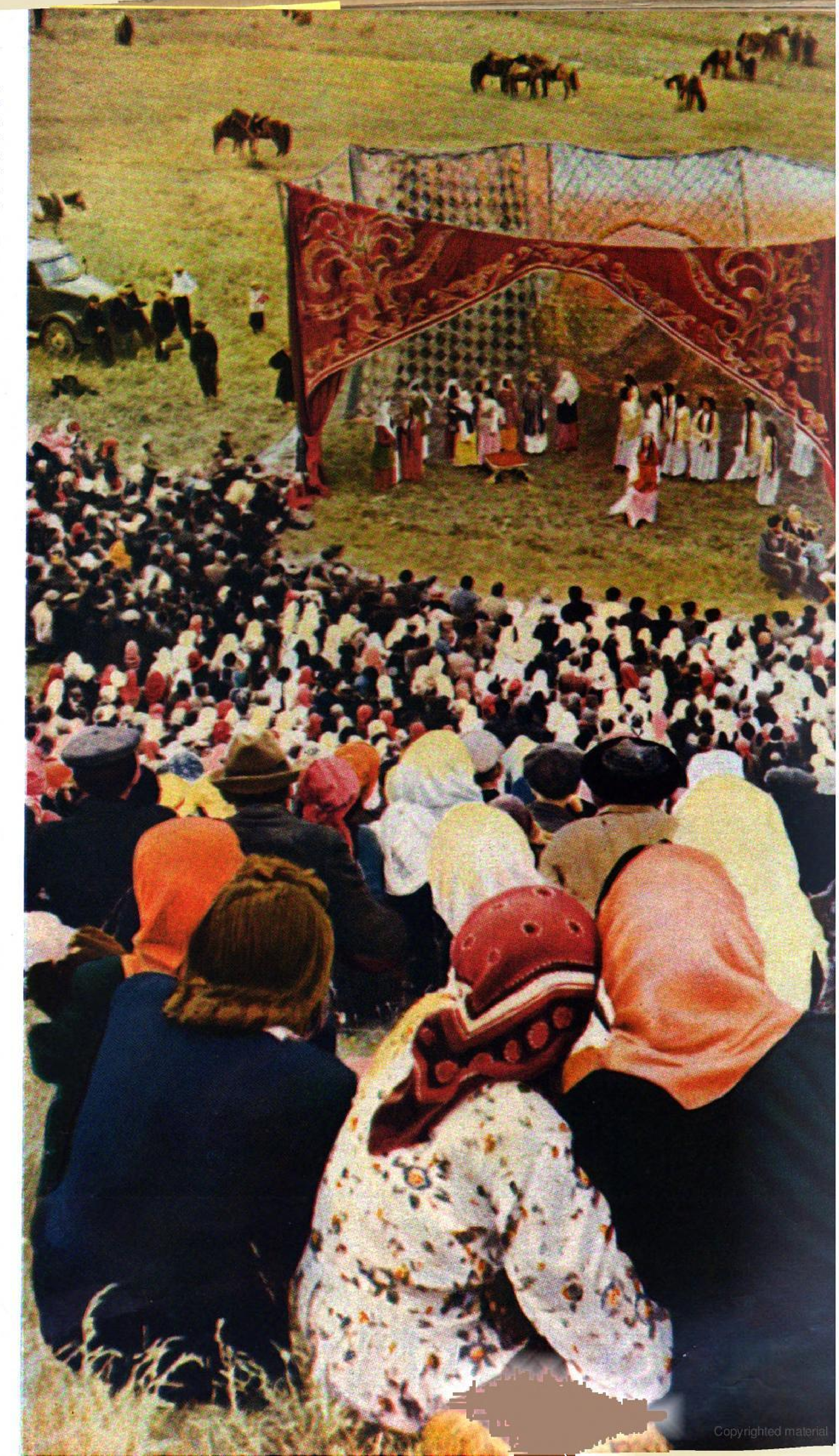
* * *

Киргизский Государственный ордена Ленина театр оперы и балета каждый год совершает свои гастроли в горы к животноводам.

«Музыку — колхозникам» — таков лозунг театра.

Заслуженные артисты не боятся петь после многочасовой утомительной езды, их не смущает «акустика» горных долин. Они чувствуют, что их искусство любит народ, они слышат слова благодарности после каждого спектакля. А есть ли бóльшая награда для артиста, чем благодарность народа? Большей награды нет.

В. СОЛОУХИН

С волнением слушают колхозники жалобную песню артистки.

В в е р х у: спектакль дет.

В н и з у: пока лошадь е нужна на сцене, ее ускают пастись,

танки,— обращаясь к Иноуэ, сказал Камацубара тем напряженным и тонким голосом, которым он говорил, когда хотел показать свой гнев или свою власть.

Иноуэ через говорившего на ломаном русском языке переводчика один за другим задал стоявшему с опущенной головой и молчавшему танкисту несколько вопросов: о его имени, должности, части и местонахождении русских танков.

Стоявшего сейчас перед японцами лейтенанта Овчинникова — командира взвода из батальона Климовича,— перед тем как привести сюда, долго и жестоко били: сначала вязавшие его японские солдаты, потом — рукояткой меча — офицер, которого он в ответ на пощечину ударил головой по очкам. У Овчинникова был выбит один глаз и в кровь избито все тело, но еще больше болела у него душа, на которой тоже, казалось, не было живого места. Он чувствовал себя глубоко несчастным не только потому, что попал в плен к японцам и, значит, был обречен на смерть, но и потому, что он был во всем кругом виноват и сознавал это. Упоенный успехами дня, он бросил свой взвод и ночью на одной машине вырвался вперед, мечтая первым из всей бригады встретиться в тылу у японцев с танкистами южной группы. Он знал приказ командира батальона дожидаться рассвета и чувствовал, что и его башенный стрелок и водитель оба молча не одобряли его поступка. Никого не встретив и ничего не сделав, он завалился в какую-то яму. Но даже и тут, вместо того чтобы, как советовали товарищи, попробовать отсидеться до утра в танке, пока не выручат свои, он приказал снять пулемет, вылезть и пробиваться. На его глазах, едва они вылезли, были убиты и стрелок и водитель, а он, даже не успев ни разу выстрелить, был схвачен набросившимися из темноты японцами.

Его товарищи были мертвы по его вине. А он, к своему несчастью, был еще жив и так одинок в этом блиндаже среди окружавших его японцев, как можно быть одиноким только в плену.

Всего два часа назад у него была машина, прорвавшаяся вместе с несколькими десятками других машин в японские тылы. Всего два часа назад он торжествовал вместе со всеми своими товарищами и чувствовал себя в своем танке могучим и счастливым.

И вот он стоит, скрученный веревками, бессильный исправить свои ошибки, бессильный вернуть к жизни погубленных им товарищей, бессильный рассказать кому бы то ни было на свете, что он думает и чувствует сейчас, в свои последние минуты, стоя перед японцами, требующими у него ответа на то, на что он им все равно не ответит. И уже никто: ни командир роты Лактюков, ни командир батальона Климович, ни командир бригады Сарычев, ни жена, которая вместе с трехмесячным сыном спит сейчас в их комнате в Ундур-хане,— никто на свете не узнает этого.

Он знал о себе, что в глазах командира батальона он был плохим, непутевым командиром взвода. Он знал, что командир батальона два раза грозил отрешить его от должности и не сделал этого только из-за большой убыли в людях.

Но он знал также, что не боится сейчас смерти и умрет, ничего не сказав.

Пока его везли сюда связанного и переброшенного, как тюк, поперек лошади, он всю дорогу, не сдерживаясь, плакал — японцы все равно не видели этого. Не боясь смерти, он не переставал ужасаться только одному, самому страшному,— ведь никто никогда не узнает, что было с ним в последние часы его жизни, никто не узнает и — еще страшнее — кто-то не поверит, что он умер лучше, чем жил.

С полным бесстрашием перед всем остальным и с чувством непроходившего ужаса перед этой безвестностью своих последних минут он стоял сейчас перед допрашивавшим его Иноуэ.

— Если вы не будете отвечать мне, вы не останетесь живы, вы будете казнены,— сказал переводчик, делая сильное ударение на первом слоге, и это слово «ка́знены» с ударением на первом слоге Овчинникову показалось незнакомым, нерусским. Он даже в первую секунду не понял его, но потом понял и продолжал молчать.

Переводчик по приказанию Иноуэ еще раз повторил вопрос: «Где имеют нахождение русские танки?» Пленный продолжал стоять, уронив голову на грудь. Эта удрученная поза все время вселяла в Камацубару уверенность, что русский вот-вот начнет отвечать, но он не отвечал.

— Поднимите ему голову,— сказал наконец Камацубара, испытав неожиданное и сильное желание посмотреть в глаза танкисту.

Майор Ногато четким шагом вышел вперед, отстегнул меч и коротким ударом рукоятки в подбородок вздернул голову пленного.

Теперь русский, подбородок которого был подперт рукояткой меча, стоял перед Камацубарой с высоко вздернутой головой, глядя прямо перед собой двумя глазами: одним голубым, с чуть-чуть подрагивавшим веком, и другим — неестественно неподвижным, круглым и красным, втрое больше обычного глаза.

Иноуэ еще раз приказал перевести пленному, что если он не начнет отвечать, то будет сейчас же казнен. Танкист снова ничего не ответил и продолжал молча смотреть на Камацубару, который под его взглядом вдруг с раздражением почувствовал, что вся эта история с допросом была с самого начала пустой тратой времени.

— Выведите его! Отдаю его в ваши руки! — сказал Камацубара, решительно прерывая на полуслове начавшего снова болтать что-то по-русски переводчика и обращаясь к Ногато.

Майор Ногато отпустил меч, но Овчинников не уронил снова голову на грудь, а продолжал держать ее так же высоко поднятой, как держал до этого. Постояв так секунду, он глубоко и вольно вздохнул тем долгим вздохом, во время которого можно вспомнить всю жизнь, и сам повернулся к выходу.

Майор Ногато вышел вслед за ним, все еще продолжая левой рукой придерживать дужку очков и мелко и часто подталкивая пленного в спину рукояткой зажатого в правой руке меча.

Когда они вышли, Камацубара с минуту молча прислушивался. Выстрела не было слышно.

— Зарубил мечом,— сказал Иноуэ.— Он хорошо фехтует. Помните казнь в Баодине? — и он усмехнулся, вспомнив багрово-синюю щеку Ногато и его разбитые очки.

Камацубара ничего не ответил. Этот молчавший, несмотря на угрозу казни, русский танкист был последним толчком, заставившим Камацубару решиться на то, о чем он неотступно думал все последние часы, с той самой минуты, как узнал об утрате связи с Джинджин-Сумэ. В двух километрах к востоку от командного пункта на маленькой замаскированной площадке стоял штабной самолет, который еще чудом не разбила русская артиллерия. На нем можно было через полчаса перелететь через кольцо русских танков и продолжать командовать всем оттуда, из Джинджин-Сумэ, оставив здесь за себя Иноуэ. Это еще не поздно было сделать сейчас и уже не удастся сделать с рассветом.

«Такого решения требуют благоразумие и обстановка»,— говорил себе Камацубара, напрягая диафрагму и выпячивая грудь, перед тем как решиться сказать об этом Иноуэ, которому благоразумие и обстановка предопределяли оставаться здесь.

И по мере того, как он приготавливал себя, свою волю и свой голос к тому, чтобы повелительно и резко сказать эти необходимые слова и спокойно выдержать ответный взгляд Иноуэ, в нем необоримо росло чувство страха, простое, обыкновенное чувство страха от сознания того, что сейчас в десяти километрах отсюда, где-то в темноте, движутся и сходятся русские танки, в каждом из которых сидят такие же, как этот, еще недавно молча стоявший перед ним, а теперь зарубленный майором Ногато русский танкист.

— Господин полковник Иноуэ! — сказал Камацубара повелительным и резким голосом, чувствуя мимолетное удовольствие от того, что голос его звучит именно так, как он хотел.— Оказываю вам доверие замещать меня на время моего отсутствия.— И он встретился с глазами Иноуэ, которые смотрели на него со странным выражением.

Это были глаза человека, который хорошо понимает, что его оставили умирать, и в котором чувство страха за собственную жизнь борется с чувством презрения к тому, кто, решив спастись сам, предоставляет умирать другому.

Начальник разведотдела группы полковник Шмелев, долговязый блондин с лохматой, курчавой головой, с длинным, умным, насмешливым лицом, сидел, по-азиатски поджав под себя ноги, в маленькой палатке, на скорую руку разбитой между остановившимися на ночевку в степи танками.

Отрывая жесткие, перегоревшие стебли степной травы, Шмелев рассеянно перекручивал и ломал их в пальцах. Свеча, укрепленная поверх брошенной на землю толстой, набитой захваченными документами полевой сумки Шмелева, освещала внутренность палатки, в которой, кроме Шмелева, находился сейчас только один человек — китаец, унтер-офицер из перешедшего два часа назад на нашу сторону маньчжурского батальона.

Отправленный командующим в первый день наступления на высоту Палец с приказанием не возвращаться, пока она не будет взята, Шмелев уже третьи сутки находился в танковой бригаде Сарычева. Шмелев был человеком достаточно храбрым для того, чтобы не испугаться приказания командующего, а, напротив, даже обрадоваться ему,— на протяжении всего штурма высоты Палец он был в боях, под пулями и снарядами, и это страшило его гораздо меньше, чем возвращение в штаб и предстоящая встреча с командующим, которая, по мнению Шмелева, не предвещала ничего доброго. С высотой Палец вместо одних суток провозились трое: она оказалась укрепленной сверх всяких ожиданий,— и в этом просчете были виноваты Шмелев и его разведка.

Находясь в рядах штурмовавших высоту Палец войск и не имея полного представления о всем ходе операции, Шмелев не учитывал, что высота Палец так долго держалась не только из-за своих укреплений, но и из-за того, что японцы два дня бросали ей на помощь резервы, а это, в свою очередь, осложняя наше положение на севере, в то же время облегчало нам нанесение главного удара — на юге.

Не знал Шмелев и того, что командующий, недовольный им за прошлое, в то же время считал, что он получил достаточный урок на будущее, и не намерен был возвращаться к тому разговору, после которого в первый день наступления Шмелев вышел из его блиндажа белый, как полотно.

Не зная всего этого, Шмелев — отчасти в азарте боя, а отчасти из желания попозже попасться на глаза командующему — после падения высоты Палец на своем маленьком пулеметном броневичке двинулся дальше вместе с танкистами, решительно сказав недоверчиво посмотревшему на него Сарычеву, что там, где танкисты режут тылы противника, как раз самое место для начальника разведки.

Узнав, что маньчжурский батальон вышел навстречу танкам и с оружием в руках перешел на нашу сторону, Шмелев через полчаса оказался на месте происшествия, обрадованный не только самым событием, но и тем, что оно как бы задним числом оправдывало его самовольное пребывание у танкистов.

Разговаривая с китайскими солдатами, Шмелев довольно быстро обратил пристальное внимание на одного из них. Судя по тому оттенку уважения, с которым к нему относились все остальные, он, очевидно, был их вожаком.

В конце общего разговора этот солдат подошел к Шмелеву и тихо попросил поговорить с ним отдельно.

Сейчас, в палатке, при свете, оказалось, что у него нашивки унтер-офицера. Он сидел в углу напротив Шмелева и медленно, с удовольствием курил предложенную ему Шмелевым папиросу. На его лице, попеременно сменяя друг друга, изображались чувства усталости и наслаждения, которые испытывает человек, долго находившийся в состоянии вынужденной замкнутости.

Унтер-офицер, которого звали Лю Чжао, уже ответил на все вопросы Шмелева, касавшиеся окруженных японских войск, и сейчас Шмелев, засунув свою толстую потрепанную

записную книжку в карман, просто сидел и разговаривал с ним о нем самом.

Лю Чжао оказался, как и предполагал Шмелев, руководителем небольшой группы солдат и унтер-офицеров, решивших при первом удобном случае организовать переход батальона на сторону советско-монгольских войск и начавших готовиться к этому еще по ту сторону границы, до отправки на фронт. Он был, по его словам, одним из коммунистов, посланных Харбинской партийной организацией в войска Маньчжоу-го, чтобы вести в них антияпонскую пропаганду.

Распоров подметку своего порыжелого солдатского ботинка, китаец вытащил оттуда узкую полоску рисовой бумаги с несколькими рядами крошечных иероглифов и маленькой красной китайской печатью. С трудом разобрав иероглифы, Шмелев только пожал плечами, восхищаясь мужеством сидевшего перед ним человека, и, усмехнувшись, сказал, что лежать на койке, рядом с которой по ночам стояли эти ботинки, значило каждую ночь спать рядом со своей смертью.

По лицу Лю Чжао промелькнула тень улыбки, и он ответил, что в казармах не было ни коек, ни маньчжурских канов. Японцы считали вполне достаточным, если там будет земляной пол и дырявая крыша.

— Кроме того я хорошо служил. — Китаец коротким презрительным жестом коснулся своих унтер-офицерских нашивок. — За весь год, до сегодняшнего дня, не имел ни одного замечания.

— А подозрения? — спросил Шмелев.

Лю Чжао ответил, что японцам трудно было подозревать кого-нибудь одного, потому что они подозревали всех китайцев сразу, даже офицеров.

— И это совсем не глупо с их стороны,— добавил он.— Командир моей роты перешел вместе с нами. Хотя он из феодальной семьи и служил в войсках еще при Юань Ши-кае, а потом был в охране Чжан Цзо-лина и вообще,— китаец улыбнулся одними глазами,— является порядочным негодяем.

— А почему он перешел? — спросил Шмелев.

— Когда иностранцы оккупируют страну, у разных людей в разное время бывают разные поводы быть недовольными ими. Десять дней назад, во время парада в Джинджин-Сумэ, японский инструктор рассердился и избил господина командира роты перед строем тем же самым бамбуковым прутом, которым обычно господин командир роты бил нас. У него до сих пор в синяках все лицо.

И Лю Чжао снова чуть заметно улыбнулся своей сдержанной улыбкой. Все пережитое им за последние трое суток с трудом могла выдержать психика самого сильного телом и духом человека. Трое суток подряд находясь в пекле день и ночь полосовавшего воздух и землю огня советской артиллерии, он одновременно испытывал и страх перед почти полной неотвратимостью собственной смерти и мрачную радость при виде метавшихся, как в мышеловке, и погибавших на его глазах японцев. Однако нечеловеческое напряжение этих трех суток сейчас не отражалось на его лице. Хотя он уже три ночи не спал, он не испытывал физической усталости; наоборот, ему хотелось, чтобы этот продолжавшийся больше часа разговор длился бесконечно.

Сидевший перед ним советский полковник объяснялся по-китайски на северном, родном для Лю Чжао, диалекте; вопросы полковника говорили о том, что он когда-то жил в Китае и знает его. И уже одно это много значило для китайца, создавая чувство дополнительной близости между ними обоими.

Когда-то, в молодости, грузчик, потом сцепщик на разных станциях КВЖД, потом слесарь паровозного депо на станции Харбин II, Лю Чжао сам знал несколько сот русских слов и умел связывать их в те простейшие фразы, при помощи которых он вступил в первое объяснение с танкистами, выйдя им навстречу.

Но сейчас он не пользовался этим запасом русских слов и испытывал наслаждение от того, что они говорили с полковником по-китайски. Без затруднений, не выбирая слов, Лю Чжао отвечал на странно звучавшие в этой военной палатке под гул артиллерии самые простые человеческие вопросы о жене и детях, о работе в депо, о том, сколько приходилось ему работать и сколько риса попадало в чашку; вопросы человека из трудовой семьи, который расспрашивает другого рабочего человека о его жизни.

Лю Чжао даже казалось, что этот советский полковник был когда-то сам железнодорожником, и он не ошибался в этом: до революции Шмелев работал кочегаром, а потом почти всю гражданскую войну ездил на бронепоездах.

Шмелев, в свою очередь, испытывал удовольствие от того, как он свободно говорит по-китайски. С каждой минутой разговора он все больше чувствовал, что, несмотря на перерыв в несколько лет, почти не забыл языка.

Разговаривая с китайским коммунистом, он невольно вспомнил время своей службы в Китае помощником военного атташе, аккредитованным при правительстве Чан Кай-ши. Как много он видел в те годы лживых улыбок и надменных рож, как много неуверенных в будущем и потому особенно торопливых и наглых воров в генеральских мундирах прошло перед его глазами и как мало и редко ему в силу своего официального положения приходилось видеть человеческих лиц, говорить с такими людьми, как этот сидевший перед ним солдат,— с людьми, которые одни только и были настоящим Китаем!

«Ах, товарищ Лю, товарищ Лю! — хотелось сейчас сказать Шмелеву, глядя на сидевшего перед ним китайца. — Сколько еще придется перенести и перебороть тебе и твоим товарищам, прежде чем у вас станет так, как у нас! Доживешь ли ты до этого? А если доживешь, то не станут ли к этому времени взрослыми твои дети и седой твоя черная сейчас, без единого седого волоса, голова?»

Так думал Шмелев, глядя на китайца и не произнося ни слова. Но то присущее душе советского человека свойство, которое заставляет его желать счастья простым людям другого народа с такой же силой, с какой он желает счастья собственному народу, так ясно выражалось на лице Шмелева, что китаец почувствовал несказанное, быть может, верней, чем если бы оно было выражено словами.

— Товарищ полковник! Мне надо портрет Сталина,— впервые за все время беседы сказал он по-русски, немножко коверкая слова, и, словно эта просьба могла показаться нескромной с его стороны, быстро добавил уже по-китайски, что портрет ему нужен для всего батальона, что он один раз, еще в казармах, пробовал по памяти нарисовать для солдат портрет Сталина, но вышло так непохоже, что пришлось порвать, — он слишком плохой художник для этого.

Шмелев знал, что у него нет с собой портрета Сталина, но ему так хотелось выполнить просьбу китайца, что он даже потрогал карманы гимнастерки, словно проверяя, нет ли там портрета, и огорченно бросил взгляд на свою полевую сумку, где тоже ничего не было.

— Слушайте, товарищ капитан,— сказал он, оборачиваясь к Климовичу, который в эту секунду, приоткрыв полог, согнувшись, влезал в палатку,— у вас нет с собой какой-нибудь книги с портретом товарища Сталина?

— А что? — спросил Климович.

— Вот просит китайский товарищ для перешедших на нашу сторону солдат, — кивнул Шмелев на китайца,— портрет товарища Сталина, а у меня с собой нет. Я подумал, можно из книги вырезать. Для такого дела не жаль. Коммунист,— снова кивнул он на Лю Чжао.

— Когда второй эшелон пойдет, доставим,— сказал Климович.— У меня есть в вещах.

Книга, которая лежала в его вещах и о которой Климович говорил сейчас, была сборником стихов о Сталине с его портретом. Она принадлежала погибшему при Баин-Цагане башенному стрелку Зыбину, и Климович взял себе эту книгу на память о Зыбине. На обложке книги осталось пятно крови, а корешок был порезан осколком. Но сейчас, услышав, что сидящий перед ним китаец — коммунист, Климович без колебаний подумал об этой книге.

— Не помешаю вам, товарищ полковник? — спросил он Шмелева.

— Нет, пожалуйста,— сказал Шмелев, который, находясь последние сутки при батальоне Климовича, несмотря на свое старшинство в звании, в то же время чувствовал себя в некотором косвенном подчинении у Климовича, распоряжавшегося всеми людьми и машинами батальона.

Климович сел на землю; спросив у Шмелева разрешения закурить, вытащил из пачки последнюю, смятую папиросу, оторванным от

Из «Сталинградской тетради»

Александр ПРОКОФЬЕВ

ПОДАРОК

В необъятной степи, где ковыль да вьюнок,
Рад лесник небывало: родился сынок.

В честь рожденья его посадила Держава
Молодую, зеленую рощу-дубраву.

Поднесла, привезла драгоценный подарок:
Сад могучий — на тысячу двести гектаров!

И еще разнотравья красу подарила
И к великому счастью пути проторила.

И цветов подарила большое веселье,
Начиная от первых, подснежных, весенних,

Начиная от тех, что рожденью дивятся,
И кончая такими, которые снятся!

Подарила простор и на этом просторе
Подарила четыре ею созданных моря.

И еще подарила мальчонке, ликуя,
Колыбельную песню казачью-морскую!

ВДОЛЬ БЕРЕГОВ

Тополями, кленом, вязами
Украшают путь воды.
Тут с пятью морями связаны
Все поселки и сады;

Города, что мы построили
Не сегодня, не вчера,
Где вот-вот пройдут героями
Молодые мастера;

Города, что нынче строятся
У воды, у переправ,
Города, что сразу скроются
В светлой зелени дубрав;

Степь широкая с пригорками,
Речка с камешком на дне,
С легкой лодкой «Пятиморкою»
На серебряной волне!

мундштука кусочком папиросной бумаги подклеил ее и с наслаждением затянулся.

Пешие разведчики еще не вернулись с донесением, но взвившаяся в двух километрах к югу условная зеленая ракета сигнализировала о том, что разведка встретилась с танками бригады Махотина. Климовичем были уже отданы все приказания. Две роты танков он оставил так, как они встали на ночь,— цепочкой вдоль границы, а сам с одной ротой был намерен продвинуться дальше на юг. Он зашел в палатку лишь на секунду, с намерением сказать, что ее пора складывать, потому что с первыми лучами рассвета танки начнут дальнейшее движение, но, увидев, что Шмелев еще не закончил разговора с китайцем, решил посидеть и покурить в палатке несколько оставшихся до выступления минут, не мешая их разговору.

Китаец и Шмелев вновь оживленно заговорили по-китайски, и Климович с интересом прислушивался к непривычным звукам чужого языка. Он знал, что Шмелев, которому на вид не было и сорока, совсем молодым человеком успел навоеваться в гражданскую войну и получить еще тогда два ранения и контузию, из-за которой он, разговаривая, изредка чуть-чуть подмигивал левым глазом, словно иронически приглашая собеседника помолчать и послушать, что будет дальше. На щегольской серой габардиновой гимнастерке полковника поблескивал новенький орден Красного Знамени, полученный им за выполнение особых заданий правительства. В нескольких коротких разговорах, которые пришлось вести Климовичу со Шмелевым, полковник показал себя человеком умным и знающим, и сейчас тоже, разговаривая с этим китайцем, он, кажется, говорил какие-то умные и важные вещи, потому что китаец, весь подавшись вперед, слушал его с величайшим вниманием. В то же время безрассудная храбрость, которую Шмелев несколько раз без нужды проявлял на глазах Климовича, то под огнем вылезая из своего броневичка, то обгоняя на нем танки, вызывала у Климовича чувство осуждения: в такие минуты Шмелев казался ему человеком, слишком легкомысленным для своего звания, и сейчас он так и не мог решить для себя, что же он в конце концов думает о Шмелеве.

Понаблюдав с минуту за лицами обоих собеседников, Климович незаметно для себя забыл о них и вернулся к собственным заботившим его мыслям.

Кончавшаяся ночь была тревожной. На всем протяжении ее Климович чувствовал ту тяжесть свалившейся на него ответственности, от которой люди устают сильнее, чем от самой тяжелой и бессонной работы. Его растянувшиеся на несколько километров в степи танки всю ночь стояли с орудиями и пулеметами, обращенными и на запад, в сторону окруженной японской группировки, и на восток, в ожидании возможного встречного удара японцев извне, из Маньчжурии.

Ночь была непроглядная, а людей, кроме экипажей танков, было слишком мало: одна, и то неполная, рота стрелково-пулеметного батальона, которая следовала за танками на грузовиках и сейчас была рассыпана по степи в охранении. Если бы японцы решили прорываться среди ночи, то Климович, в сущности, мог рассчитывать только на танки, которые ночью слепы. Правда, он приказал в случае атаки включить фары и расстреливать японскую пехоту при свете фар прямой наводкой. Но, с другой стороны, танки с зажженными фарами могли стать мишенью для японской артиллерии. Он поставил в охранение поголовно всех людей, кроме экипажей танков, и сам всю ночь не смыкал глаз, обходил посты, больше всего боясь, чтобы японцы не подкрались к танкам и не сожгли их.

На западе внутри кольца всю ночь била артиллерия, а на востоке, за маньчжурской границей, стояла мертвая тишина, казавшаяся гораздо опаснее того гула боя, который слышался с запада.

Два часа назад командир взвода лейтенант Овчинников, нарушив приказание, ушел на танке в юго-западном направлении и не вернулся. После этого оттуда не донеслось ни одного выстрела. Климович послал на розыски отделение пешей разведки, но разведчики наткнулись на японцев, были обстреляны пулеметным огнем и отошли.

Исчезновение Овчинникова подчеркивало опасность положения, в котором до рассвета оказались танки. Климович ругал сейчас себя за то, что он еще раньше, в горячке боев, не отрешил Овчинникова от должности за его глупое молодечество, и в то же время тревожился и жалел его и его экипаж: то, что танк даже ни разу не выстрелил, предвещало беду.

Беспокоили Климовича и китайцы. Среди ночи он не решился отправить их кружным путем в тыл, боясь нападения японцев. А сейчас, с рассветом, опасался, что в случае внезапной японской атаки они во время боя окажутся между двух огней в голой степи, без всякого укрытия. Он приказал их накормить, отдав им почти весь скудный неприкосновенный запас танкистов, и час назад на всякий случай велел им рыть окопы.

Все это заботило всю ночь и продолжало заботить Климовича, одновременно и с облегчением и с тревогой думавшего, что вот-вот начнется рассвет. Поглядев на часы, он увидел, что пять льготных минут, которые он дал себе, миновали, и, встав, уже собрался сказать Шмелеву, что сейчас они снимут палатку и начнут движение, когда снаружи раздался знакомый простуженный басок Гордиевского:

— Где ваш командир батальона? Ведете, ведете и никак не доведете!

Поспешно выйдя из палатки, Климович увидел около нее три фигуры: своего заместителя Коровина, Гордиевского и третьего — незнакомого.

— Товарищ комиссар бригады...— начал было рапортовать Климович.

— Коровин уже доложил. А вот тебе могу доложить, что пехоту привел с собой. Рад? — прервал его Гордиевский, который за полтора месяца, проведенных на фронте, заметно погрубел внешне, еще заметней при этом помягчев душой внутренне.

— Еще как, товарищ комиссар! — со вздохом облегчения, в котором выразилось все пережитое им за ночь, сказал Климович.

— Сам заместитель командира дивизии с головным батальоном прибыл. Двадцать пять километров за ночь сделали! Это после боя! — возбужденным и счастливым голосом сказал Гордиевский.

— Майор Панченко,— в темноте сказал третий, незнакомый Климовичу человек, стоявший рядом с Гордиевским, и протянул руку, которую Климович радостно тряхнул со всей силой чувства, испытанного им в эту минуту.

— Товарищ комиссар, Коровин вам, наверное, уже доложил, что огневая связь с танками Махотина установлена. Разведку послали. Сигнальные ракеты видели?

— Огневая огневой,— сказал Гордиевский,— а давай-ка сейчас двинемся да личную связь установим. Уже светать начинает. Пора!

— Товарищ полковой комиссар,— сказал Климович, которому послышался в этих словах скрытый упрек,— я хотел лично установить, но не решился батальон оставить ночью. Положение обоюдоострое.

— Было обоюдоострое,— попрежнему возбужденно и весело сказал Гордиевский, который вовсе и не думал упрекать Климовича,— а теперь другое дело: пехота подошла!

Слово «пехота» он произнес, как самое радостное, большое слово на свете, вложив в него всю душу.

— Ах, как ты меня утешил! — обратился он к Панченко.— До того утешил, просто расцеловать тебя хочется! Двадцать пять километров за четыре часа! Подумать только! Полковник Шмелев не у тебя? — вдруг озабоченно повернулся Гордиевский к Климовичу.— Куда он делся?

— Здесь я,— сказал Шмелев, выходя из палатки.— Что там такое?

— Командующий вас разыскивает. Уже и Сарычеву и мне из-за вас досталось. Велел доставить вас живого или мертвого.

— Сильно ругался? — упавшим голосом спросил Шмелев.

— Да как вам сказать,— ответил Гордиевский, которому все представлялось сейчас в радужном свете,— я его характер недостаточно изучил. Сарычев говорит, что ничего. Хотя и ругался, но со смешком в голосе! «Что,— говорит,— он к японцам, что ли, от меня с перепугу решил удрать?» Но все-таки Сарычев сказал, чтобы вы, как только вас найду, немедленно ехали, не копались, а то плохо будет. Подождите-ка,— прервал сам себя Гордиевский и, вытянув голову, прислушался.

Над их головами в начинавшем чуть-чуть сереть предрассветном небе прерывисто гудел низко шедший невидимый самолет.

— Не наш,— сказал Климович.

Все снова прислушались. Самолет, пройдя над головами, удалялся в сторону Маньчжурии.

— Не иначе какое-нибудь самурайское начальство из окружения ноги уносит,— сказал Шмелев, который немножко повеселел, услышав, что командующий говорил хоть и сердито, но со смешком.

— А что вы думаете! — весело поддержал Гордиевский.— Вполне возможно. Теперь их положение хуже губернаторского.— И он своей длинной рукой обнял стоявшего рядом с ним широкоплечего Панченко.— До того вовремя твоя пехота, что слов не подберу!

Гудение самолета уже едва слышно доносилось оттуда, где на горизонте появилась первая узкая зеленая полоска рассвета.

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

К столетию со дня рождения писателя

Среди писателей прошлого, чье творчество было органически связано с жизнью и интересами трудового народа, одно из почетных мест принадлежит Д. Н. Мамину-Сибиряку.

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» отметил, что «в произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».

Эта характеристика, определяя глубину и силу реализма Мамина-Сибиряка, дает ясное представление о содержании его творчества. Изображая уральский быт, он никогда не был бытописателем-натуралистом, писателем-этнографом; на уральском материале он освещал темы всенародного значения. Среди них одна прошла через всю его литературную жизнь — тема «власти капитала».

«Эпоха первоначального накопления капитала нашла себе в покойном писателе талантливого изобразителя»,— писала «Правда» в 1912 году.

Биография Мамина-Сибиряка — это типичная биография разночинца, трудом и талантом пробивавшего себе путь в литературу.

Родился он 6 ноября 1852 года в семье заводского священника. Годы детства прошли в уральской глуши, на старом демидовском Висимо-Шайтанском заводе, где перед глазами будущего писателя стояла «непокрытая заводская беда».

В студенческие годы он испытал самую острую нужду. Литературную деятельность он начал с тяжелого, низко оплачиваемого труда газетного репортера.

Возвратясь на Урал, он с головой окунулся в «бойкую и оригинальную жизнь» родного края, с ее «проклятыми вопросами» и жгучей «злобой дня». Будучи писателем социально зорким, он нарисовал в своих произведениях широкую и правдивую картину народной жизни, отстаивая интересы «привязанного к заводам населения» и разоблачая народнические утопии.

Первые свои значительные произведения Мамин печатал в прогрессивно-демократическом журнале «Дело» и в «Отечественных записках». Салтыков-Щедрин высоко оценил эти произведения.

Восьмидесятые годы явились для писателя периодом идейной и художественной зрелости. В одном из писем к брату он заявлял, что можно гордиться такими писателями, как Глеб Успенский и другие литераторы демократического лагеря, так как «они откинули все лохмотья и декорации старинной выдохшейся эстетики и служат боевую службу, которая им в свое время зачтется».

Сам он рассматривал свой литературный труд как служение народу. Это был подвиг всей его писательской жизни.

В день сорокалетнего юбилея литературной деятельности Мамина-Сибиряка Горький писал в поздравительной телеграмме:

«...Люди, которым Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык, почтительно и благодарно кланяются Вам, писателю воистину русскому. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом,—это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

В произведениях Мамина-Сибиряка перед читателем проходит ряд незабываемых образов простых людей — тружеников Урала. Вот сплавщик Савоська из очерка «Бойцы».

«Я любовался этим Савоськой, который, расставив широко ноги на своей скамеечке, теперь служил олицетворением движения. Голос звучал уверенно и твердо, в каждом движении сказывалась напряженная энергия. Он слился с баркой в одно существо. Но нужно было видеть Савоську в трудных местах, где была горячая работа; голос его рос и крепчал, лицо оживлялось лихорадочной энергией, глаза горели огнем. Прежнего Савоськи точно не бывало; на скамейке стоял совсем другой человек, который всей своей фигурой, голосом и движениями производил магическое впечатление на бурлаков. В нем чувствовалась именно та сила, которая так заразительно действует на массы».

Говоря с горячей симпатией о рабочем и его труде, Мамин совсем не по-народнически относился к заводу. Устами одной из любимых своих героинь, Надежды Бахаревой, он так выразил это отношение: «Что-то хорошее, новое, сильное чувствуется каждый раз, когда смотришь на заводское производство».

В «Горном гнезде» он показал «артистическую работу» тагильских мастеров-прокатчиков, подчеркнув при этом ее творческое, интеллектуальное начало. Изображая красоту и поэзию индустриального труда, он поднимал голос протеста против нечеловеческих условий этого труда.

В изображении писателя фабрика кажется «входом в подземное царство, где совершается вечная работа каких-то гномов, осужденных самой судьбой на «огненное дело», как называют сами рабочие свою работу. Едва ли где-нибудь в другом месте съедался кусок в большем поте лица, как это происходило именно здесь, на этом каторжном труде, на котором быстро сгорает самый богатый запас сил».

В «Трех концах» писатель осветил никем до него не поднятую «заводскую тему» как тему народных судеб, как тему отношений труда и капитала.

Не понимая исторической роли и идеалов рабочего класса, шедшего на штурм самодержавия и капитализма, писатель, однако, горячо сочувствовал трудовому народу и верил в его великое будущее.

Народная тема лежит в основе исторической повести «Охонины брови», где буря народного гнева и священная ненависть к угнетателям служили как бы предвестием грядущих революционных событий. В годы победоносцевской реакции, ренегатства среди когда-то революционно настроенной интеллигенции, зарождения русского декаданса, проповеди воинствующего идеализма, искусства для искусства гражданский пафос произведений Мамина-Сибиряка, глубокая социальная тема, лежавшая в основе наиболее значительных из них, делали его имя подлинно народным.

Такой писатель не мог не быть страстным патриотом своей Родины.

«Родина — наша вторая мать,— писал он,— а такая родина, как Урал, тем паче. Припомни «братца Антея» и наших богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удесятеренную силу. Это — глубоко верная мысль. Время людей-космополитов и всечеловеков миновало, нужно быть просто человеком, который не забывает своей семьи, любит свою родину и работает для своего отечества».

Со всей силой художественной правды показал писатель власть золота, уродующую человека, ломающую семейные устои, подчиняющую себе науку и искусство. Он нарисовал широкую картину просачивания капитала во все поры общественной и семейной жизни, в экономику, в быт, в печать.

Капитализм у Мамина — это «бесконечно широкая река, которая затопляет города и деревни, бушует на улицах, врывается в дома, разбивается о стены, журчит в ушах, переливается в самом мозгу» («Приваловские миллионы»). Капитализм превращает в меновую стоимость молодость и красоту, проституирует

науку («Горное гнездо»), разрушает патриархальные семейные отношения («Дикое счастье», «Золото»). Как чума, проносится он по черноземным равнинам Зауралья, и цветущий край превращается в пустыню («Хлеб»). Прожженные авантюристы покупают печать и превращают ее в орудие своих грязных делишек («Бурный поток»).

С негодованием и отвращением изображал писатель этот мир хищничества, алчной наживы, голого чистогана. С несравненной остротой нарисован им в образе Лаптева один из последних Демидовых — выродок с «гастрономической памятью», чуждый своему народу космополит. Среди «вечно голодной стаи» хищников запоминаются и скряга Ляховский, и «славянофил» Половодов, и продажный журналист Перекрестов, и «ученый генерал» Блинов, теоретически обосновывающий ограбление рабочих. Став участником капиталистического «дела», гибнет умный и талантливый Галактион Колобов.

Мамину пришлось стать современником вступления капитализма в его последний этап — этап империализма, характеризовавшийся, между прочим, яростной борьбой за рынки сбыта, колониальным разбоем.

В начале 80-х годов писатель приступил к созданию цикла рассказов «Китайцы и американцы». Черты, отмеченные Маминым, типичны и характерны и для современных американских империалистов.

Не менее актуален рассказ-гротеск «Ийи», явившийся откликом на события англо-бурской войны. Людоед Ийи оказывается более человечным, нежели «цивилизованные» колонизаторы, один из которых — английский лейтенант — посылает невесте записную книжку в переплете из человеческой кожи.

Писатель верил, что всей этой «возмутительной и бесчеловечной действительности» придет конец. Для него было ясно, что трудовой народ сам должен стать хозяином своей судьбы.

«Що у земли Хома горбом добыл, то Хоме»,— говорит герой одного из его очерков.

Творчество Мамина богато и многогранно. Широка и разнообразна его проблематика. Писателя волновали судьбы русской интеллигенции и учащейся молодежи («Черты из жизни Пепко», «Ранние всходы», «Весенние грезы»); он заглянул в душу ребенка и создал чудесные «Аленушкины сказки» — одну из любимых детьми книг; выступал он и в роли драматурга и еще чаще в роли публициста.

«Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот в чем настоящая жизнь и настоящее счастье». Эти прекрасные слова высечены на цоколе надгробного памятника писателя. Истинной поэзией для него являлась «поэзия силы, широкого размаха, энергии и неудержимого стремления вперед».

В 1894 году в романе «Без названия» он писал: «Мимо величаво плыла без конца развертывавшаяся панорама волжских берегов. Нехорошо было только одно, что берега были совершенно пустынны. Изредка выглянет небольшая деревушка с яблоневыми садами, и опять без конца зеленый простор. Тысячелетняя русская история еще не осилила могучей реки,— Волга вся еще в будущем, когда ее живописные берега покроются целой лентой городов, заводов, фабрик и богатых сел. Эта мечта невольно навевается самой рекой, которая каждой волной говорит о жизни, о движении, о работе. Может быть, уже недалеко то время, когда все это совершится, и нет основания сомневаться в осуществлении такой мечты».

Творческая мечта писателя-патриота обогнала его эпоху; только в Советской стране могла осуществиться эта мечта, воплощенная в грандиозных стройках коммунизма.

«Мое время еще не пришло. Меня поймут и оценят в будущем»,— говорил Мамин незадолго до смерти.

И как предвестье грядущей всенародной славы, прозвучали сорок лет назад слова некролога, опубликованного в «Правде»:

«Мир праху твоему, чистая душа! Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уважением поставят твое имя на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности».

К. БОГОЛЮБОВ

Севастопольская морская

Нам показывают большой библиотечный шкаф. Многие книги, перед тем как попасть сюда, прошли длинный и сложный путь. И немудрено, если учесть, что у этих книг весьма солидный возраст: 150 и более лет. Не совсем привычно звучат для нас их названия. Вот одно из них: «Устав морской о том, что касается к доброму управлению в бытности флота на море». Перед нами первый Морской устав России, изданный 189 лет назад. На титульном листе Морского устава читаем: «Напечатан по Указу Государственной Адмиралтейской Коллегии в типографии морского шлехетного кадетского корпуса, третьим тиснением. В Санкт Петербурге. 1763 г.».

Рядом книга, которая по возрасту на 15 лет моложе. Это регламент «О управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской и прочих всех чинах при адмиралтействе обретающихся». Регламент печатан «четвертым тиснением при императорской Академии Наук» в 1778 году.

В этом здании ныне помещается Севастопольская морская библиотека.

Фото В. Евграфова

А. В. Полянов, начальник Севастопольской морской библиотеки, где хранятся эти и многие другие уникальные книги, показывает нам собственноручные записки Петра I о правилах ведения морского боя. Эти исторические документы попали в библиотеку 112 лет назад. Они долгое время находились у частных лиц, но как только очутились у людей, связанных с флотом, сразу были переданы в Севастопольскую морскую библиотеку.

В 1848 году в России начал выходить «Морской сборник». Мы рассматриваем первый номер сборника.

В Севастопольской морской библиотеке много редких книг. Пятая часть всего того, что стоит на полках и в шкафах, — это морские и военно-морские книги. Но сказать, что книги «стоят», пожалуй, нельзя. Здесь много постоянных активных читателей, может быть, более активных, чем в любой другой библиотеке, ибо все они непрерывно учатся.

Севастопольская морская библиотека существует 130 лет. В ее судьбе принимали близкое участие прославленные русские флотоводцы М. П. Лазарев, П. С. Нахимов и В. А. Корнилов. Адмирал П. С. Нахимов долгое время возглавлял комитет директоров библиотеки. Адмирал В. А. Корнилов в течение двух лет фактически направлял работу библиотеки, был в числе ее директоров.

В дни Севастопольской обороны 1854—1855 годов морская библиотека не прекращала своей деятельности, продолжая обслуживать своих читателей, хотя в ее здании одновременно находился главный перевязочный пункт, где работал знаменитый русский хирург Пирогов. Первое издание писем Пирогова, вышедшее после обороны Севастополя, бережно хранится в библиотеке. К письмам часто обращаются ученые и писатели, работающие над историей города-героя.

После Октября 1917 года в Севастопольскую морскую библиотеку пришел новый читатель, жадно стремящийся к знаниям. Быстро начал расти книжный фонд. К началу Великой Отечественной войны он превысил 200 тысяч томов.

В дни героической обороны Севастополя морская библиотека верно несла свою боевую службу. Десять библиотек-передвижек доставляли книги туда, где находились постоянные читатели: на передовые позиции.

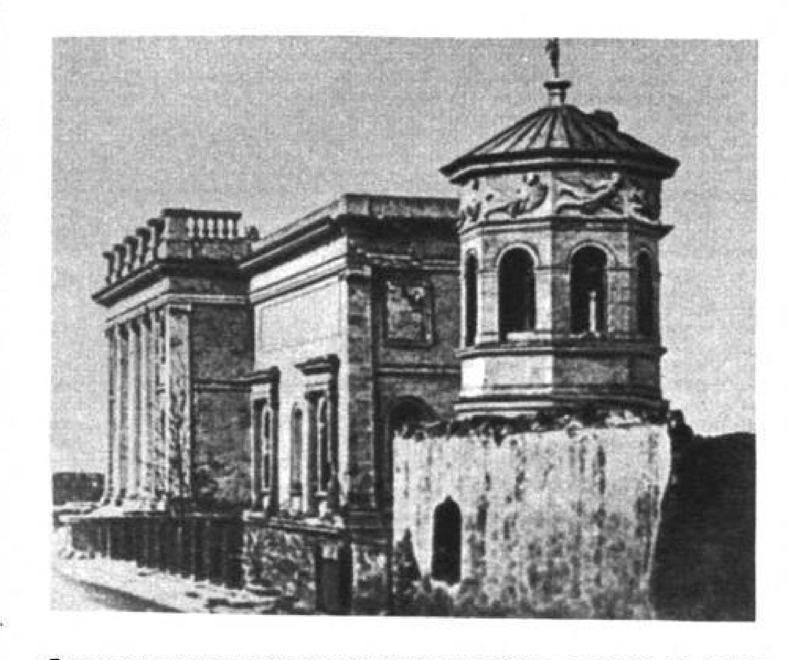
Сейчас в стенах «Севастопольской морской», как называют здесь эту библиотеку, можно встретить офицеров, которые когда-то приходили сюда, будучи матросами.

Работники старейшей библиотеки получают много писем от читателей, которым книга помогла в учебе и службе.

«Севастопольская морская» находится на улице Ленина, но книги ее путешествуют вместе с читателями. Работники 30 библиотек-передвижек доставляют книги читателям, изучают их интересы, запросы, принимают заказы на нужную литературу. Созданы специальные библиотечки для тех, кто занимается на курсах, учится в школах. Их запросы очень многообразны. И часто «Севастопольская морская» вынуждена обращаться за помощью в Москву — в Библиотеку имени В. И. Ленина, в Ленинград — в Библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. И не было случая, чтобы помощь читателю не была оказана.

«Севастопольская морская», ее скромные труженики-ветераны — «хозяйка книгохранилища» Н. С. Гаврилова, заведующая абонементом А. С. Троицкая, работающие в библиотеке по 25—20 лет, — пользуются большим уважением читателей.

В. БАРЫКИН

Севастопольская морская библиотека была открыта 21 июня 1822 года. Первое ее здание сгорело. На снимке: здание, построенное адмиралом М. П. Лазаревым в 1849 году. Справа — «Башня ветров», сохранившаяся до наших дней.

Рассказы В. Фоменко

Когда закрываешь, прочитав, книгу рассказов Владимира Фоменко, то кажется, будто только что познакомился с интересными и умными людьми. И хотя книга Фоменко невелика, знакомство это не «шапочное». Так хорошо умеет автор на нескольких страницах создать образ запоминающийся, характеры самобытные, примечательные.

«Секрет» умения Фоменко очень прост: он показывает своих героев в обыденной, жизненной обстановке, занимающихся повседневным, будничным делом, — и оттого все они так естественны, реальны, достоверны. У Фоменко острый, наблюдательный глаз художника: среди множества людей, с которыми сталкивает его жизнь, он

умеет выбрать именно тех, чей образ мыслей, чувств особенно типичен для нашего времени, особенно ярко выражает его приметы.

Пожалуй, наиболее явственно особенности творчества писателя сказались в рассказе «Хозяин», написанном энергично, собранно. Стиль рассказа как бы отражает характер героя его — комбайнера Василия Глазунова. Самое название рассказа, «Хозяин», становится символичным, когда мы узнаем Глазунова. Да, такие, как он, не сторонние наблюдатели, а истинные хозяева, строители жизни!

Неутомимый труженик, Василий не терпит небрежностей, промашек в работе, оттого не только почетно, но и трудно быть с ним в одной бригаде. Но зато как внимателен он к тем, кто проявляет выдумку, смекалку!

Жажда, неустанная потребность творчества — вот что лежит в основе характера комбайнера Глазунова, пасечника Смирдова, лесовода Логушова, чабана Негреева и многих, многих других героев. Это творческое отношение к жизни, к труду окрашивает самые, на первый взгляд, обычные дела и поступки их особым, ярким, радостным светом. Автору прекрасно удается передать чувства людей, влюбленных в свой труд, и поэтому любая профессия, о которой рассказывает нам Фоменко, становится особенно занимательной, нужной, интересной и, что очень важно, поэтической.

Несомненное достоинство книги и в том, что писатель не идеализирует своих героев, не стремится сгладить шероховатые углы в их характере, личной жизни, трудности той или иной работы. Глазунов у него резок, не очень любит, когда ему возражают, излишне строг с людьми,— словом, не из приятных человек... Тяжела личная жизнь Пелагеи Каныгиной: в войну погиб ее муж Григорий, оставив ее вдовой с малыми детьми. «Одна... нас много таких,— подбородок ее дрогнул.— Хватает после войны таких! — Каныгина не опустила, а даже приподняла голову, но стало видно, что она не так уж молода, и даже совсем не молода, с сеткой морщинок под глазами и у большого рта, с разбитыми ногтями на руках, с усталым лицом».

Большой человеческой правдой, не приукрашенной, строгой, проникающей до сердца, полны рассказы «Вдовья доля», «Шевелева». Перешагнуть через личные невзгоды, постичь смысл и красоту жизни помогает Каныгиной и Шевелевой труд. В нем находят они сначала забвение, а потом радость.

Необычайно просто и убедительно умеет рассказать писатель о том, как украшает жизнь человека содеянное им. «Ой, Евдоким Иванович, сколько тут тоби хорошего дила! Яка будет красота, як зазеленеют кругом посадки да виноградники да зашелестят листками молодые садочки, и люди позабудут, что колысь существовали среди зноя и пыляки...»,— так думал дид Гузий, герой одноименного рассказа, увидев впервые голую, без единого садочка целину. Не год, не два, а десятки лет должен был потратить он, чтобы покрыть зеленью деревьев выжженные степи. Но труднее, чем с природой, было ему поначалу воевать с людьми: привыкли они к своей целине и считали мечту дида Гузия о садах ненужной.

Так было. А теперь в молодом саду, что раскинулся на десятки гектаров, зреют фрукты, и старый, мудрый дид Гузий учит своему чудесному ремеслу девчат и хлопцев.

Композиционный стержень большинства произведений Фоменко — борьба, которую ведут его герои за свою мечту, за утверждение нового, за приближение коммунизма. Иногда это — столкновение нескольких персонажей («Государственный разговор», «Девчата», «У моря»), иногда, чтобы достичь цели, герою приходится спорить с самим собой, преодолевать возникающие сомнения. История о том, как молодой парторг колхоза «Заря» Серафима готовилась к своему первому партийному собранию, как боялась она, что не сумеет правильно ответить на вопрос, который волновал всю станицу (не хотелось людям в горячее время строек коммунизма сидеть «на прежних работах»), как искала и нашла она правильное решение,— история эта предстает перед нами как волнующий разговор о человеке, о его душевном росте и возмужалости.

О самом важном и ответственном пишет Владимир Фоменко — о людях, о строителях коммунизма, — и пишет горячо, умно, талантливо.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

В. Фоменко. Рассказы. «Советский писатель». М. 1952. 278 стр.

Славный путь поэта

В ноябре 1952 года советская общественность отметит семидесятилетие лауреата Сталинских премий, народного поэта Белоруссии, классика белорусской литературы Якуба Коласа.

Якуб Колас пришел в литературу почти полвека тому назад, в эпоху первой русской революции. На долю Якуба Коласа и Янки Купалы выпала высокая честь стать основоположниками белорусской советской литературы, создателями современного белорусского литературного языка.

Родился Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) 3 ноября 1882 года в семье бедного крестьянина-лесника. С юношеских лет он хорошо узнал нужду и горе, помыслы и чаяния белорусского народа.

Начало его поэтической деятельности неразрывно связано с революцией 1905 года, укрепившей в белорусском народе веру в социальное и национальное раскрепощение. «В 1905 году я уже был заядлым врагом самодержавия и в этом направлении вел работу»,— вспоминает Якуб Колас в автобиографии.

Преследования со стороны жандармов, царская тюрьма, куда он попал в 1908 году за революционную работу среди крестьян и за участие в нелегальном учительском съезде, не сломили поэта-революционера. Он продолжал активную творческую деятельность, призывал к непримиримой борьбе против угнетателей народа.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции разносторонний художественный дар Якуба Коласа раскрылся со всей полнотой. В советские годы Колас написал крупнейшие свои произведения. В это время им закончена поэма «Новая земля», начатая еще в минской тюрьме в 1910 году, заново переработана большая поэма «Симон-музыкант» (1924), написаны известные повести «В полесской глуши» (1923), «В глубине Полесья» (1927), «Трясина» (1933), пьеса «Война — войне» (1937), поэмы «Возмездие» (1944), «Хата рыбака» (1940—1947) и другие.

Поэт воплотил в своих стихах живой образ новой, социалистической Белоруссии.

О глубокой, кровной связи с народом свидетельствует большая, исключительно плодотворная общественная деятельность Якуба Коласа. Он депутат Верховного Совета СССР, член ЦК Компартии Белоруссии, заместитель председателя Верховного Совета Белорусской ССР, вице-президент Белорусской академии наук, председатель Белорусского республиканского комитета защиты мира.

Большой, славный путь пройден поэтом. В годы суровых испытаний он свято хранил верность народу. Вместе с народом узнал он «свершений торжество», радость величайших побед.

Коммунистическая партия, советское правительство высоко оценили литературную деятельность Якуба Коласа.

В 1926 году в связи с двадцатилетием литературной деятельности ему присвоено звание народного поэта БССР. За выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы он награжден орденами и медалями Советского Союза. В июне 1946 года за стихотворения военных лет поэту присуждается Сталинская премия первой степени; в 1949 году Сталинской премией была отмечена его поэма «Хата рыбака».

Е. МОЗОЛЬКОВ

«Глубокие борозды»

В сентябре 1945 года в Восточной Германии началось осуществление земельной реформы.

Роман молодого немецкого писателя Отто Готше «Глубокие борозды» был написан по свежим следам этих событий.

Главный герой книги, Шустер, работал некогда подпаском в имении крупного помещика графа фон Ваалена. Граф был, конечно, горячим приверженцем Гитлера и к тому же незаурядным демагогом. В 1932 году он воздвиг памятник солдатам, уроженцам его деревень, павшим во франко-прусскую войну 1870 года. Это была демонстрация так называемой немецкой общности.

Но бывший графский подпасок Шустер з а п р е т и л фон Ваалену высечь на этом обелиске имя своего отца, который был одним из этих павших за власть фон вааленов немецких солдат. Шустер написал тогда фон Ваалену: «Не смейте... осквернять имя моего покойного отца. Ваша война виновата в том, что мне так и не довелось его узнать.

Много лет назад я покинул вашу усадьбу... Если же когда-нибудь вы увидите меня там, помните,— это будет означать, что графы Ваалены сошли с исторической арены».

И вот в теплый майский день Шустер, который пробыл 12 лет в гитлеровском концлагере, возвращается в родную деревню. «Американцы не хотели его выпускать из лагеря. Допросы следовали за допросами. Он сбежал, попросту сбежал, перехитрил американцев и вырвался на волю».

Однако фон ваалены, а вместе с ними владельцы гитлеровских «наследных дворов», хищные и безмерно обнаглевшие кулаки кортены, циммерманны и их подпевалы тогда еще вовсе не собирались уйти с исторической арены. А пока эта деревня находилась у американцев, они с полным основанием считали себя опорой оккупационной власти и безраздельными хозяевами всей земли и трудящихся на ней людей.

Шустер, 74-летний старик, сразу же начинает упорную и беспощадную борьбу с фон вааленами, кортенами и их покровителями. Рядом с «Красным Шустером» борется и ветеран первой мировой войны однорукий Губерт Леснер, коммунист, которого крестьяне избрали бургомистром села. Это закаленные политические борцы. Впервые поднимаются к подлинной политической активности и рядовые люди: батрак Бальстер, бедняк Гюбнер и многие другие.

На этом этапе борьба идет еще только за раздел земли крупных помещиков и военных преступников (а понятия эти чаще всего совпадают). В этой борьбе неизбежно обнажаются и внутренние противоречия в социально очень неоднородной массе малоземельных крестьян.

После окончательного зонального размежевания та обычная, классическая немецкая деревня, которая изображена в романе Готше, оказалась в советской зоне.

Страницы, посвященные приходу советских солдат в эту немецкую деревню, лучшие в романе.

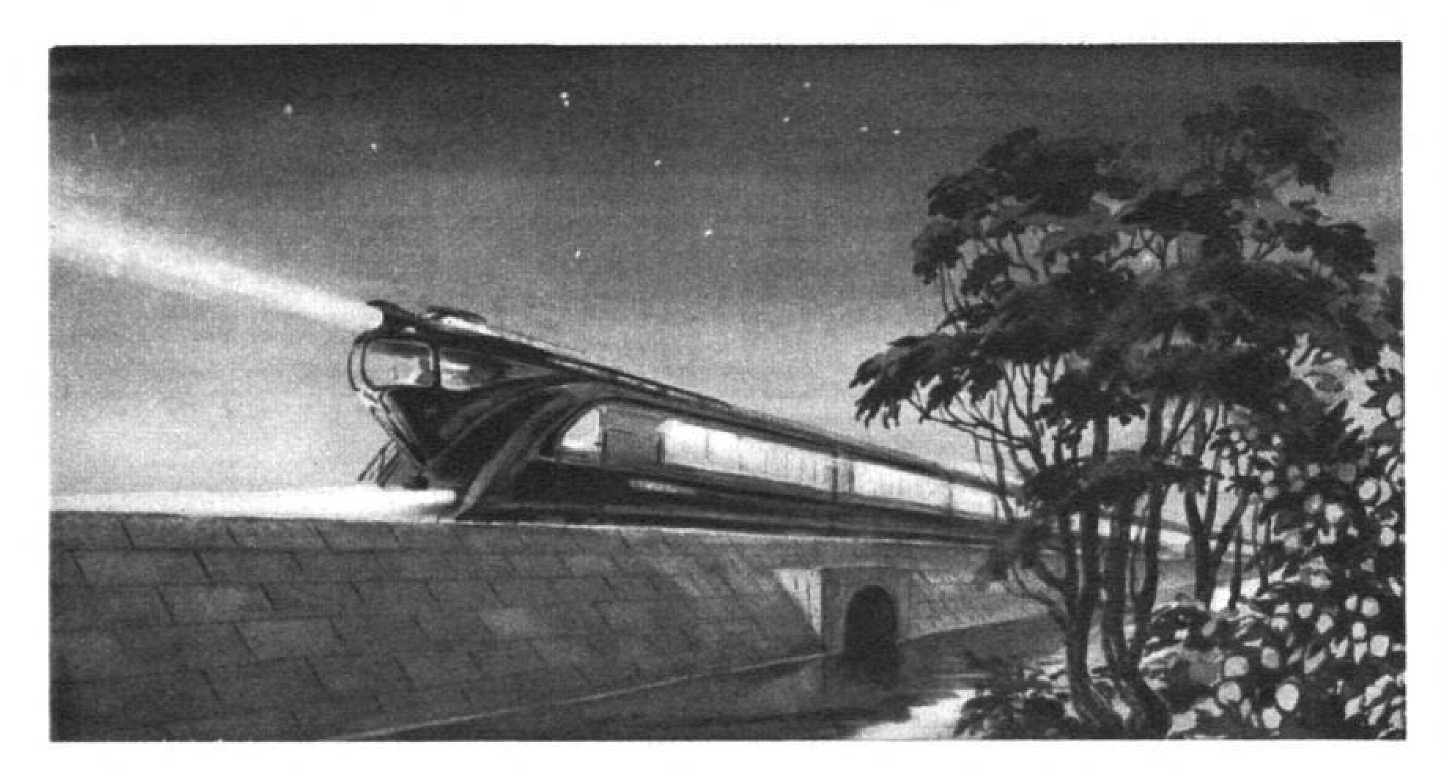
Под защитой Советской Армии новые немецкие органы самоуправления проводили земельную реформу в упорной борьбе с еще очень сильным противником.

Автор, к сожалению, нигде не выходит за пределы описываемой им деревни. Иногда создается впечатление, что и Шустер, и Леснер, и другие талантливые простые люди, вожаки новой немецкой деревни, действуют сами по себе. Это, само собой разумеется, заметно сужает общую историческую перспективу.

Но все же советский читатель с живым интересом прочтет этот талантливый роман.

Л. БОРОВОЙ

Отто Готше. Глубокие борозды. Роман. Издательство иностранной литературы. М. 1952. 355 стр.

Экспресс будущего

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Рисунки Н. Кольчицкого

Обычное купе экспресса Москва — Пекин. Полный мрак, не нарушаемый отблеском ярких станционных огней: большое окно скрыто тяжелой шторой. В темноте светится только циферблат стенных часов.

Пассажир нажимает кнопку у изголовья. Нигде не видно ни лампы, ни плафонов, а между тем стало светло. Свет излучают невидимые источники, спрятанные в потолке и в стенах. В ровном свечении глазам предстает скромная, уютная обстановка небольшой... комнаты. Да, да, комнаты! Разве можно назвать ее иначе, если в ней стоят два кожаных дивана, покрытых белоснежным бельем, кресло, столик с телефоном и письменным прибором? Над диванами в светлых рамах картины. Свежий, чистый воздух, напоенный, точно на цветущем лугу, ароматом душистых трав, струится из ажурных бронзовых решеток. Его «производит» климатическая установка.

Едва пассажир успел умыться (к его услугам горячая и холодная вода), как приходит горничная. Она приносит на подносе чай и бутерброды, интересуется, не нужно ли поговорить с Куйбышевом, понадобится ли носильщик.

Последний вопрос может показаться неуместным: в купе не видно ни одного чемодана. Однако они есть и так же, как пальто, шляпа, спрятаны в шкафах и в багажнике над дверью.

Поезд замедляет свой неудержимый, стремительный бег. За толстым небьющимся стеклом, оправленным никелированной рамой, скользят провода электрических высоковольтных линий.

Проснулся и второй пассажир. Он из степей Казахстана и возвращается в колхоз со Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Ему хочется посмотреть на красавицу электростанцию, которая угадывается по светлеющей слева дали.

Пассажирам экспресса не надо напрягать память, чтобы вспомнить историю этого грандиозного гидротехнического сооружения. Нажим кнопки на столике — и в купе как бы вселяется третий человек.

— Наш поезд подходит к Куйбышеву,— говорит невидимый диктор. — Сейчас мы подымемся на плотину электростанции высотой в тридцать шесть метров. Представьте себе, что вы поедете по крыше восьмиэтажного здания длиной в четыре километра, в котором находятся уникальные гидротурбины, самые большие в мире. Только одна лопасть турбины весит двадцать пять тонн. За плотиной начинается море. Оно тянется до Казани...

Слушая диктора, пассажиры прильнули к окнам, вглядываясь в необъятную водную ширь. Они мчатся в зареве электрических огней. Вдали сияют лучи маяков и пловучих морских буев, освещенные палубы дизельэлектроходов, видны темные силуэты нефтеналивных барж...

Экспресс встретил утро на пороге Азии. Здесь царствовала не сухая и ясная запоздалая осень, как всего десять часов назад в столице, а мела поземка. Первый, ранний снег пушистым покрывалом одел пологие горы. В вагонах попрежнему было тепло. Надежная обшивка из пластмассы, изоляционного материала и пленки прочного, не поддающегося коррозии сплава предохраняла помещение от влияния ветра и влаги. Воздух все так же чист и свеж, только в нем чувствуется терпкий запах смолы, будто окна распахнуты в хвойный южноуральский лес.

Пассажиры, позавтракав, отправились в салон — комфортабельный вагон без купе и коридора. Здесь картины на стенах, цветы в изящных вазах, книжный шкаф, радиоприемник и даже установка для демонстрации кинофильмов. Одни пассажиры читают, погрузившись в глубокие кресла; другие мирно беседуют, прохаживаясь по толстому ковру; несколько человек иностранцев сгруппировалось у телевизора.

— На проводе Ленинград,— оповещает диктор.— Пройдите в первую кабину.

Молодая женщина встает с кресла и захлопывает за собой металлическую дверцу.

— А мы уже, наверно, в Казахстане,— замечает кто-то, поглядывая в окно.— Снега нет. Пойдемте наверх.

Двое пассажиров поднимаются по лесенке на второй этаж салона.

Необыкновенная панорама развернулась перед ними через прозрачную, как стекло, пластмассовую галерею. Во все стороны, куда хватал глаз, простиралась безбрежная казахстанская степь. Экспресс, казалось, рассекал ее, все быстрее и быстрее шел по новой магистрали на юго-восток, точно стремясь догнать уходящее лето. Скорость была так велика, что не позволяла различить, что лежало поблизости; поселки, сады, голубые ленты каналов, стада овец, поля и луга — все сливалось в сплошные полосы. Где-то в стороне, за разорванными цепями полузаросших холмов и густыми купами кустарников, мелькали высокие, светлые башни насосных станций, подающих воду, черные точки автомашин, серебристые винты вертолетов.

Движение экспресса столь стремительно, что чудится — это не поезд, а борт гигантского самолета, бороздящего не небесные, а земные просторы. Впечатление это усиливают встречные поезда, молнией мелькающие мимо. Только вместо оглушительного рокота двигателей доносится приглушенное гудение. Несмотря на скорость, пассажиры пишут письма, и буквы ровными рядами ложатся на бумагу. Особые амортизаторы обеспечивают устойчивость вагонов.

Естественно, что чудесные картины преображенных песчаных полупустынь вызывают желание узнать о них поподробнее. Пассажиры прибегают к помощи механического рассказчика. Из маленькой дисковой коробочки, искусно приделанной к креслу, звучит голос человека. Он рассказывает, как советские люди переделали пустовавшие некогда земли к северу от Аральского моря, превратили их в цветущие поля и сады.

Неожиданно рассказчика прерывает другой голос:

— Товарищи пассажиры, через несколько минут вынужденная остановка! Наш поезд подходит к новому, только что построенному каналу Обь — Аральское море, на котором происходит испытание ферм моста. Мы должны пропустить встречный экспресс на разъезде 3650.

Один пассажир заволновался:

— Когда я уезжал отсюда несколько месяцев назад, тут и воды не было, а теперь через мост поедем!

Вскоре состав плавно, без толчка останавливается в залитой солнцем степи. Экспресс действительно догнал лето. Здесь и в конце октября нередко днем совсем тепло, даже жарко, но зато ночи холодные. В небе ни облачка, припекает солнце. За насыпью зеленой стеной подымаются тамариски, над ними карагачи со сросшимися кронами. Такой естественный заслон оберегает путь от песчаных и снежных заносов.

Но вот и встречный. Его ведет такой же красавец локомотив, как и поезд Москва — Пекин. Оранжево-коричневый, мягкой, обтекаемой формы, наиболее аэродинамичной, а потому и удобной при большой скорости, со спрятанными под кожухом колесами, он напоминает приплюснутую по бокам гондолу дирижабля. На могучей золотистой груди его, под сверкающей поверхностью окон, алеет пятиконечная звезда.

Как и при обычной остановке, пассажиры вышли из вагонов. За широким стеклом окна нашего локомотива виден человек в форменной фуражке и белоснежном кителе. Его кабина ничем не напоминает ни кабину паровоза, ни тесный пост управления электровоза.

Панели кабины покрыты светлой краской. На полу линолеум. Окна обращены на три стороны: вперед, налево и направо. На стене мраморная доска, где установлены чувствительные контрольные приборы. На наклонном столе клавиатура: черные кнопки, выключатели, гнезда лампочек, вспыхивающие зелеными, желты-

ми и красными огоньками. Нигде не видно рычагов, рукояток, педалей. Тут же смонтированы два телефонных аппарата: один поездной, другой путейский. Так выглядит пульт управления.

Невольно вспоминается лаборатория или диспетчерский пульт электростанции. Все в этом экспрессе: свет в салоне, очищенный воздух определенной температуры и влажности, телефонная и радиосвязь, двери с пневматикой, даже теплый душ — управляется электричеством. А человек, стоящий у пульта управления локомотивом, не просто машинист, а диспетчер.

Но вот на мачте разъезда, как на маяке, зажегся зеленый огонь. И, как эхо, таким же зеленым светом замерцала продолговатая трубочка в кабине: автосемафор. В густой туман, когда огня на мачте не видно, диспетчера выручает автосемафор, возбуждаемый токами определенной частоты. В то же мгновение прозвучал низкий, басистый прощальный гудок локомотива. Сработал фотоэлемент, установленный на пульте. Он воспринял зеленый огонь на мачте и автоматически передал его сигналу. Так же останавливается поезд, когда в пути вспыхивает красный сигнал.

Диспетчер сел в кожаное кресло, повернул выключатели, нажал кнопку. За него работал автомашинист, подобно тому, как на самолете автопилот заменяет пилота.

За окном растаяла зеленоглазая мачта, и навстречу как бы плыл через канал с горделиво изогнутыми арками большой мост. Экспресс снова шел, но как он тронулся с места, никто не заметил.

На пульте замерцали разноцветные огни лампочек. Поезд шел с равномерной скоростью: стрелка скоростемера замерла на цифре «200». В зависимости от профиля пути автоматически включались или выключались дополнительные двигатели, увеличивалась или уменьшалась сила тока. С наступлением темноты загорался ослепительный луч прожектора. Все приборы действовали безупречно точно.

Интересно и машинное отделение.

Единственный помощник поездного диспетчера, он же механик установок, открывает герметически захлопывающуюся дверь. Здесь помещение, где установлены реле, предохранители, катушки,— все это нервы огромного механизма локомотива.

Из-за второй двери доносится ровный гул. Там работает источник энергии — мощная газовая турбина. Она занимает центральное место в машинном отделении. Ее небольшой компактный корпус покрыт толстой матово-белой оболочкой, которая поглощает производимый ею шум. В этой турбине рождается могучая сила, которая движет поезд.

Таким образом, если пост управления локомотивом превратился в диспетчерский пульт, то его машинное отделение стало миниатюрным машинным залом подвижной электростанции.

Внутренняя температура, независимо от внешней, и в вагонах, и на диспетчерском пульте, и в машинном зале поддерживается постоянная. На стене есть такие же «таинственные» коробочки, похожие на розетки, как и в вагонах. Это агенты «фабрики климата».

В машинном зале нашлось место и для механика. Его пост представляет собой небольшую остекленную кабину с телефонным аппаратом внутренней связи.

За мостом, ожидая, пока пройдет наш экспресс, стоял тяжелый товарный состав шестиосных полувагонов с рудой. Локомотив его управляется с диспетчерского блока, расположенного за сотни километров.

Диспетчерский блок обычно находится на больших железнодорожных узлах и крупных станциях, как, например, на станции Жана Омир, что в переводе с казахского означает Новая Жизнь, к которой подошел экспресс. Неузнаваемой стала преображенная советскими людьми Голодная степь, напоенная водой дальних рек.

Невидимый диктор помог пассажирам заочно познакомиться и с устройством диспетчерского блока. Пока поезд подходил к белоколонному вокзалу, все уже знали, что блок занимает большое, светлое здание, которое стоит в стороне от путей. На втором этаже белый зал с надписью: «Соблюдайте тишину».

В центре зала, чем-то (может, своими приборами или пультом) напоминающем пост диспетчера локомотива, огромный щит. На светлом фоне четкие линии путей, коробочки вокзалов, прямоугольники мостов, черточки семафоров, автоматических шлагбаумов. Словом, это схема всей магистрали в миниатюре. Как звезды в небе, на ней горят огоньки. По вспышкам лампочек определяются состояние путей и движение поездов.

На экране, похожем на телевизионный, в любой момент можно проследить за движением состава. Приказания диспетчера передаются по радиотелефону. Но их бывает очень мало. Поезд, идущий по графику, не требует команды. Если только состав вышел из графика, как это случилось на разъезде 3650, тогда необходимо вмешательство человека.

На диспетчерском блоке есть специальные установки, которые «прощупывают» стальные пути. Как только где-нибудь произойдет повреждение, приборы тотчас же сигнализируют: на щите появляется алый огонек. Диспетчер по телефону дает распоряжение осмотрщикам пути. Через некоторое время алый огонь сменяется белым: «Все в порядке».

...А экспресс летит вперед. Наступает ночь, для его пассажиров вторая ночь в пути. Уже горы бегут навстречу газотурбовозу, увозящему людей в тоннели, через мосты, навстречу землям соседнего дружественного государства. На темном небе иногда вспыхивает мощный столб света, сильный и большой, как хвост кометы. Так экспресс сигнализирует городам о своем прибытии.

...Читатель вправе спросить: где же находится станция Жана Омир и можно ли купить билет на сверхдальний экспресс Москва — Пекин? К сожалению, пока мы должны его огорчить. Такого экспресса нет, но он, безусловно, будет. Родители газотурбовоза — мощные советские тепловозы — курсируют на дорогах Средней Азии, Заволжья, Северного Кавказа. На них есть многое из того, о чем мы рассказали. Часть новшеств нашла широкое применение в других областях техники.

Сегодня тепловозы развивают скорость до 70 километров в час. Но они смогут двигаться в два—три раза быстрее и по всем магистралям страны. Густая сеть стальных путей покроет пески Средней Азии, Чукотский полуостров...

Придет время, когда на смену паровозу, ведущему свой род от черепановского, на рельсы встанут новые локомотивы, экономичные, сильные. А среди них и газотурбовоз.

БЕССОНОВСКИЙ ЛУК

Каждую осень сюда, в большое село под Пензой, приезжали немцы, французы и англичане. Что так привлекало их в ту дореволюционную пору в это безвестное русское село — Бессоновку? Здесь не было памятников старины, и, тем не менее, приток иностранных «туристов» рос год от года.

Лук — вот что влекло сюда представителей крупнейших иностранных торговых

фирм. Пять миллионов пудов лука вывозилось ежегодно из Бессоновки только лишь по железной дороге. Бессоновский лук славился в магазинах Парижа и Берлина, на базарах Алжира и Туниса. Всем там было известно, что русский лук из села Бессоновки знаменит и прекрасными вкусовыми качествами и богатым содержанием витамина «С». Он не очень чувствителен к холоду, прекрасно сохраняется, легко переносит любую дорогу.

Луководство — одна из самых трудоемких отраслей сельскохозяйственного производства. Чтобы вырастить гектар лука, надо затратить в пять раз больше труда по сравнению с любой зерновой культурой. Заниматься луком жителей старой Бессоновки вынуждало малоземелье. На шести саженях душевого надела ни рожь, ни просо даже при самом хорошем урожае не могли прокормить крестьянскую семью.

В годы советской власти по-иному стала жить Бессоновка.

Селом миллионеров называют сейчас это большое село, ставшее основным луководческим районом Советской страны. Колхозы имени Кирова, «Сталинское знамя» и «Парижская Коммуна» получают ежегодно от трех до четырех миллионов рублей дохода.

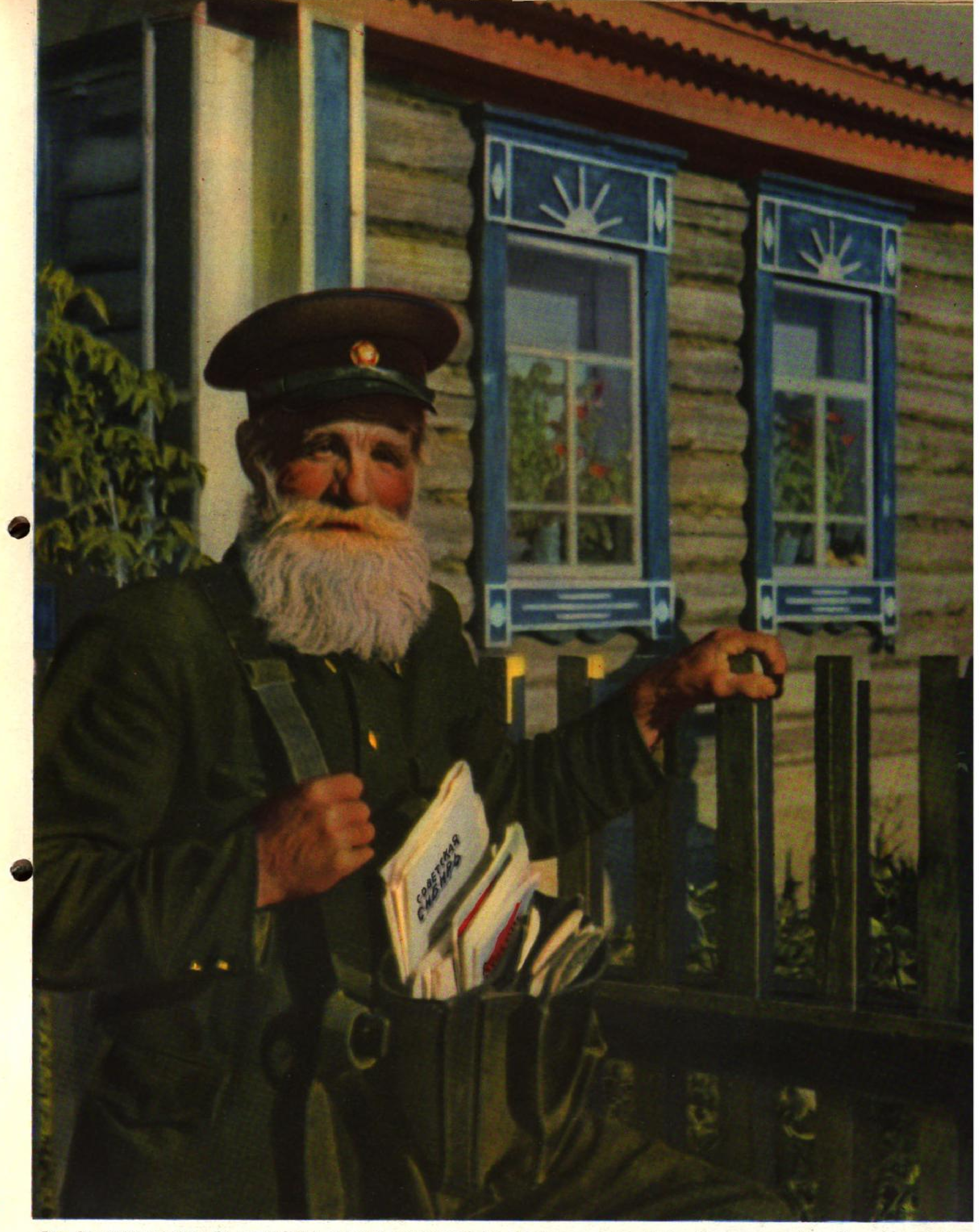
Хорошо растут на бессоновских полях новые для жителей села культуры: пшеница, просо, рожь, овощи, арбузы, многолетние травы. Большие прибыли приносят животноводческие фермы и пасеки, фруктовые сады и огороды.

Неузнаваемо изменился облик села луководов. Огромные склады — хранилища лука — построены в каждом колхозе. В колхозе имени Кирова сооружают новые каменные помещения для скота.

Сейчас в Бессоновке издается своя газета, работают мощный радиоузел и кинотеатр. По вечерам многолюдно во всех трех колхозных клубах и четырех библиотеках: одних только школьников в Бессоновке пятьсот.

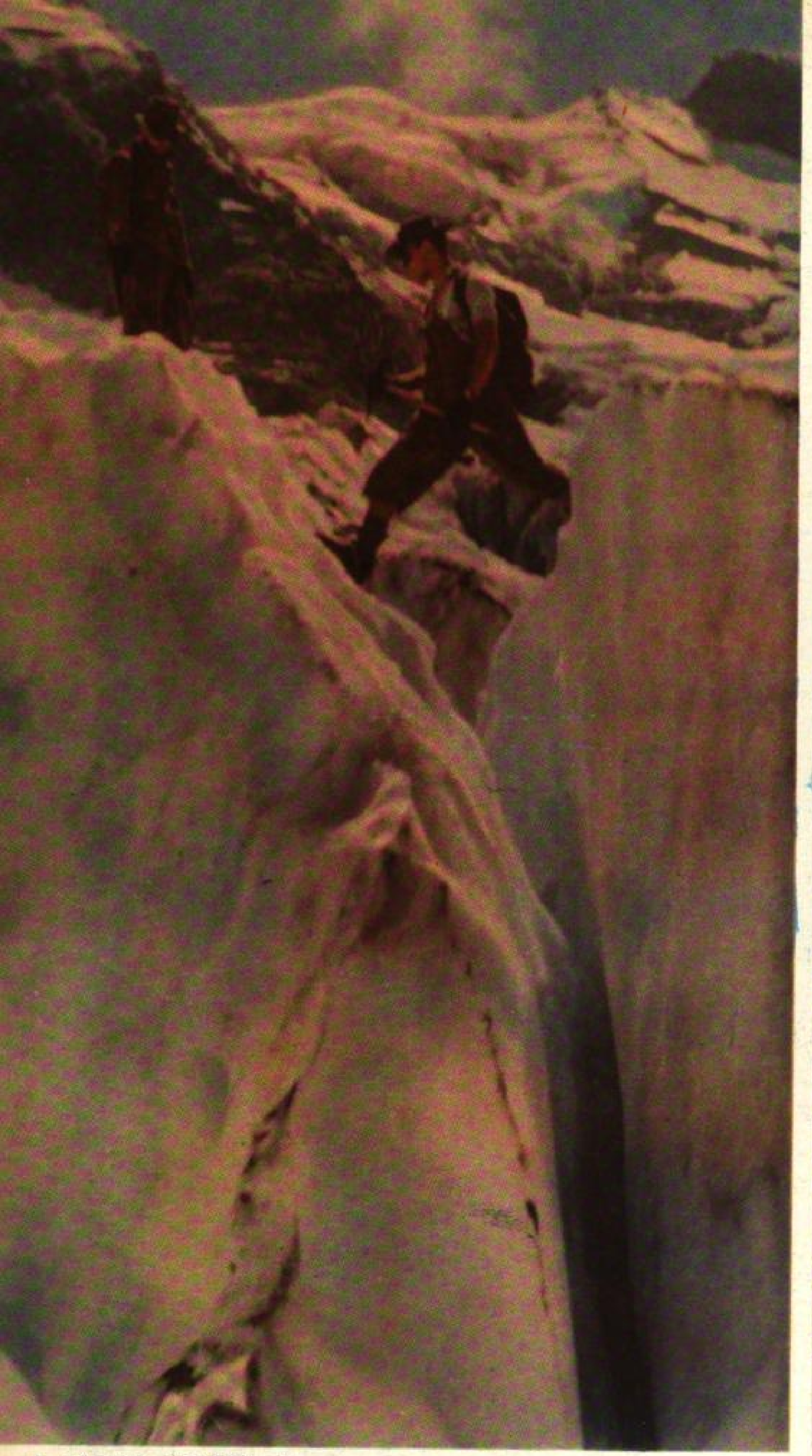
Так живет теперь колхозная Бессоновка — один из крупнейших в нашей стране поставщиков «горького овоща».

В. ЛАВРОВ

Егор Романович Карташев 20 лет работает сельским почтальоном. Он обслуживает колхоз «Гигант», Тогучинского района, Новосибирской области. Еще недавно он разносил всего лишь 11 газет и по нескольку писем. Теперь Егор Романович приходит в село Юрты с полной сумкой: в ней более 200 газет и журналов, сотни писем из разных концов страны.

Фото А. Узляна.

В ЛАГЕРЕ «АЛИБЕК». В августе нынешнего года группа студентов Московского авиационного института провела свои каникулы в альпинистском лагере «Алибек» спортивного общества «Наука». Студенты побывали в трудных и интересных походах, совершали восхождения на вершины Главного Кавказского хребта. На снимках: слева — преодоление ледовой трещины; справа — Константин Денисов и Альберт Трифонов поднимаются по крутому снежнику; внизу — привал на седловине гребня.

Фото студента Марка Трахтмана
Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ КРАЙ

«Его гоняли всю жизнь!.. Гоняли нужда и голод; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!..» — так писал В. Г. Короленко о якутском крестьянине-бедняке, герое рассказа «Сон Макара». Суровая природа глухой тайги, «ледяная тюрьма без решеток» — такой видел Якутию ссыльный русский писатель. И когда появляются на экране первые кадры документального фильма о сегодняшней советской Якутии [1], трудно сразу поверить, что это тот самый угрюмый и далекий ссыльный край, о котором писал когда-то Короленко...

Мы в столице Якутии — городе Якутске. Прибывшие с самолетом пассажиры недавно еще ходили по московским улицам, отдыхали на побережье Кавказа, в Крыму. Позади тысячи километров воздушного пути. Авиалинии — жизненно необходимые артерии Якутии. В республике, где от иного районного центра до столицы дальше, чем от Москвы до Франции, где территории районов больше любого европейского государства, безотказно действует транспортная авиация. Поднимаются в воздух стальные корабли, чтобы доставить в разные концы республики свежие газеты и книги, медицинское оборудование, кинофильмы.

Киногруппе, снимавшей фильм, не раз приходилось прибегать к помощи пилотов, чтобы успеть за событиями бурной жизни республики. Не одну тысячу километров прошли операторы по зимним снежным дорогам на оленях, на охотничьих лыжах. Более 700 километров на собачьих упряжках было сделано вместе с охотниками, проверявшими капканы.

Белка, горностай, песец, серебристо-черная лиса — с богатой добычей возвращаются с промысла колхозники. Фильм рассказывает о мужественных людях, добывающих ценнейшую пушнину.

Свирепые морозы, превышающие 60°, ни на один день не нарушают напряженной трудовой жизни республики. На сотни километров через тайгу проложены широкие зимние тракты — по ним непрерывным потоком идет древесина к берегам Лены. Штабели срубленного леса выстраиваются зимой у берегов великой сибирской реки. И как только первые весенние лучи чуть согреют землю, на этих берегах начинается подготовка к навигации.

Якуты — строители, агрономы, оленеводы, шахтеры, учителя, артисты — неустанно трудятся, чтобы сделать родной край еще богаче и краше. Здесь появилась совсем молодая, необычная профессия — мерзлотники. Сфера их действия — пояс вечной мерзлоты, который проходит почти под всей территорией Якутии. Чтобы колосились тучные хлеба, зеленели сады, росли города, упорно трудятся ученые, подчиняя воле человека неподатливую ледяную толщу.

Эпизод, повествующий о работе лаборатории якутских ученых-мерзлотников, — один из самых интересных в фильме. Сверкают прозрачными кристаллами куски ископаемого льда — его доставляют из разных районов Якутии. Глыбы ископаемого льда дают ученым необходимые сведения о характере почв того или иного района республики. Вместе с якутскими градостроителями был здесь разработан новый тип устойчивого фундамента.

Из лаборатории киноаппарат выводит зрителя на стройку. В котлован будущего дома опускаются железобетонные конструкции особого устройства, предохраняющие строение от разрушительной силы оттаивающего весной грунта.

Тесная дружба связывает ученых с колхозниками-мичуринцами. Успехи сельского хозяйства Якутии связаны с преодолением небывалых трудностей, с героическим упорством селекционеров. Опыты новаторов стали достоянием народа. Обильные урожаи созревают на полях Якутии.

Нельзя удержаться от радостного возгласа, когда на экране появляются якутские арбузы и яблоки, сочные, спелые помидоры. Разворачивается в кадрах панорама спелых хлебов.

Достижения колхозников и ученых, успехи строителей и лесорубов, зажиточная, счастливая жизнь — как далеко ушли якуты от безысходной нищеты и бесправия прежнего глухого захолустья! Горестная судьба героя Короленко — Захара Цыкунова («Сон Макара») — вспоминается его потомками как предание о тяжелом прошлом. Правнучка Цыкунова — студентка; внуки Захара славно трудятся в колхозной артели «Победа». Прежнее заброшенное село Амга — родина Цыкуновых — стало благоустроенным районным центром.

Изменился край. Тридцать лет социалистического труда — это страницы новой истории трудолюбивого и одаренного якутского народа.

Н. КОЛЕСНИКОВА, Т. СЛЕПНЕВА

[1] **«Советская Якутия».** Авторы — Р. Григорьев и Н. Мординов. Текст Е. Кригера. Операторы — М. Глидер, Е. Мухин, Н. Соловьев. Центральная студия документальных фильмов. 1952 год.

НА СНИМКАХ (сверху вниз):

В тундре зимой. На переднем плане охотник Иннокентий Оконешников — колхоз Турва-Урген.

На лесоразработках.

Город Якутск. Октябрьская улица.

Группа студентов-якутов. Третья слева — Анна Цыкунова, правнучка Захара Цыкунова («Сон Макара» В. Г. Короленко).

«Я хочу домой» С. Михалкова. Финал 1-й картины. Саша Бутузов (З. Ф. Булгакова) в карцере приюта.

ПОДРОСТКИ

«Я сейчас важный сон видел... Вот стою я на посту. Мороз... Устал я... И вдруг. Будто кто-то трясет меня за плечо. Я открываю глаза и вижу: Ленин. Владимир Ильич... такой же, как на портрете... Вот он смотрит на меня строго-строго и головой качает. «Нельзя,— говорит,— нельзя на посту спать, товарищ Ефимчик... врагов разобьем... И отдохнете вы тогда... А сейчас — нельзя спать...»

Рассказ бойца-комсомольца захватывает зрителей. В роли Ефимчика выступает артистка Зоя Федоровна Булгакова, а спектакль, горячо встречаемый детворой, идет на сцене Новосибирского театра юного зрителя.

Недавно Новосибирский ТЮЗ отпраздновал свое двадцатилетие — и все эти годы работает в нем заслуженная артистка республики З. Ф. Булгакова. Зрители, видевшие в своей юности начало творческого пути артистки, приводят сегодня в театр своих детей.

Лучшие ее образы — это наши советские дети, смелые, умные, жизнерадостные, находчивые, горячо преданные Родине.

В обмотках, в шинели не по плечу, в налезающей на глаза шапке выходит на сцену Ефимчик — самый молодой боец «Коммуны номер раз» из пьесы Горбатова «Юность отцов». Очень хочется Ефимчику во всем походить на взрослых: жесты его широкие, ходит он немного вразвалку, старается басить, все делает серьезно, убежденно.

Любознательность, пытливый ум, упорство отличают одиннадцатилетнего Шурика из «Сказки» М. Светлова, смело пускающегося в приключения. Увлеченно, до мелочей правдиво играет Зоя Федоровна роль Шурика. Удался Булгаковой и облик маленькой Лены Рогачевой из пьесы В. Рысс «Девочка ищет отца». Угловатость, несколько неуклюжие движения — все ребячье, по-настоящему детское.

В англо-американских приютах-застенках в английской зоне оккупации Германии томятся захваченные советские дети. Пьеса С. Михалкова «Я хочу домой» рассказывает об их жизни, о том, как упорно, настойчиво дети стремятся вырваться из неволи. Затравленным волчонком смотрит на своего «воспитателя» Саша Бутузов (артистка Булгакова) в первой картине. Но вот глаза мальчика засветились, плечи его расправились, в нем проснулся ребенок — в его руках карточка матери. Горечью, злобой, страшным негодованием полон он, когда эту карточку рвет «воспитатель». Чувство, наполняющее Сашу, передается зрителю, когда, добравшись после долгих мытарств до советской комендатуры, мальчик видит портрет Сталина. В его возгласе радость и счастье: кончилось горькое сиротство. Но и тяжело ему за тех, кто еще остался на чужбине...

Непримиримым ко всякой лжи и фальши, полным достоинства советским подростком предстал перед зрителем пионер Бадейкин — герой «Красного галстука» С. Михалкова. Актриса показывает, как умный и честный мальчик мужественно справляется с большим горем — утратой матери,— как помогает своему товарищу стать настоящим пионером.

Булгакова получает множество писем от своих зрителей. Взаимная их дружба сердечна и глубока. Она начинается после каждой новой премьеры, когда в антрактах или на открытом обсуждении спектакля завязываются страстные споры о достоинствах и недостатках пьесы.

Л. ГРИГОРЬЕВА

Новосибирск.

СЛОВО

Получившие широкую известность современные прогрессивные художники Италии Гуттузо, Дзигайна, Пиццинато, Мирабелло, Пурификато, Мукки, Аттарди выдвинулись не из рядов художников старой академической школы. Это живописцы нового поколения, закалившиеся в боевых схватках, участники движения Сопротивления, участники партизанской борьбы за освобождение Италии от гитлеризма. Наиболее выдающийся среди них по своим творческим устремлениям — Ренато Гуттузо. Еще во время освободительного движения Гуттузо создал серию острых по теме графических произведений и среди них рисунок «Расстрел», в котором с глубоким реализмом показан героизм итальянских патриотов.

Ренато Гуттузо родился в 1912 году в окрестностях Палермо. Отец его был землемером. С самых ранних лет Ренато видел ужасную нищету, в которой прозябали сицилианские крестьяне. Позже в своих картинах он часто возвращался к жизни крестьян, стонущих под ярмом крупных землевладельцев. Всю свою жизнь художник ищет социально заостренные актуальные темы, рассказывающие о народе и о том, что важно для народа.

В 1937 году Гуттузо пишет полное драматизма полотно о зверствах фашистов в борющейся за свободу Испании, а затем яркую, впечатляющую картину «Извержение Этны». В 1941 году он подвергся преследованиям со стороны католической церкви за картину «Распятие Христа». Папа назвал Гуттузо художником-дьяволом.

Гуттузо первый в Италии начал борьбу за обновление изобразительного искусства. Каждый раз, когда исторические события ставили интеллигенцию страны перед выбором пути, он без колебания, смело и решительно вставал на сторону народа.

Первые годы после освобождения страны от гитлеровских захватчиков творчество Гуттузо было еще не свободно от влияния формализма. Но неподдельная искренность содержания его картин и крепкая связь с народными массами привели художника на правильный путь реалистического искусства. Масштабы творчества Гуттузо с каждым годом расширяются, он совершенствует свое мастерство. Об этом красноречиво повествуют его работы «Эпизод из жизни батраков», «Занятие батраками пустующих земель», «Вдова, оплакивающая мужа», погибшего на войне. Облик женщины передан с большой драматической простотой, придающей силу этой реалистической композиции. Бросаются в глаза нищенская обувь, одежда, более чем скром-

Джузеппо Дзигайна. «БАТРАКИ В ДОРОГЕ».

ХУДОЖНИКА

ная, убогая, с единственным стулом обстановка жилья...

Летом нынешнего года в Венеции открылась традиционная Международная художественная выставка. Организаторы выставки, чтобы помешать участию в ней прогрессивных мастеров, отменили конкурсную систему отбора произведений. На выставку попали лишь те художники и скульпторы, которые уже показывали свои работы на предыдущих выставках в Венеции. В силу этого обстоятельства значительная часть новых художников-реалистов не была допущена в число экспонентов. Тем не менее на выставке оказалось немало произведений глубоко реалистических по своему содержанию, принадлежащих художникам-коммунистам. Центральное место занимает монументальная картина Ренато Гуттузо, посвященная одному из эпизодов исторической битвы краснорубашечников, руководимых национальным героем Италии Джузеппе Гарибальди, с войсками захватчиков из бурбонской династии. Неудержимой лавиной мчатся на врага доблестные гарибальдийцы, поражая неприятельских солдат. Гарибальди на коне, в самой гуще боя. Падают раненые, убитые, но движение вперед непреодолимо. Вдали, за полем битвы, морской залив, прибрежные скалы, раскинувшийся на берегу город. Эта батальная картина — выдающаяся работа лауреата Премии Мира Ренато Гуттузо.

Выразительны и глубоко содержательны другие полотна Гуттузо — «Расстрел гитлеровцами итальянских патриотов» (1952 год), «Расстрел Николы Белоянниса» (1952 год). Привлекает внимание красноречивая жанровая сценка «Любитель макарон» (1952 год).

Гуттузо не одинок в своих творческих устремлениях. Вместе и рядом с ним растущий отряд передовых художников, творящих для народа. На выставке представлены пять реалистически зрелых произведений Армандо Пиццинато: «Освобождение Венеции», «Косцы», «Докеры», «Расстрел», «Электрики». Это художник, близкий народу, тяготеющий к социально значительным темам.

Интересен жизненный путь Армандо Пиццинато. Он родился в городе Маниато в 1910 году, окончил Академию художеств в Венеции, преподавателем которой в настоящее время является. Пиццинато был активным участником партизанской войны и уже тогда вступил в ряды Коммунистической партии Италии. В 1943—1945 годах он подвергался преследованиям и несколько раз был арестован.

Сильное впечатление оставляет картина Пиццинато, изображающая эпизод борьбы за прекращение войны во Вьетнаме: молодая женщина легла на железнодорожное полотно, чтобы своим телом преградить путь поезду с военными материалами.

Если раньше в своем творчестве Пиццинато отдавал дань формализму, то в последние годы он твердо встал на путь реализма.

Главная тема творчества Дзигайна — изображение жизни батраков. В его картинах и рисунках можно видеть батраков, ожидающих парома, идущих пешком, едущих на телегах и на велосипедах на работу в ранние утренние часы. Поздним вечером собираются они на митинг, чтобы принять решение о возобновлении забастовки против притеснителей-помещиков или обсудить вопрос о занятии пустующих земель.

Произведения Дзигайна подкупают своей искренностью. Художник рисует нищенскую жизнь бедноты, пользуясь для этого множеством верно подмеченных деталей в быту батраков, одежде, орудиях производства. Мы видим убогий, расшатанный велосипед с прикрепленными сзади лопатами и мотыгами. Останавливают внимание огромные мозолистые руки вечных тружеников, вялая, размашистая походка, хмурый взгляд.

Большое влияние на творчество Дзигайна оказала советская художественная школа, которой он живо интересуется. Он сумел также извлечь для себя много полезного из опыта других прогрессивных художников Италии и прежде всего из многогранного творчества Ренато Гуттузо.

Работы молодого художника, активного сторонника мира Саро Мирабелло отличаются простым и четким рисунком, отсутствием какой-либо надуманности. Сильное впечатление остается от его портрета батрака, в котором чувствуется большая духовная сила. Светотень умело подчеркивает черты лица, которое выражает гнев, решимость и в то же время гордость. Мозолистая рука, которой он сжимает рукоятку мотыги, говорит о его несгибаемой воле. Это подлинный борец за свободу в современной Сицилии.

Габриэле Мукки представлен на выставке двумя картинами: «Восстанием в Праге в 1945 году» и полной драматизма «Воздушной тревогой».

Большим вниманием на выставке пользуются произведения талантливых художников — Марио Мафаи, Доменико Пурификато, Уго Аттарди, Тоно Дзанканаро, Ренцо Грациани, Франко Франчезе, Альберто Нобиле, Анна Сальваторе, Марчелло Муччини, Карло Леви и других.

В разделе скульптуры выделяются работы Адженоре Фаббри «Мать с ребенком» и «Смерть партизана» и Джузеппе Маццулло «Голова батрака». Среди графиков первая премия была присуждена выдающемуся художнику-коммунисту Тоно Дзанканаро.

Ренато Гуттузо. «ЛЮБИТЕЛЬ МАКАРОН».

Передовое искусство Италии, черпающее свое содержание из реальной действительности и посвятившее себя борьбе за свободу и мир, заняло ведущее место в современной итальянской живописи и скульптуре. Ярким подтверждением этого был огромный успех итальянских художников-реалистов на очередной выставке. Таков ответ передовой части итальянской интеллигенции на призыв Коммунистической партии Италии — упорно бороться за обновление итальянского искусства и культуры с тем, чтобы они стали доступными простому народу.

В. БУЛИМОВ,
Г. МАЛАХОВ

Габриэле Мукки. «ЖИТЕЛИ ПРАГИ СРАЖАЮТСЯ С ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ».

Слава Эмиля Затопека

Евг. ДМИТРИЕВ

Фото А. Гостева и В. Савостьянова

В день открытия олимпийских игр в Хельсинки уже немолодой, но еще крепкий спортсмен пробежал по дорожке, неся пылающий факел. «Пааво Нурми!» — пронеслось по трибунам. «Самый знаменитый из бегунов мира»,— поясняли приезжим знатоки. И они с восхищением вспоминали спортивные подвиги своего Пааво. Он бегал дистанции от 1 500 метров до часового бега, набирая за эти шестьдесят минут больше 19 километров. На парижской олимпиаде 1924 года он выиграл бег на 1 500 метров, а спустя час стартовал на 5 километров. И опять выиграл!

Остается добавить, что руководители финской команды не пустили его бежать тогда на 10 тысяч метров (золотая медаль была обещана другому финскому бегуну — В. Риттола). Рассерженный Нурми, не снимая тренировочного костюма, решил пробежаться по дорожке соседнего поля. И что же? Риттола (победитель олимпиады!) затратил на эту дистанцию 30 минут 23,2 секунды, а Пааво — 29 минут 50 секунд!

Но вернемся к олимпийскому стадиону в Хельсинки.

Вечером первого дня легкоатлетических соревнований бегуны взяли старт на 10 километров. Во главе растянувшейся вдоль дорожки цепочки бежал невысокий, крепкий спортсмен. Это был советский бегун, слесарь автомобильного завода в городе Горьком Александр Ануфриев. В головной группе бежал и чехословацкий спортсмен Эмиль Затопек. Сберегая силы для борьбы, он не сразу вышел вперед: ведь когда бегун идет в затылок другому, тот как бы прокладывает ему невидимую траншею в воздушном потоке.

Э. Затопек возглавил бег на 5 тысяч метров.

Прошли немногим более 2 километров — и на шестом круге вперед вышел Затопек. Как всегда, он бежит ровно, очень ритмично и продуманно. За ним неотступно следует смуглолицый Мимун — алжирец, защищающий спортивную честь Франции.

«Затопек предложил высокий темп. Выдержит ли он его до конца?» — переговариваются на трибунах. Чех не только выдержал, но и показал, что его выносливость не знает границ. На пороге девятого километра он усиливает скорость. Теперь уже Мимун не в силах бороться, уступая победу Затопеку, который уходит от него на 20... 40... 60 метров!

Ленточка порвана! Новый олимпийский рекорд! Третьим был А. Ануфриев.

Три дня спустя Эмиль завоевал еще одну победу. Более 50 спортсменов стартовало в забегах на 5 тысяч метров, 15 вышли в финал. Среди них олимпийский чемпион 1948 года бельгиец Рейфф и Шаде (Западная Германия), высокий, несколько угловатый, но сильный и выносливый. Кое-кто видел в нем возможного победителя: ведь он не тратил своих сил, как этот чех, уже бежавший 10 километров.

Один... другой... третий круг. Ведет англичанин Христофор Чатоуэй. Затопек бежит предпоследним. Впереди шведы, австралиец, венгры, финны. Некоторые из зрителей склонны думать, что на бегуне сказывается усталость после недавней борьбы на десятикилометровой дистанции. Но недаром Затопек был лишь третьим в позавчерашнем предварительном забеге: он бежит, как говорят знатоки, «не только ногами, но и головой». Когда спортсмены, бегущие впереди, ускоряют темп, чех не дает им слишком далеко оторваться от него. Но когда он видит, что бег «фаворита» Шаде чуть слабеет, Затопек выходит вперед. Потом опять выпускает вперед немца: пусть еще немного «выложится».

Один из опасных соперников — Рейфф — неожиданно сходит с дорожки. Не выдержал борьбы!

Шаде упорно хочет вырваться на первое место. Удар гонга! Последний круг. Затопек обходит своих соперников. Он ведет. Но что это? Шаде опять бежит первым. Нарастающий гул на трибунах. Кто же победит? Ведь бегуны вышли на предпоследнюю прямую. Рывок Шаде. Падение обессиленного Чатоуэя. И здесь Затопек еще раз показывает, что выносливость сочетается у него со скоростью, а воля — с тактикой. Три соперника — немец, англичанин, алжирец — «поджимают» Затопека. Но он резко вырывается вперед. Он побеждает! Установлен еще один олимпийский рекорд, завоевана еще одна золотая медаль.

27 июля. 68 бегунов выстроились на дорожке. Сегодня марафонский бег.

Сказания далекой древности повествуют: однажды в Афины вбежал запыленный воин. Губы его запеклись. Глаза ввалились. Он ступал, словно падая, и только ценой огромных усилий сохранял равновесие. Воин добежал до белых ступеней Акрополя, и здесь жизнь оставила его. Он успел лишь прошептать: «Радуйтесь, мы победили!»

— Победа! — облетело Афины, переходя из уст в уста.— Наши воины победили в сражении при Марафоне!

Прошли века, почти двадцать четыре столетия. Международный олимпийский конгресс в Париже в 1894 году постановил: ввести в программу состязаний марафонский бег (сорок с лишним километров — расстояние от Марафона до Афин). В 1896 году земляк безвестного воина грек Сотириос Спиридониос Луис первым пересек финишную линию сверхдлинной дистанции. Без малого три часа бежал он эти четыре десятка километров.

Время Луиса не могли побить победители следующих олимпиад: ни француз Теато, ни американец Хикс.

Печально закончился марафон для итальянца Дорандо на IV олимпийских играх в Лондоне (1908 год). Сильный и выносливый атлет бежал в голове бега от Виндзорского замка до Лондона. Первым вбежал он и на территорию стадиона, но здесь сказались невероятное переутомление и тепловой удар, сразившие бегуна.

Пошатываясь, появился он на дорожке и, очутившись в толпе людей, потерял ориентировку. Он бессмысленно глядел на судей, не понимал, чего же хотят от него волнующиеся зрители. Судьи взяли Дорандо за руки, и только тогда он пересек линию финиша.

Судейская коллегия сочла бег незаконченным. Пришедший спустя полминуты американец Хайес неожиданно для самого себя оказался обладателем золотой олимпийской медали.

И вот Хельсинки летом 1952 года. Бегуны тридцати трех наций: от низкорослых японцев и смуглых индийцев до светловолосых рослых шведов — вступят сейчас в борьбу на сверхдлинной дистанции.

Судья подал сигнал, бег начался. Марафонцы бегут широким шагом, ритмично.

Пройдены три круга по дорожке, опоясывающей стадион, и вот уже в марафонских воротах скрылся последний из бегунов. Они минуют аллеи, асфальтовые шоссе, трамвайные линии, навстречу им бегут дома, и дорожные знаки, и питательные пункты.

Бег ведет коренастый спортсмен, англичанин Петерс. Он знает, что где-то неподалеку бежит этот неугомонный чех. Быть может, удастся, взяв сильный темп, оторваться от него. Но пока что он трусит своим легким, эластичным шагом, этот невысокий светловолосый спортсмен. На его красной майке № 903. «Девятьсот третий» бежит в первой пятерке. Он не обгоняет передних, не дает обойти себя задним.

Тем временем на стадионе продолжаются соревнования. Но зрители, не покидая трибун, знают о том, как идет борьба на марафонской дистанции. На установленном посредине поля большом щите то и дело передвигаются номера. Они обозначают бегунов. Вот «девятьсот третий» номер Затопека передвинулся с пятого места на четвертое, потом — на третье. Пройдено примерно 20 километров, впереди еще столько же, но «девятьсот третий» решительно обошел ведущего сейчас бег шведа Янссона и, заняв первое место, никому уже не уступает его. Не только не уступает, но упорно увеличивает просвет.

Гул волнения пробегает по трибунам. Это будет новой олимпийской сенсацией! Неужели спортсмену демократической страны удастся выиграть еще одну золотую медаль? Те, кто побывали на дистанции, сообщают оттуда новости, и эти вести, словно удар тока, пробегают по трибунам: «Затопек не остановился ни у одного из питательных пунктов!», «Он не хочет терять ни секунды!», «Он не выпил ни глотка воды!», «Он обогнал на загородном шоссе трамвай, и пассажиры первыми аплодировали ему!».

Неужели, вопреки поговорке, погнавшись за тремя зайцами, он поймает... три золотые медали?

Так в напряженном ожидании проходит два часа, и десять, и двадцать минут.

...И после финиша марафонского бега, надев тренировочный костюм, он под шум трибун пробежал еще круг.

Чистый, серебристый голос фанфар прозвучал над трибунами! «Внимайте все!» В просвете ворот показался бегун. На взмокшей от пота майке № 903!

Под аккомпанемент нарастающих оваций поднявшегося на ноги стадиона выбегает он на дорожку. Преодолевает оставшиеся до финиша сотни метров после того, как за его плечами осталось больше 40 километров непрерывного бега. Он минует створы финишной отметки. Судьи нажимают кнопки секундомеров: два часа двадцать три минуты три и две десятых секунды! Великолепный, неслыханный результат! Ни один человек не пробегал еще с таким временем марафонскую дистанцию — труднейшую из длинных, длиннейшую из трудных (42 километра 195 метров). Достаточно сказать, что Затопек почти на километр обошел ближайшего соперника, аргентинца Р. Корно. И после финиша, надев тренировочный костюм, он под шум трибун пробежал еще один круг: круг почета!

Так одержал он свою третью победу на турнире лучших атлетов мира. И слава его побед затмила тогда славу таких чемпионов беговой дорожки, как Жан Буэн, Пааво Нурми, Гундар Хэгг.

Кто же этот бегун, имя которого каменотес трижды высечет на стенах олимпийского стадиона, этот светловолосый жизнерадостный чех с открытым, дружелюбным лицом, веселыми глазами и неутомимым сердцем? Каков же этот скромный человек, который в канун 35-й годовщины Октября завершил один из своих необычных пробегов: на советской границе Затопек вручил С. А. Ковпаку эстафету. Это было «Послание мира и дружбы» народа Чехословакии народам Советской страны.

«Я рабочий,— сказал он интервьюировавшему его представителю международных организаций борьбы за мир,— и в том, что я делаю, нет ничего сенсационного. Это честный труд, и только! А мои рекорды — прямой результат тренировки и тех условий, в которых я готовлюсь к состязаниям. Меня часто спрашивают о моей системе, о «секрете» моих рекордов. Но никаких секретов нет. Спросите-ка зайца, почему он так хорошо бегает. Да потому, что он не может не бегать. В этом его жизнь.

Так и я. Я не гонюсь за рекордами, но бегаю потому, что спорт, и особенно бег, для меня — выражение радости жизни, проявление моей любви к жизни».

Он родился 29 лет назад в Копрживнице, одном из небольших городов Моравии. «Раньше наш городок славился своими автомобильными заводами,— говорят земляки Эмиля,— теперь еще и нашим Затопеком».

У старика Затопека было шесть ребят, и среди житейских забот вряд ли думал он о спортивном будущем одного из них. Сразу же после школы Эмиль поступил на завод Бати в Злине. В годы оккупации юношу погнали работать на завод силикатов. Когда он просил отпустить его с этой подрывавшей здоровье работы, ему напоминали о концлагерях, о судьбе Фучика и всех тех чехов, которые не хотели признать «нового порядка» в Европе. Эмиль посвоему боролся за сохранение самого себя: вечером, каждым вечером, уходил после работы за город, чтобы бегать один за другим километры по лесным аллеям и тропкам.

Еще мальчишкой худенький, невысокий Эмиль неутомимо гонял футбольный мяч, бегал зимой на лыжах. Однажды его остановил в коридоре руководитель учебной группы:

— Завтра вы бежите!

— Куда?

— В традиционном пробеге по Злину.

— Но я же никогда не участвовал в соревнованиях!

— Не важно: все имеет свое начало.

От первого старта в городке Злин до недавнего финиша в Хельсинки прошло не так уж много лет. Но это была поистине дистанция огромного размера, так далеко увел вперед искусство бега на дальние дистанции сын старого Затопека из Копрживнице.

Шестьдесят два победных километра пробежал Затопек в дни этого международного смотра спортсменов. Три золотые медали были «трофеями» капитана чехословацкой армии, неутомимого борца за мир, чье имя становится уже нарицательным.

«Я Затопек!» — с нескрываемой гордостью говорит о себе юный победитель соревнования бегунов двора или переулка.

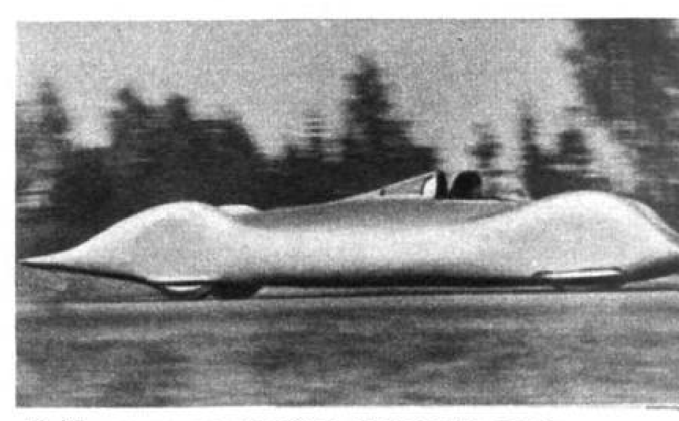
«Эмиль Затопек» — стоит на корпусе мощного паровоза, созданного в послевоенной Чехословакии.

Мы хотим закончить свой рассказ словами, сказанными самим Затопеком: «Спорт помогает воспитанию здоровых людей, мирных созидателей, в то время как война плодит калек... В подавляющем большинстве спортсмены — люди прямые, честные, откровенные. Они хотят жить в мире и признают лишь одно поле боя: беговую дорожку».

Э. Затопек и его жена Д. Затопкова — чемпионы олимпийских игр — с подарками.

Автомобиль мчится по шоссе

В. Никитин на автомобиле «Харьков-6» в момент гонки.

Гонщик И. Помогайбо на автомобиле «Дзержинец».

Фото Б. Довгялло.

Каждой осенью на Минском шоссе под Москвой можно наблюдать интересное зрелище: несколько десятков легковых автомобилей, многие из которых необычной формы, мчатся по шоссе с большой скоростью. Они доходят до определенного пункта, быстро разворачиваются и устремляются обратно. Это скоростные автомобильные соревнования.

В сентябре на Минском шоссе были проведены соревнования на первенство Советского Союза.

В шоссейных гонках на 500 километров на автомобиле «Победа» звание чемпиона Советского Союза завоевал известный автоспортсмен водитель М. Метелев (механик — Б. Лисов). Дистанцию он прошел со средней скоростью 142,979 километра в час, что является новым рекордом страны.

На автомобиле «Москвич» в этом году водитель А. Герасимов (механик — А. Прохоров) также установил новый рекорд. Он прошел 500 километров со средней скоростью 112,632 километра в час.

Мастер спорта А. Амбросенков на спортивном автомобиле «Звезда ЭМ-НАМИ» достиг выдающихся итогов: он прошел 50 километров со средней скоростью 169,907 километра в час, а дистанцию в 100 километров — со скоростью 153,931 километра в час, что превышает мировые рекорды.

Большое внимание автоспортсменов и всех автомобилистов привлекают так называемые километровки. Наибольшей скорости в этих заездах добился гонщик И. Помогайбо на гоночном автомобиле «Дзержинец». Километр «с хода» он прошел со скоростью 215,182 километра в час. Такого результата в нашей стране еще никто не достигал.

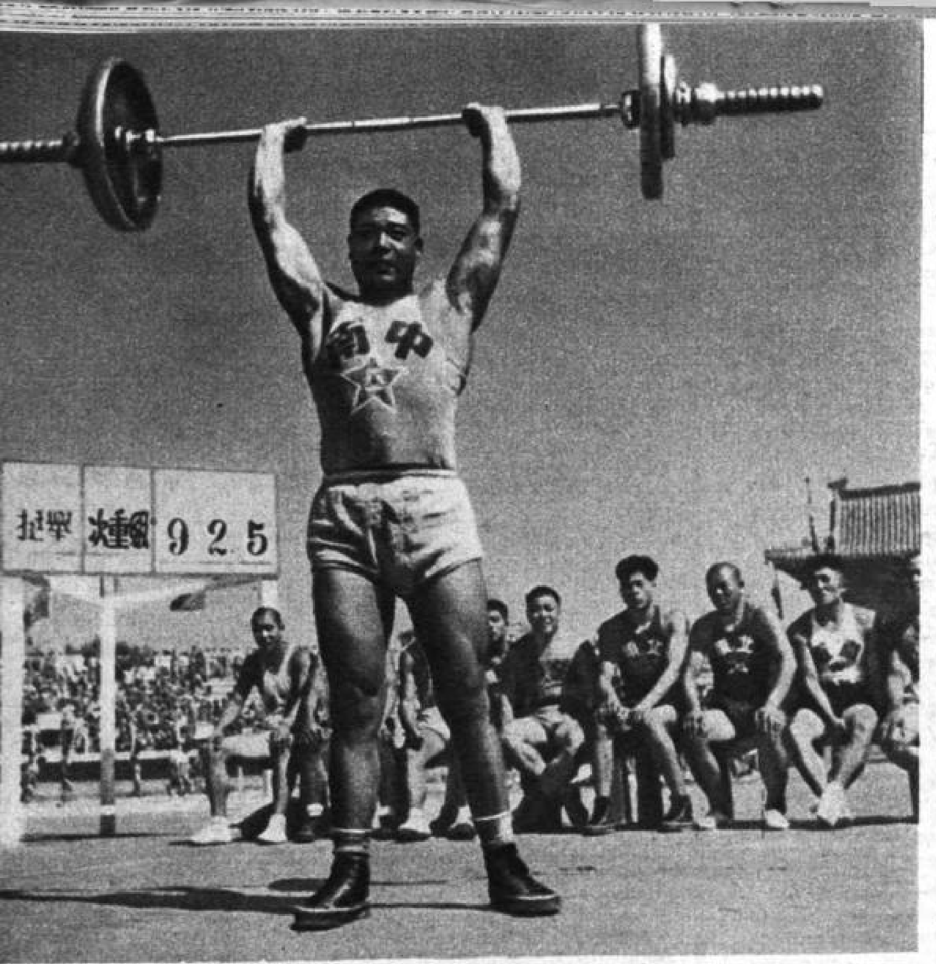
Успешно выступал на своем гоночном автомобиле «Харьков-6» мастер спорта В. Никитин. В этом году он превысил прошлогоднее достижение, пройдя километр «с хода» со скоростью 203,274 километра в час.

Кросс проводился на этот раз в районе Киевского шоссе и отличался особенно трудными по проходимости участками пути. Победителями оказались водители Л. Грищук (механик — Г. Борзых) и Н. Розанов (механик — М. Конауров).

Последние гонки и кросс показали, что советские легковые автомобили обладают надежными механизмами для длительного движения с большими скоростями, а грузовые — высокой проходимостью в условиях бездорожья.

В итоге соревнований наши автомобильные заводы получат ценные материалы для совершенствования конструкции автомобилей.

А. САБИНИН, И. КАЗАКОВ

Спортсмены НОВОГО КИТАЯ

В новом, народном Китае физкультура и спорт становятся достоянием народа. Никогда в истории китайского спорта соревнования не были такими массовыми и не привлекали к себе так много зрителей, как в последние два года. За это время было проведено около четырехсот крупных состязаний, в которых приняло участие более миллиона спортсменов. А сколько соревнований состоялось в селах!

Жун Гао-тан, заместитель председателя Всекитайского общества физкультуры и спорта, в журнале «Народный Китай» так пишет об этом: «Став хозяином своей страны, освободившись духовно и физически от кошмара старой жизни, китайский народ расправил свои могучие плечи. Подъем физкультурного движения в молодой народной республике говорит о растущей силе и могуществе китайского народа».

По указанию Центрального Народного правительства во многих городах Китая сейчас строятся новые стадионы, бассейны, спортивные площадки. В Чэнду и Шанхае созданы институты физической культуры и спорта, а во многих вузах — факультеты физкультуры. Каждое утро диктор пекинского радио приглашает радиослушателей приступить к гимнастической зарядке. На фабриках, заводах и в шахтах многие рабочие, прежде чем стать к станку или спуститься в забой, также занимаются спортом.

В Мукдене в 1949 году среди физкультурников было всего 3,5 процента рабочих, а в 1951 году — 21 процент. В этом году их стало еще больше. Так воплощается в жизнь призыв вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна: «Развивать физкультуру и спорт, закалять физически наших людей».

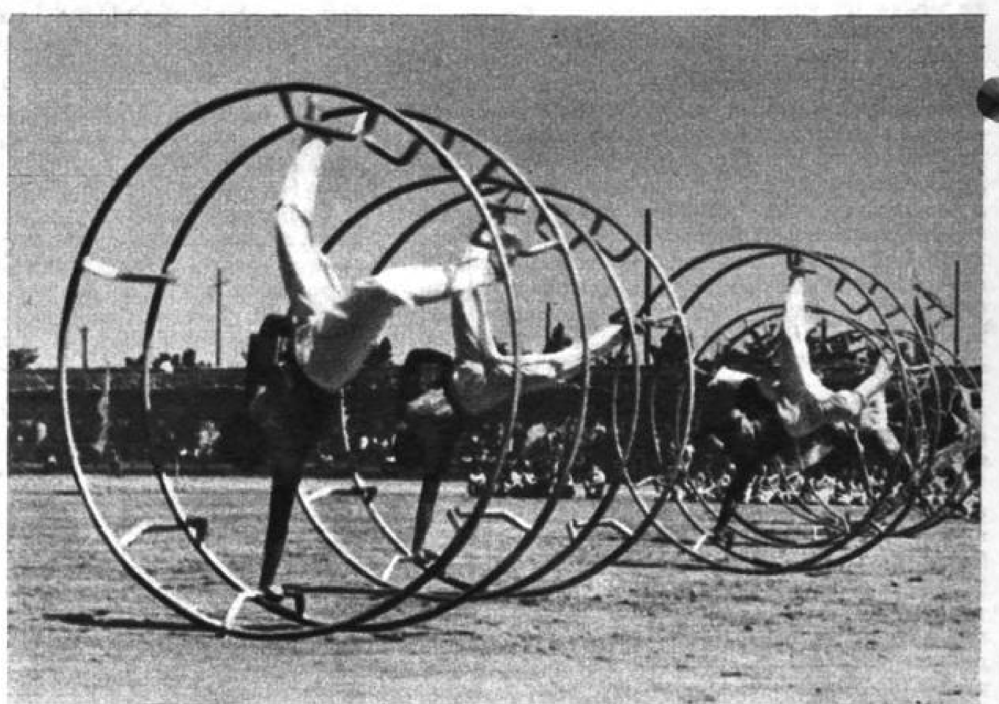
Недавно в Пекине состоялся большой спортивный праздник, посвященный 25-й годовщине славной Народно-Освободительной Армии. Для участия в этой спартакиаде в Пекин со всех концов страны прибыли спортсмены — солдаты и офицеры, а также представители отрядов китайских народных добровольцев. Соревнования открылись на Народном стадионе, близ знаменитого храма Неба. Спортсменов приветствовали Главнокомандующий Народно-Освободительной Армией генерал Чжу Дэ и заместитель премьера Государственного административного совета профессор Го Мо-жо.

Во время всеармейской спартакиады состоялись встречи волейболистов, гимнастов, мотогонщиков, джигитов, пловцов, тяжелоатлетов и мастеров других видов спорта.

На публикуемых снимках, дружески предоставленных агентством Синьхуа журналу «Огонек», запечатлены некоторые моменты соревнований.

На снимках: слева вверху — Вес взят! Внизу — Так на празднике проходили соревнования джигитов.

Зрители с особым интересом следили за выступлениями акробатов.

Водный бассейн Бэйхай в дни всеармейской спартакиады. В соревнованиях по прыжкам в воду и гребле отличились молодые спортсмены Военно-Морского Флота.

Инженер-конструктор Н. М. Флорианович, профессор И. А. Соколянский и А. П. Проскурякова.

Фото Ш. Гальперина

Электрический глаз

Наталия Матвеевна Флорианович включила аппарат в электросеть. Электрический глаз «увидел» первую букву, и слепая Александра Павловна Проскурякова сказала:

— Буква «к»...

В «поле зрения» аппарата попал второй знак. Чуткие пальцы Проскуряковой снова ощутили его. В течение тридцати минут слепая усвоила несколько букв и слов, помещенных в первой учебной таблице — своеобразной «инструкции» к аппарату, с помощью которого люди, лишенные зрения, смогут читать книги, напечатанные обыкновенным плоскопечатным шрифтом.

Испытания образца аппарата для чтения слепыми плоскопечатного шрифта проходили во Всесоюзном научно-исследовательском институте медицинского инструментария и оборудования. Слепая Проскурякова, юрист по образованию, заново училась читать. Дело в том, что система букв на аппарате несколько отличается от обычной выпуклой системы.

Аппарат для чтения слепыми обычного шрифта — переворот в жизни людей, лишенных зрения.

В нашей стране люди, лишенные зрения, работают, учатся, защищают диссертации, делают научные открытия. Но и работа и обучение, конечно, сильно усложняются невозможностью самостоятельно читать необходимую литературу.

Книги для слепых необычайно громоздки и тяжелы. «Война и мир» Л. Н. Толстого занимает восемьдесят томов общей толщиной в... двенадцать метров! Восемнадцать томов «Хождения по мукам» А. Н. Толстого весят несколько десятков килограммов.

Над созданием аппарата для чтения слепыми плоскопечатного шрифта трудились многие русские изобретатели и ученые, но ни один из созданных ими образцов не удовлетворял необходимым требованиям.

Несколько лет назад начал заниматься этим вопросом профессор Иван Афанасьевич Соколянский — человек, посвятивший всю свою жизнь работе с людьми, лишенными зрения, речи, слуха. Иван Афанасьевич, последователь павловской школы, подошел к решению задачи, основываясь на учении И. П. Павлова об анализаторах; он доказал, что незрячий может читать не двумя «бегающими» руками, а одним неподвижным пальцем. Такая система чтения более эффективна — не утомляет читающего, дает ему больше возможности сосредоточиться; текст при таком чтении быстрее и лучше усваивается.

Перед нами аппарат, в котором использованы достижения советской оптики и электроники. Молодые сотрудники Научно-исследовательского института медицинского инструментария и оборудования Н. М. Флорианович — руководитель работ, конструктор А. А. Пушкарев и другие в содружестве с профессором И. А. Соколянским сконструировали прибор, который поможет слепым читать любые книги, газеты и журналы, напечатанные обычным плоским шрифтом.

Совершенно так же, как радиопередатчик и приемник превращают немые электромагнитные волны, идущие по эфиру, в слышимые, «электрический глаз» аппарата дает возможность слепому ощутить невидимые для него буквы, прочесть незримый для него текст.

Оптическая система, расположенная над подставкой, на которой лежит текст,— это мозг и глаза аппарата. Оптический объектив «вбирает» в себя отражение текста, проектирует его на фотоэлементы, соединенные с усилителем. Электроэнергия, образуемая на фотоэлементе, усиливается; световой сигнал превращается в электрический и поступает в блок реле. Тут происходит третье преобразование энергии — из электрической в механическую: реле срабатывают и в зависимости от конфигурации отраженной буквы толкают тот или иной штифтик на тактильной площадочке. Штифтик выскакивает в одно из пяти отверстий — точек; тут его и ощущает палец слепого.

Пять фотоэлементов, пять реле, пять штифтиков. Различная комбинация их показывает ту или иную букву. Текст, лежащий на подставке, передвигается снизу вверх и справа налево, перемещая буквы и строки. А человек спокойно сидит перед аппаратом, положив указательный палец правой руки на тактильную площадочку, и читает.

М. ЯНОВСКАЯ

Кто бывал на Черноморском побережье, тот мог наблюдать, как в солнечный день из моря выпрыгивает крупная серебристая рыба. Высоко взлетев над водой, она падает в море, издавая далеко слышный плеск. Это играет кефаль.

Расположившиеся на мостиках рыбаки с удочками с завистью поглядывают на беззаботную игру драгоценной рыбы. Они знают, что поймать кефаль на удочку невозможно: пугливая и разборчивая рыба не берет никакую наживку. Правда, местные рыболовы рассказывали мне, что раз в году кефаль среднего размера берет на морского червя...

Лов кефали — мудреное дело и для рыбаков-профессионалов. Повадки этой рыбы не позволяют заманить ее в обычные сети. Но как ни осторожна кефаль, человек все-таки сумел ее перехитрить. Пугливость и свойство прыгать из воды — главные особенности кефали, помогающие ей избегать опасности быть пойманной, — оборачиваются против нее в тех случаях, когда рыбаки применяют простой и остроумный способ ловли — рогожей.

Рогожа плетется из куги — легкого болотного растения, похожего на камыш. Длина каждой рогожи примерно десять метров, ширина до полутора метров, края рогожи загнуты кверху. Несколько таких рогож соединяют вместе так, чтобы получился непрерывный, не менее чем стометровый пояс.

...Тихая августовская ночь. Геленджикская бухта погрузилась во тьму. В эту пору кефаль собирается в большие стаи и выходит на мелкие места, ближе к берегу.

На стоящем на рейде мотоботе слышатся приглушенные голоса, видны силуэты рыбаков, перекладывающих рогожу с мотобота на баркас.

Вокруг плещется кефаль. Сидя с удочками в лодке, сперва я слышу что-то похожее на продолжительное фырканье, как будто взлетела перепелка. Затем уже раздается плеск падающей рыбы. Вероятно, кефаль, чтобы выпрыгнуть повыше, быстро перебирает плавниками.

Баркас отходит от мотобота, направляясь к месту, где по всем признакам должна быть кефаль. Когда она обнаружена, рыбаки опускают рогожу на воду и быстро смыкают ее концы. Получается замкнутый плавающий круг. Для кефали это западня. От рогожи ко дну идет теневой столб, который пугливой рыбе кажется непроходимой стеной. Захваченную в кольцо рыбу рыбаки, вошедшие на лодке в круг, пугают, ударяя веслами по воде. Рыба мечется во все стороны и, натыкаясь на теневой заслон, делает попытку перепрыгнуть его. На темной поверхности моря возникает белая полоса: выпрыгивающая рыба падает на рогожу и замирает. Так рыбаки иногда добывают до тонны кефали. Но бывает и иначе: окружена большая стая рыбы, а на рогожу попадают единицы. Это значит, что среди кефали оказалась рыба-игла. Не обращая внимания на теневой заслон, она свободно проходит через него, а за ней следом уходит и кефаль. Рыбаки говорят: игла выводит кефаль.

Я. ФИЛИППОВ

Геленджик.

Одно известное западногерманское издательство задумало выпустить в переработанном виде старый «Путеводитель по Рейнланду и Пфальцу».

— Ничего не приукрашивайте и не преувеличивайте! — сказал издатель автору, знающему свое дело человеку, составившему прежний путеводитель.

Три месяца спустя автор представил свою рукопись. Издатель раскрыл ее посредине и стал читать попавшийся ему на глаза текст:

«...Великолепный вид на Рейн и его зеленые, покрытые виноградниками холмы открывается туристу из Клостерберга (в настоящее время доступ закрыт — местопребывание командования американской дивизии). Отсюда, примерно за час, можно пройти по очень поэтичной проселочной дороге (сейчас для пешеходов недоступна — танкодром) в местечко Зибенвейлер, достопримечательное своей старинной, построенной в готическом стиле ратушей (в настоящее время посещение прекращено — ратуша перестраивается под столовую для штаба американского полка).

Миновав прекрасный молодой лес (доступ закрыт — американский аэродром с двухкилометровой стартовой дорожкой), мы затем следуем вдоль Мюльбаха, манящего выкупаться в его прохладных струях (сейчас купание немцам воспрещено), приходим в заповедник «Большой дикий парк» (вход запрещен ввиду сооружения американского госпитального городка на тысячу кроватей, с часовней и крематорием), бросаем взор на Лаутерберг (теперь местонахождение американской метеорологической станции), и вот мы уже у тихого озера Менхвайлер с его гигантскими плакучими ивами и живописными берегами (в настоящее время местность для немцев закрыта, там построен комфортабельный дачный поселок «Малая Америка»).

Пройдя отсюда в юго-западном направлении напрямик через поля по холмистой местности (сейчас не пройти — тут учебный плац второй американской дивизии «Ад и колеса»), мы наконец добираемся до Вингертсгаузена, цели нашего дневного путешествия. Здесь мы посещаем на рынке знаменитую «Старую пивную» (в настоящее время доступ разрешен только служащим американской оккупационной армии и их дамам).

Удовлетворенные отличными впечатлениями дня, мы в заключение отправляемся ночевать в таверну «Гнедого коня» (сейчас предназначена исключительно для американских гостей)...»

Тут зазвонил телефон. Издатель взялся за трубку и побледнел. Положив обратно трубку, он произнес:

— Очень сожалею, мой друг, но, как я только что узнал, новое издание путеводителя не состоится. Наша типография сейчас реквизирована для издания американского путеводителя по Рейнланду и Пфальцу.

Ф. БЕРНГАРД

«Дер фришер винд»

Демисезонные пальто, отделанные мехом

3. **Двубортное пальто из легкого драпа, свободной формы, с поясом, меховым воротником шальной и меховыми манжетами. На рукавах покроя реглан застрочены внутренние рельефы, заутюженные с изнанки на ребро. По талии застрочены мягкие складки, карманы прорезные. Швы, застроченные спереди и сзади от талии к низу, также заутюжены на ребро.**

Автор — А. Черемных.

1. **Двубортное пальто с небольшим меховым воротником из легкого драпа или фуле, прилегающее в талии. Отрезные бока пальто расклешены. По талии и от плечевых швов застрочены вытачки. Пальто отделано широкой строчкой.**

Автор — Л. Турчановская.

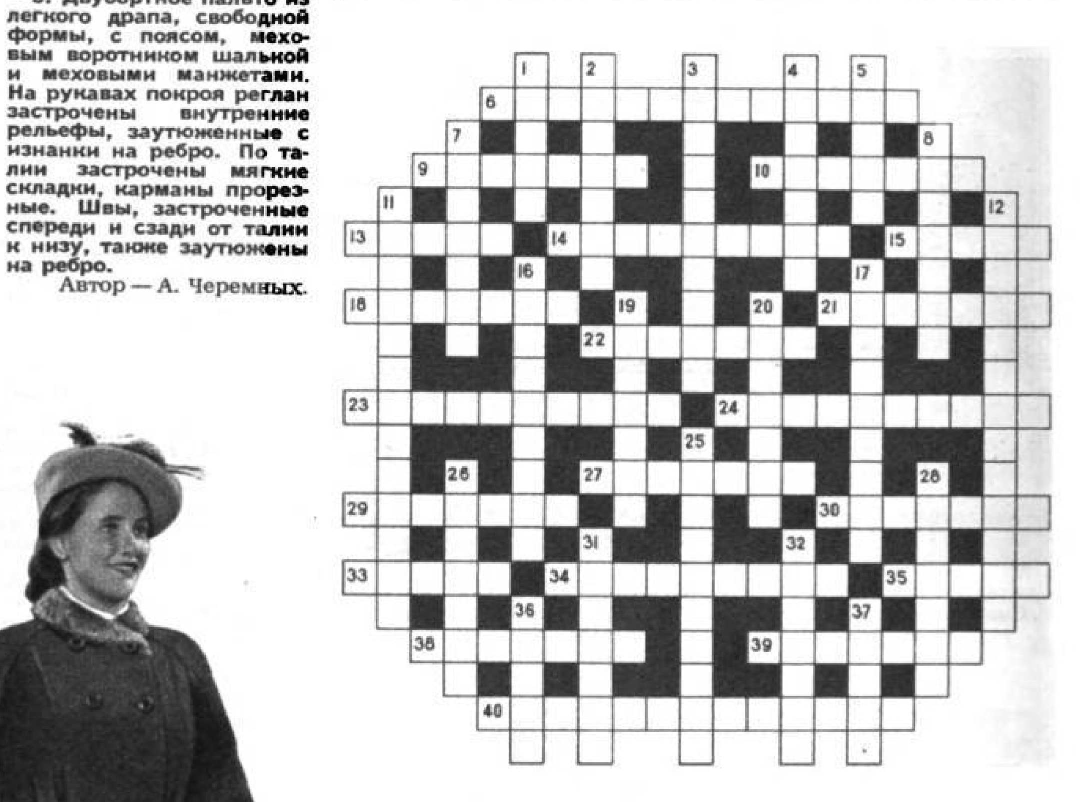
2. **Пальто с поясом, из легкого драпа, сукна или ратина. По линии талии, на боках и спинке пальто отрезное. Середина переда и спинки настрочена отлетной складкой на цельнокроенные с боками рукава. Спереди по направлению складок заложены мягкие вытачки. Прорезные карманы скрыты в мягких складках, заложенных спереди от талии к низу. Воротник широко отстрочен; второй, накладной воротник меховой.**

Автор — Д. Колесникова.

Модели Общесоюзного дома моделей.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Техническая специальность. 9. Денежное отправление. 10. Свойство тел сохранять покой или движение. 13. Форма распределения производимых обществом ценностей. 14. Прибор для насыщения углекислотой прохладительных напитков. 15. Сооружение над шахтой. 18. Окись кальция. 21. Рассказ А. П. Чехова. 22. Знак в математике. 23. Сплав железа с каким-нибудь металлом. 24. Рисунок комического содержания. 27. Особый вид денежного вклада. 29. Соединение кораблей. 30. Певчая птица. 33. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 34. Морская мера длины. 35. Название полуострова на севере СССР. 38. Поток воды. 39. Советский драматург. 40. Музыкальное училище.

По вертикали:

1. Дорожка в парке. 2. Цирковой гимнаст. 3. Особая форма организации труда. 4. Азербайджанский писатель и общественный деятель XIX века. 5. Порывистое круговое движение ветра. 7. Преимущество. 8. Знаменитый русский хирург. 11. Обещание. 12. Отрасль легкой промышленности. 16. Единица измерения давления. 17. Отдел педагогики. 19. Русский ученый-микробиолог. 20. Остров у восточных берегов Азии. 25. Дипломатическое представительство. 26. Персонаж комедии Грибоедова. 28. Совокупность условных знаков. 31. Город в Новосибирской области. 32. Газ. 36. Каменистое возвышение речного дна. 37. Точное воспроизведение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

1. Девиз. 4. Признак. 6. Юргин. 8. Каюта. 14. Таволга. 15. Попытка. 17. Огневка. 20. Университет. 21. Охра. 22. Бизе. 23. Регенерация. 24. Долгота. 27. Маховик. 29. Матрица. 30. Юннат. 33. Дутье. 34. Расцвет. 35. Тепло.

По вертикали:

1. Дерн. 2. Вязь. 3. Злак. 4. Пихта. 5. Какао. 7. Рост. 9. Тмин. 10. Копперфильд. 11. Уверенность. 12. Иллюстрация. 13. Нивелировка. 15. Пароход. 16. Концерт. 18. Гречиха. 19. Акведук. 25. Овен. 26. Амбар. 27. Мазут. 28. Хорь. 31. Такт. 32. Сцеп 33 Депо.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Лоси-новоселы

У нас на Черном займище появился диковинный для наших краев зверь — лось. Один охотник три зари ходил в лес, пока не увидел пришельца.

Мы были довольны, что наши леса достойны такого «гостя». Старожилы стали расхваливать разнотравье лугов да «хрустальную» воду в озерах, якобы приманивших лося.

Случай помог и мне увидеть «лесного царя». Поздней осенью пошел я задолго до рассвета поохотиться за казарками, которые ночевали на Сухоребром, а кормились на большой полосе убранной пшеницы, примыкавшей к лесу. Это был последний колок — перелесок, а дальше на юг тянулась степь. Я устроил шалаш-скрадок недалеко от лесной опушки и стал ждать птицу.

Слышу, хрустнула ветка. Я повернул голову и на опушке леса увидел лося. Он стоял спокойно, подняв голову, смотрел на степной простор. Потом зверь вышел на полосу и долго смотрел в сторону озера, где шумела птица. Надо мной пролетела стайка казарок, но я не выстрелил. Не хотелось пугать «гостя». Я сидел в скрадке, не шевелясь, и любовался сильным, красивым животным. Но вот налетела огромная стая птиц. Лось неторопливо повернулся и скрылся в лесу.

Охота была удачной, но больше всего я был доволен тем, что увидел лося.

Я подумал: «Не разведчик ли это новых угодий?»

Сколько пробыл зверь у нас, установить не удалось. Очевидно, перед снегом он ушел обратно в тайгу. Зимой лосиных следов мы не замечали, хотя охотники по пороше побывали во всех колках...

На другой год весной там же, на Черном займище, увидели уже двух лосей. Все лето попадались они на глаза охотникам. «Зазимуют или уйдут?» — гадал я. Если зазимуют, то подтвердится моя догадка о первом лосе-разведчике.

Лоси зазимовали. Только весной новоселы стали более осторожными и, увидев вдали человека, быстро скрывались в лесу. Оказывается, они прятали от глаз людей лосенка.

Сейчас лоси размножились у нас в районе. Их можно встретить на Черном займище, на Саврасе и в соседних колках.

Н. ОСИПОВ
Северный Казахстан.

В этом номере помещены восемь страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление А. Котельниковой.

А 04497. Подп. к печ. 21/X 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 839. Заказ 2429. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Девичья песня

Слова А. СУРКОВА
Музыка А. ОСТРОВСКОГО

Не яблочко румяное
Сожгла зима в саду.
Пришла любовь незваная
На девичью беду.

Пришла любовь незваная,
Как летняя гроза.
Знать, не на радость глянула
Я в синие глаза.

Звезда моя печальная,
Зажгись и помоги
Услышать песню дальнюю,
Знакомые шаги.

Кудрявая сутулится
Березка над рекой.
Пройди по нашей улице
И сердце успокой.

ЦЕНА 3 РУБ.